

~~SV.304~~

№ 1050

Preis:

Kr. / —

S. 35—

Zur Leihbibliothek

von

Kluge & Ströhm, Reval

Gegr. i. J. 1813

Langstrasse Nr. 9

gehörig.

WL&Co.4070.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ.

Printed in Poland
Copyright by „Dobro“
Warsaw.

SV 304.

М. П. АРДЫБАШЕВЪ

Подъ Солнцемъ

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu 449691

~~SV-306~~

Издательство „Добро“, Варшава.

1924.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ.

Что было, то и будетъ; что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, — и нѣтъ ничего новаго подѣ солнцемъ.

ЕККЛЕСІАСТЪ 1. 9.

РѢДКАЯ НАХОДКА.

Кровавая полоса заката охватила черный горизонтъ. Дулъ сильный тягучій вѣтеръ и гналъ на берегъ нарастающія волны. Онѣ рождались гдѣ-то далеко, въ необозримыхъ просторахъ океана, и безконечными рядами, упорно и грозно шли на землю. Издали онѣ казались сплошной черной грядой, приближаясь къ берегу, росли, подымались, мрачно сверкали кровавыми отблесками заката и съ грохотомъ обрушивались, разорваннымъ грязнымъ кружевомъ пѣны безсильно всползая на голый песокъ. Потомъ тысячами струекъ, съ жалобнымъ ропотомъ и плескомъ, торопливо убѣгали назадъ.

Насколько могъ охватить глазъ, въ обѣ стороны тянулась гладкая отмель, окаймленная кучами гніющихъ водорослей. За береговой полосой начинались невысокіе бугры, покрытые цѣпкой, ползучей зеленью и рѣдкимъ кустарникомъ, отчаянно борющимся съ вѣтромъ. Дальше шли пустынные поля, тускляя болота и дикіе лѣса, сливаясь

въ быстро темнѣющую, мутную даль. Наступала ночь.

На одномъ изъ холмовъ показался человѣкъ. На его грязномъ лицѣ, обросшемъ косматою рыжей бородой, при свѣтѣ заката—блестѣли острые, зоркіе глазки. Руки были длинны, ноги коротки, съ плоскими ступнями, сквозь растопыренные пальцы которыхъ выдавливался мокрый песокъ. Онъ былъ одѣтъ въ невѣроятныя лохмотья, и на плечахъ у него болталось что-то, похожее на кусокъ стараго, рванаго одѣяла. Въ рукахъ была длинная дубина.

Поднявшись на вершину холма, онъ остановился, какъ бы пораженный блескомъ неба и непрестаннымъ движеніемъ океана. Потомъ нерѣшительно шевельнулся и, глубоко взрывая песокъ, спустился съ холма на отмель.

Онъ долго шелъ вдоль каймы водорослей, тяжело шагая, низко опустивъ голову и зорко вглядываясь въ кучи морскихъ отбросовъ. Мѣстами онъ даже раскапывалъ эти кучки концомъ своей длинной палки, но тамъ ничего не было, кромѣ раковинъ да кусковъ источеннаго временемъ и волнами, почернѣвшаго дерева. Иногда попадались камни, скорлупа краба, дохлая рыба или чьи-то побѣлѣвшія отъ соленой воды кости.

Человѣкъ внимательно разглядывалъ эти осколки времени, потомъ шелъ дальше, и глубокіе слѣды его ногъ тянулись за нимъ по гладкому, смытому волнами, береговому песку.

Одинъ разъ онъ быстро нагнулся, что-то поднял, посмотрѣлъ и послѣ нѣкотораго раздумья бросилъ обратно въ мягкую кучу водорослей. Это былъ кусокъ смятой, позеленѣвшей мѣдной трубки, плотно забитой мокрымъ пескомъ. На одномъ концѣ ея сохранилось маленькое, выпуклое стек-

лышко, потускнѣвшее и треснутое. Она ни на что не годилась.

Но вотъ, палка стукнулась о что-то тяжелое и твердое. Человѣкъ торопливо вскопалъ палкой слой вязкой тины, и что-то гладкое, блестящее, отразило на себѣ пламя заката. Человѣкъ опустил-ся на колѣни, положилъ палку и жадно схватилъ находку, облѣпленную пескомъ и опутанную морскими травами. Обѣими руками очистивъ найденный предметъ, онъ долго разсматривалъ его, поглаживая и разглядывая на свѣтъ, причемъ на его тупомъ, дикомъ лицѣ появилось выраженіе смутнаго и жаднаго любопытства.

Это была большая неуклюжая бутылъ зеленаго стекла, которое отъ времени и воды стало мутно и черно. Горлышко ея было плотно закупорено, засмолено и закручено заржавѣлой проволокой. Внутри виднѣлось что-то темное.

Человѣкъ пугливо оглянулся, торопливо сунулъ находку за пазуху, схватилъ палку и, быстро повернувъ къ берегу, побѣжалъ прочь. Черезъ минуту онъ уже былъ на вершинѣ одного изъ холмовъ и, мелькнувъ среди кустарниковъ, скрылся по ту сторону.

На отмели остались разбросанныя кучи водорослей, да глубоко взрытый слѣдъ, на гладкомъ пескѣ, безпокойно отмѣчалъ длинный, одинокій путь.

Полоса заката потемнѣла. Тучи опустились ниже, какъ бы торопясь задавить послѣдніе отблески свѣта. Море все также шумѣло и неустанно шло на берегъ, но на волнахъ уже не видно было прежнихъ огненныхъ бликовъ: они стали темны и туманны. Въ сумракѣ едва можно было различать бѣлую пѣну, полосой вспыхнувшую вдоль отмели. Ночь наступила.

А человѣкъ шелъ все дальше отъ берега, на-

правляясь къ чернѣвшему вдали лѣсу. На пути ему пришлось перевалить черезъ осыпавшуюся, но все же высокую насыпь, идущую черезъ поля и лѣса, неизвѣстно куда и откуда. Когда человѣкъ поднялся на ея вершину, его палка, которую онъ волочилъ за собою, два раза подпрыгнула, стукнувшись о какія-то безконечныя металлическія полосы. Онъ шли по насыпи, мѣстами покрытыя землею и сплошь заросшія травой и бурьяномъ. Человѣкъ давно привыкъ къ нимъ и не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Онъ спустился съ насыпи и направился дальше, къ лѣсу.

Подъ деревьями было уже совсѣмъ темно. Лохматыя ели, съ мшистыми сѣрыми стволами, совсѣмъ перепутались своими мохнатыми лапами. Кое-гдѣ тускло поблескивала вода и пахло болотомъ. Въ сторонѣ что-то тяжело плюхнулось въ воду. Человѣкъ дрогнулъ и остановился, крѣпче сжавъ свою дубину.

Впрочемъ, въ сырѣмъ мракѣ скоро потянуло смолистымъ дымкомъ и на ближайшихъ стволахъ показались красные отсвѣты. Хрипло залаяла и сейчасъ же смолкла собака. Свѣтъ сталъ ярче и стволы деревьевъ выступили изъ мрака, какъ черныя колонны. Между ними шевельнулось что-то живое. Это была собака. Она стояла на опушкѣ небольшой поляны, настороживъ острия уши и малая лохматымъ хвостомъ.

Посреди поляны, у какой-то каменной развалины, обросшей мхомъ, бурьяномъ и даже небольшими деревьями, ярко горѣлъ костеръ, передъ которымъ сидѣло нѣсколько человѣческихъ фигуръ, повернувшихъ головы въ ту сторону, откуда раздался шумъ. Человѣкъ шелъ прямо на огонь, и собака бѣжала за нимъ, махая хвостомъ и повизгивая.

— Это онъ! — сказалъ отъ огня дребезжащій старческій голосъ.— Это онъ, я знаю...

Человѣкъ подошелъ къ костру, опустилъ на землю дубину и сѣлъ, вытянувъ къ огню черныя грубыя руки, съ короткими, узловатыми пальцами. Люди, сидѣвшіе у костра, смотрѣли на него и молчали.

Ихъ было четверо: одинъ мужчина, двѣ женщины и ребенокъ.

Мужчина былъ худъ и старъ, очень старъ. Одна изъ женщинъ была костлявая старуха, съ сѣдыми беспорядочными космами, другая — молодая и красивая, какъ сонъ. У нея были черныя волосы, буйно вьющіеся, несмотря на грязь и соръ, запутавшійся въ нихъ. Когда она наклонялась къ ребенку, лежавшему въ кучѣ отребьевъ у нея на колѣняхъ, непослушныя кудри падали ей на лицо, а когда она подымала голову, блестѣли ея большіе миндалевидные глаза. У нея были капризно изогнутыя губы и тонкій, съ горбинкой, носъ. Сквозь прорѣхи ея лохмотьевъ свѣтилось бѣлое и розовое тѣло. Она была очень красива и молода, но въ чертахъ ея лица чудилось что-то древнее и скорбное, хотя она и улыбнулась, когда подошелъ человѣкъ съ дубиной.

— Ну?—спросила старуха, жадно глядя то на руки, то на лицо мужчины.

Человѣкъ съ дубиной отвѣтилъ не сразу, отогрѣвая застывшіе пальцы, потомъ сунуль руку за пазуху и вытащилъ свою находку.

Радостное движеніе прошло по маленькой группѣ у костра. Кудрявая, черноволосая женщина всплеснула руками и засмѣялась.

Старикъ, весь дрожа отъ жадности, протянулъ къ находкѣ костлявые пальцы, похожіе на когти хищной птицы, но рыжій мужчина сердито отдер-

нуль свое сокровище. Старикъ опустилъ руку и обиженно запахнулся въ свои лохмотья.

— Я знаю, это бутылка. — съ притворнымъ пренебреженіемъ сказалъ онъ.

— Ты все знаешь! — насмѣшливо возразилъ обладатель бутылки, не спуская съ нея восторженныхъ глазъ.

— Дай! — попросила молодая женщина и тоже протянула руку. Въ ея немного гортанномъ, но все-таки, нѣжномъ голосѣ было что-то лукавое, какъ будто она знала, что ей нельзя отказать, когда она просить. Большіе глаза ея блистали дѣтскимъ любопытствомъ.

Мужчина засмѣялся.

— Подожди, — сказалъ онъ, — тамъ что-то есть.

Пока онъ концомъ палки осторожно отбивалъ смолу и отворачивалъ легко ломавшуюся, проржавѣвшую проволоку, три человѣческихъ лица съ нетерпѣніемъ тянулись къ нему.

Мужчина вытеръ большимъ пальцемъ открытое горлышко бутылки и, перевернувъ ее, сильно встряхнулъ. Но ему не удалось вытряхнуть ничего. Тогда онъ поднялъ обугленную тоненькую палочку отъ костра и всунулъ ее внутрь.

— Дай, я... — сказалъ старикъ.

Но рыжій не обратилъ на него никакого вниманія. Ему уже удалось захватить край чего-то бѣлаго и, осторожно перехватывая пальцами, онъ старался вытащить все.

— Бумага, — разочарованно замѣтилъ старикъ и покачалъ головой.

Еще нѣсколько усилій и рыжему удалось вытащить содержимое бутылки.

Это, дѣйствительно, была бумага: довольно толстая тетрадь, чуть отсырѣвшая, но совсѣмъ не попорченная. Мужчина оглядѣлъ ее со всѣхъ сто-

ронъ и небрежно бросилъ на землю, обративъ все свое вниманіе на бутылку. Теперь она была пуста и прозрачна. Мужчина подулъ въ нее, посмотрѣлъ и съ торжествомъ передалъ въ руки молодой женщинѣ, давно уже нетерпѣливо тянувшейся къ нему.

— Это хорошо для воды,—сказалъ онъ.

Женщина посмотрѣла сквозь стекло на огонь, потомъ на мужа и засмѣялась.

— Всѣ зеленые!—сказала она. — А я тоже зеленая?

Она приложила бутылку къ щекѣ и лукаво блестя глазами.

— Да,—обиженно пробормоталъ старикъ,—это для воды... Когда-то ихъ было много... У каждого человѣка была своя бутылка!... Даже дѣти играли ими. Тамъ... — онъ махнулъ рукою куда-то въ сторону — ихъ находили въ землѣ цѣлыми кучами... Въ нѣкоторыхъ даже была еще вода, отъ которой всѣ дѣлались веселыми, а потомъ дрались... Это стекло!.. Какъ же, я помню!

— Ты все помнишь! — въ третій разъ, съ досадою, перебилъ мужчина.

А женщина, какъ ребенокъ съ игрушкой, все еще возилась съ бутылкой, то глядя сквозь нее на огонь, то далеко отводя ее въ гибкой и тонкой рукѣ, чтобы полюбоваться зелеными искорками, вспыхивавшими въ темномъ стеклѣ. Въ ея движеніяхъ была безсознательная грація кошки. Собака, привлеченная ея смѣхомъ, подошла и тихо лизнула ее въ щеку. Женщина засмѣялась и кокетливо прижала щеку къ плечу, точно ей стало щекотно.

Между тѣмъ мужчина опять поднялъ брошенный свертокъ и сталъ его разглядывать.

— Вотъ, если ты все знаешь, — сказалъ онъ старику насмѣшливымъ тономъ, — такъ скажи, что это такое?

Старикъ взялъ тетрадь и долго смотрѣлъ на нее тусклыми глазами, въ которыхъ уже умирала жизнь.

— Бумага, да... — пробормоталъ онъ, — прежде ея было много... въ нее завертывали разныя вещи.

Молодая женщина быстро опустила бутылку и съ любопытствомъ уставилась на бумагу.

— Какія вещи? — спросила она.

Старикъ промолчалъ, задумчиво глядя на толстую тетрадь.

— На ней писали, я знаю... въ мое время еще находились люди, которые умѣли разбирать эти знаки...

— Ну? — нетерпѣливо перебилъ мужчина.

— Не помню! — уныло закончилъ старикъ.

— Не помнишь? — съ торжествомъ подхватилъ мужчина и вырвалъ у него тетрадь. — Старый болтунъ!.. Ты все лжешь и ничего не знаешь!..

— Нѣтъ знаю... прежде, когда-то...

— Когда-то, когда-то!.. — съ раздраженіемъ крикнулъ мужчина и съ силой швырнулъ тетрадь въ огонь.

Искры золотымъ фонтаномъ полетѣли во всѣ стороны. Огонь взметнулся и припалъ къ землѣ. Все потемнѣло вокругъ. Но вотъ, листы тетради тихо зашевелились и стали медленно разворачиваться, точно корчась отъ боли. Потомъ края ея потемнѣли, синенькій огонекъ робко лизнулъ ихъ разъ, другой и вдругъ вспыхнулъ веселымъ, легкимъ и яркимъ пламенемъ. Выступили изъ мрака странно-зеленныя лохматыя лапы елей и ближайшіе стволы, за которыми спряталась черная тьма.

Молодая женщина радостно захлопала въ ладоши.

— Ахъ, какъ красиво!— воскликнула она.

Листы быстро разворачивались и загорались одинъ за другимъ. Яркое пламя танцовало надъ ними, а по мѣрѣ того, какъ сгорали, чернѣли и распадались листы, черные знаки на нихъ перебѣгали золотыми искорками.

Всѣ сидѣли молча и смотрѣли. Даже ребенокъ проснулся и, высунувъ изъ лохмотьевъ матери свое худенькое грязное личико, сквозь спутанные волосы внимательно смотрѣлъ на огонь. У этого ребенка были такіе же черные, миндалевидные глаза, какъ у матери, но волосы отливали золотомъ.

Наконецъ, вспыхнулъ послѣдній огонекъ и погасъ. Только по кучкѣ чернаго пепла еще перебѣгали живыя, золотыя искорки, намѣчая какіето давно забытые, таинственные знаки.

Мужчина тронулъ эту кучку палкой, и она разсыпалась легкой бѣлой золой.

Старикъ долго смотрѣлъ на золу, потомъ вздохнулъ и сказалъ, съ выраженіемъ тупой и покорной безнадежности:

— Забылъ, все забылъ!..

Ребенокъ посмотрѣлъ на него, потомъ повернулся къ матери и блѣдными, грязными рученками сталъ нетерпѣливо рыться въ ея лохмотьяхъ, издавая слабый, но настоящій пискъ. Молодая женщина улыбнулась и обнажила передъ нимъ свою округлую, нѣжную грудь. Ребенокъ жадно вцѣпился въ нее грязными пальчиками, припалъ слюнявымъ ротикомъ, зачмокалъ и блаженно затихъ.

II.

СГОРѢВШАЯ РУКОПИСЬ.

«Вотъ уже больше года, какъ мы совершенно отрѣзаны и живемъ нелѣпными слухами, непостижимо возникающими въ нашемъ оторванномъ отъ всего міра лагерѣ.

Послѣднее радіо, полученное нашей станціей изъ Ипсвича, было уже давно. Изъ этой короткой и оборванной телеграммы мы узнали, что послѣдній оплотъ контр-революціи палъ, и послѣ сорокадневнаго кроваваго боя на улицахъ Лондона, на три четверти разрушеннаго, въ Англии поднялся красный флагъ.

Трудно описать восторгъ, охватившій насъ, при этомъ извѣстїи! Отчаянная, хотя совершенно бессмысленная, заранѣе обреченная на неудачу, защита буржуазїи, доведя міръ до страшной катастрофы, сломлена окончательно, и побѣдному шествію великой соціальной революціи отнынѣ нѣтъ больше преградъ.

Я никогда не забуду эту кучку людей съ обнаженными головами и лицами, горящими энтузіазмомъ, столпившихся на холмѣ у высокой мачты радіотелеграфа. Надъ нами было свободное небо, передъ нами—вольная ширь океана, и вѣтеръ, подхватывая могучіе звуки интернаціональнаго гимна, уносилъ ихъ вдаль, туда, гдѣ наши братья, въ дыму и огнѣ послѣдняго возстанія, заканчивали великое дѣло.

Горькое, но и горделивое чувство рождалось въ душѣ при видѣ этихъ людей, голодныхъ, больныхъ и измученныхъ безконечной борьбой, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ врагами и, быть можетъ, обреченныхъ на гибель. Даже и теперь, пе-

редь лицомъ смерти, на развалинахъ міра, они были вѣрны своей идеѣ и способны слиться въ общемъ порывѣ, забывая о собственной участи, торжествуя побѣду, плодовъ которой имъ не суждено видѣть.

Да мы погибнемъ, но на наше мѣсто придутъ другіе, такіе же самоотверженные бойцы и на костяхъ нашихъ достроятъ великое зданіе свободы и счастья человѣческихъ!.. Тамъ, на праздничномъ пиру новой жизни, быть можетъ, свободное и счастливое человѣчество теплымъ словомъ помянетъ насъ, погибшихъ за его счастье.

Ахъ, если бы знать! Если бы хоть на одно мгновеніе увидѣть ихъ, этихъ гражданъ будущаго міра!..

Но мы погибаемъ!.. Ужасъ нашего положенія въ томъ, что передъ нами нѣтъ опредѣленнаго, организованнаго противника: мы окружены врагомъ безликимъ и стихійнымъ, съ которымъ не возможны ни война, ни миръ... Только взаимное истребленіе, бессмысленное и беспощадное!..

Вѣдь, въ концѣ концовъ, они даже не понимаютъ, кто мы и ради чего боремся. У насъ есть оружіе, у насъ сохранились остатки продовольствія, вотъ и вся причина ихъ непримиримой ненависти. Иногда мнѣ кажется, что ихъ больше всего привлекаетъ наше большое красное знамя, все еще гордо развѣвающееся надъ вершиной холма. Оно такъ красиво, а они — не болѣе, какъ дикари.

Да, эти люди, въ которыхъ, по остаткамъ одежды, еще можно узнать бывшихъ крестьянъ, священниковъ, солдатъ и буржуа, превратились въ голодныхъ свирѣпыхъ дикарей. Какъ скоро и съ какой непостижимой легкостью слетѣла маска культуры и цивилизаціи!

Почти сто лѣтъ тому назадъ, когда великая русская революція погибла, благодаря оппортунизму своихъ вождей, позорно пошедшихъ на уступки міровому капиталу, міръ охватила свирѣпая и беспощадная реакція. Начало положила Италія, которая передала власть въ руки самыхъ черныхъ реакціонеровъ. Коммунистовъ преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей, наполняя тюрьмы рабочими и крестьянами, украшая висѣлицы трупами ихъ самоотверженныхъ вождей. Это было ужасное время, когда казалось, что заря свободы, уже загорѣвшаяся на Востокѣ, померкла навсегда.

Но это только казалось! Среди казней и пытокъ, въ тюрьмахъ и подпольяхъ жила все та же свѣтлая идея, зрѣла воля къ побѣдѣ. Какъ грозныя волны, росли ряды нашей партіи, и мы побѣдили.

Возсталъ, наконецъ, могучій, охваченный энтузіазмомъ пролетаріатъ всего міра. Ему нечего было терять, кромѣ своихъ цѣпей, а передъ нимъ лежалъ весь міръ, переполненный богатствами, накопленными въ теченіе столѣтій жадной и трудолюбивой буржуазіей. Одну за другой, страны Европы охватила революціонная волна, все сметая на своемъ пути. Послѣдніе троны рушились среди пламени возстаній, и, наконецъ, рухнулъ, покрывая всю землю обломками, самый страшный тронъ— кровавый тронъ капитала.

Къ сожалѣнію, чѣмъ шире разливалось побѣдное пламя революціи, тѣмъ ожесточеннѣе и беспощаднѣе становилось сопротивленіе буржуазіи. Если, въ свое время, въ Россіи она была испугана и почти безъ борьбы сдала всѣ свои позиціи, то по мѣрѣ того, какъ революція охватывала страны съ все большей культурой, сопротивленіе росло и принимало характеръ организованной войны.

Уже въ Германіи буржуазія не дала захватить себя врасплохъ и защищалась, какъ звѣрь.

Чѣмъ культурнѣе была буржуазія, тѣмъ легче она организовалась, тѣмъ рѣшительнѣе боролась за свои богатства.

Пятьдесятъ лѣтъ реакціи не усыпили ея бдительности. Опытъ русской революціи не прошелъ даромъ: о ней уже не могли забыть никогда. Отнынѣ въ мірѣ шли два параллельныхъ процесса: пролетаріатъ организовывался для нападенія, буржуазія организовывалась для защиты.

И когда гроза разразилась, мы натолкнулись на желѣзную организацію, на спаянную силу. Буржуазія поняла, что не остается ничего, что борьба должна кончиться гибелью того или другого класса. Она сдѣлала огромные запасы оружія, она обучила свою молодежь военному искусству, дисциплинировала и тренировала ее, подготовила смѣлыхъ и опытныхъ вождей. Чѣмъ ближе было ея пораженіе, тѣмъ ожесточеннѣе она боролась.

Съ обѣихъ сторонъ бросали въ бой все новыя и новыя силы. Во всѣхъ уголкахъ міра шла кровавая и безпощадная война. Мужчины, женщины и дѣти, всѣ шли въ ряды сражающихся, подъ то или другое знамя, и погибали, миллионами труповъ покрывая поля и улицы городовъ. Ни одинъ рабочій не остался у станка, если этотъ станокъ не работалъ на оборону.

Казалось, что борьба достигла своего апогея, когда среди развалинъ другихъ странъ она закипѣла, наконецъ, въ Англии. Англійская буржуазія, желѣзно организованная, хладнокровная и рѣшительная, кровью отстаивала каждую пядь своихъ позицій. Но когда на сцену выступила Америка, вся предыдущая бойня померкла передъ тѣмъ ужасомъ, который внесла въ борьбу эта, съ ногъ до головы вооруженная желѣзная земля

Тщетно наши вожди старались наладить строительство новой жизни среди хаоса обломков старого міра, воздвигая зданіе новой, пролетарской культуры. Со всѣхъ сторонъ вспыхивали новые пожары, и въ ихъ пламени исчезали всѣ самоотверженныя усилія строителей. Въ концѣ концовъ, все было заброшено, и весь міръ превратился въ арену кровавой войны.

Когда орды чернокожихъ, организованныхъ на деньги американскихъ миллиардеровъ и руководимыхъ реакціоннымъ офицерствомъ всѣхъ національностей, хлынули въ Европу, а остатки федеративной арміи разсѣялись передъ ихъ свирѣпымъ напоромъ, мы еще видѣли обработанныя поля, благоустроенныя фермы, женщинъ съ молитвенниками въ рукахъ, дѣтей, играющихъ на порогѣ своихъ жилищъ, крестьянъ, часто подъ перекрестнымъ огнемъ упорно и тупо обрабатывающихъ свои пашни. Правда, фабрики и заводы чернѣли выбитыми окнами, мосты были взорваны, пути разрушены и исковерканы артиллерійскими снарядами, но жизнь, все-таки, шла своимъ путемъ: люди работали, во что-то вѣрили, на что-то надѣялись, чего-то ждали, крѣпко цѣпляясь за жалкіе остатки своей старой культуры.

Какъ странно теперь вспомнить, что даже передъ лицомъ надвигавшейся съ юга общей опасности междоусобная борьба продолжалась съ прежней силой. Поминутно вспыхивали заговоры, подавляемые беспощаднымъ терроромъ, и, сдерживая бѣшеный натискъ южанъ, мы въ то же время беспощадно уничтожали другъ друга. Шельмъ вѣчный партійный разладъ, и отдѣльныя части нашей арміи, забывая объ общемъ врагѣ, сражались между собою.

Неизбѣжное въ этой міровой борьбѣ разрушеніе всѣхъ культурныхъ цѣнностей, разореніе

и голодъ возбуждали упреки въ ошибкахъ, вражду среди вождей, непримиримую ненависть среди различныхъ тактическихъ теченій. Образовалось множество отдѣльныхъ, враждебныхъ другъ другу армій, которыя носили названія — красныхъ, синихъ, зеленыхъ, бѣлыхъ, желтыхъ. Изъ ихъ числа большая половина состояла изъ социалистическихъ партій. Они равно называли себя социалистами, и всѣ истребляли другъ друга, какъ лютыхъ враговъ, хотя все это были тѣ же рабочіе и крестьяне. Они не всегда различались даже цвѣтомъ своихъ знаменъ, и часто, надъ двумя сражающимися группами, развѣвался тотъ же красный флагъ.

Лозунги, брошенные въ массы для того, чтобы поднять на борьбу некультурные слои, пришлись по вкусу и вошли въ плоть и кровь низовъ общества. Когда они ограбили буржуазію, когда награбленные богатства, которыми они не умѣли пользоваться, были безъ пользы и слѣда растоптаны ногами озвѣрѣлыхъ толпъ, они принялись грабить другъ друга. Ужасную роль играло крестьянство всѣхъ странъ, эти жадные и тупые собственники, которые жаждали одного: чтобы имъ дали спокойно переварить захваченное. Въ это боевое время ни одно правительство, которыхъ возникали тысячи, не могло дать покоя и обезпеченности, и крестьяне массами возставали, перекидываясь изъ лагеря въ лагерь, куда влекла ихъ жажда грабежа и обогащенія.

При такомъ хаосѣ, среди общаго стихійнаго безумія, южанамъ ничего не стоило бы уничтожить насъ всѣхъ, свести на нѣтъ всѣ революціонныя завоеванія и водрузить надъ окровавленнымъ міромъ то же старое знамя капитала. Но они сами разлагались съ непостижимой быстротой.

Черныя войска, подъ командой палача Джемса, сейчасъ же превратились въ нестройныя банды грабителей и мародеровъ, какъ только ворвались въ улицы европейскихъ городовъ. Никакая сила не могла удержать въ порядкѣ этихъ дикарей, ошалѣвшихъ при видѣ неисчерпаемыхъ богатствъ, накопленныхъ тысячелѣтней культурой. Страсть негровъ къ бѣлымъ женщинамъ тоже сыграла свою роль, а разграбленные винные заводы уничтожили послѣдніе остатки дисциплины. Дѣло довершила демагогія анархистовъ.

Не прошло и года, какъ Джемсъ, провозгласившій себя диктаторомъ Европы, былъ разстрѣлянъ въ Парижѣ зулусскими стрѣлками, и черныя толпы, словно прорвавъ какую-то невидимую плотину, хлынули по всѣмъ европейскимъ дорогамъ, все уничтожая на пути, и яростно сражаясь со всякой организованной силой, которая пыталась положить конецъ ихъ дикому нашествію.

Въ это время, наконецъ, исполнилось то, о чемъ уже столько столѣтій твердили вдумчивые люди: желтая опасность, которая спала передъ могущественной Европой, закованной въ сталь своихъ регулярныхъ армій, проснулась отъ дыма пожаровъ и грома разрушеній. Зашевелился темный и страшный востокъ, и неисчислимыя толпы китайцевъ хлынули въ несчастную Россію, заливая ее кровью.

Все гибло. Города пылали, поля покрылись обломками и заросли сорными травами, фабрики и заводы, на которыхъ никто не работалъ, разрушились, желѣзныя дороги остановились. Трескъ огня и выстрѣловъ заглушили послѣдніе гудки заводовъ и свистки паровозовъ. Жизнь остановилась, и начался голодъ, сопровождаемый невиданными эпидеміями.

Тогда всеобщее одичание пошло гигантскими шагами. Скоро были уничтожены послѣдніе запасы, и люди стали жить тѣмъ, что отнимали другъ у друга. Только тогда мы увидѣли, какъ непрочень лакъ цивилизаціи, и какой страшный звѣрь таился подъ маской культурнаго человѣчества. Достаточно было голоду наложить на нихъ свою костлявую руку, какъ самые просвѣщенные европейцы мгновенно превратились въ грязныхъ, жестокихъ и жадныхъ дикарей.

Ихъ огромныя, голодныя толпы слѣдовали по пятамъ за нашей отступающей арміей, уничтожая мелкіе отряды, беспощадно грабя и убивая отсталыхъ. Армія міровой коммуны, одержавшая столько побѣдъ въ борьбѣ съ организованнымъ врагомъ, начала быстро таять. Еще немного—и она сама на три четверти обратилась въ дезорганизованныя кучки бандитовъ, которые заботились только о себѣ.

Была сдѣлана послѣдняя попытка найти общій фронтъ, и въ Швейцаріи была собрана конференція всѣхъ социалистическихъ партій. Это не привело къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ никто не хотѣлъ уступить ни единой буквы изъ своей программы. Здѣсь были жалкіе трусы, которые, указывая на гибель культуры и окончательную катастрофу, угрожавшую человѣчеству, требовали отказа отъ борьбы и примиренія. Большинство готово было идти на компромисы, и только коммунисты настаивали на продолженіи борьбы, во что бы то ни стало. Военныя дѣйствія возобновились.

Отрядъ, въ которомъ я находился, при выступленіи изъ Парижа, насчитывалъ до сорока тысячъ человѣкъ, снабженныхъ превосходной артиллеріей, авіаціоннымъ паркомъ и продовольствиемъ. Но послѣ возстанія предателей Каро и

Швабе, насъ осталось не болѣе пяти тысячъ, изъ которыхъ къ берегамъ океана прибыло всего тысяча триста пятнадцать человекъ, включая женщинъ.

И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ опавшись на склонахъ холмовъ вблизи развалинъ Беневана, мы отбиваемся отъ озвѣрѣлыхъ бандъ грабителей, руководимыхъ только желаніемъ воспользоваться нашимъ оружіемъ и запасами.

Ночью мы живемъ среди притаившихся ужасовъ. Наши часовые, падая отъ усталости, ни на минуту не выпускаютъ оружія изъ рукъ, зорко вглядываясь въ зловѣщую тьму, полную тѣней и шороховъ. Днемъ мы видимъ, какъ мелькаютъ въ кустахъ какія-то странныя существа со вкочеченными волосами, босыя, покрытыя лохмотьями и грязью. Они издали смотрятъ на насъ голодными, жадными глазами, разбѣгаясь при первомъ выстрѣлѣ.

Въ сущности говоря, они безсильны и трусливы, какъ шакалы. Намъ ничего не стоило бы пройти по ихъ трунамъ, несмотря на ихъ численное превосходство. Но намъ некуда итти, потому что весь міръ лежитъ въ развалинахъ. Они же никогда не отваживаются на открытое нападеніе, предпочитая убивать изъ-за угла.

И это всего ужаснѣе, потому что, не взирая ни на какія предосторожности, отрядъ нашъ таетъ и таетъ... У насъ нѣтъ хорошей воды, и запасы продовольствія нуждаются въ пополненіи, что и вынуждаетъ насъ высылать небольшіе отряды. Кромѣ того, какъ это ни странно, въ отрядѣ, отрѣзанномъ сплошнымъ кольцомъ смерти, у насъ не прекращается дезертирство. Люди бѣгутъ, сами не зная, куда, съ единой смутной надеждой — добраться до какого-нибудь культурнаго центра.

Въ большинствѣ случаевъ, мы скоро находимъ ихъ голые и страшно обезображенные трупы, по стаямъ воронъ, съ крикомъ вьющихся надъ кустами.

Если никто не придетъ намъ на помощь, мы погибли!

Неужели весь міръ обратился въ развалины?

Я боленъ и, вѣроятно, скоро умру. Мнѣ не придется дожить до тѣхъ поръ, когда...»

III.

СЪ НАЧАЛА.

Тѣма отступила въ чашу лѣса, а вверху, межъ лохматыхъ вѣтвей ели, показалось слѣдное небо.

Старикъ, рыжій мужчина и женщина съ ребенкомъ спали, закутавшись въ свои лохмотья. Спала и собака, свернувшись клубкомъ на сырой землѣ. Только старуха сидѣла у костра, превратившагося въ кучку углей, подернутыхъ сѣдой золой. Старуха смотрѣла на эту золу, сама такая же сѣдая, какъ и та. Тусклые глаза старухи были неподвижны, и не было въ нихъ иного выраженія, кромѣ тупой и безконечной усталости. Порою она жевала беззубымъ ртомъ и качала головой. Въ блѣдномъ сумракѣ утра среди недвижной тишины лѣса, казалось, что надъ головой старухи незримо вставала сама скорбь, навѣвая на ея сѣдую голову темныя тысячелѣтнія мысли, и онѣ ползли, одна за другою, безнадежныя и покорныя, безъ конца и начала, какъ жизнь.

Первымъ проснулся старикъ, кряхтя и брюзжа, жадными глазками шаря кругомъ въ поискахъ пищи. Потомъ всталъ мужчина, выпрямился, оглядѣлъ чашу лѣса и, взявъ свою дубину, ушелъ, тя-

жело шагая по мокрой росистой травѣ. И уже ярко свѣтило солнце, когда молодая черноволосая женщина, смѣясь и играя, шла по лѣсу. Въ одной рукѣ она несла драгоценную бутылку, другой вела за ручку своего ребенка, съ трудомъ перебирававшего кургузскими лапками по жесткой хвоѣ, пересыпанной твердыми, круглыми шишками.

Лѣсъ уже проснулся и тысячами голосовъ откликался на звонкій смѣхъ женщины. Гдѣ-то стукнула кукушка, торопливо задолбилъ дятель, свистнула иволга, бойко жужжа, какъ пуля, пролетѣлъ надъ головой зеленый жукъ. На полянахъ трещали кузнечики и, то влетая, то ныряя, легко порхали свѣтлыя бабочки. Вверху, надъ вершинами лѣса, отрывисто крикнулъ ястребъ.

Женщина стояла, вся съ ногъ до головы залитая солнцемъ, на берегу ручья, настойчиво и звонко звенѣвшаго среди горячихъ, гладкихъ камней. Легкій вѣтеръ шевелилъ спутанные черные волосы женщины и лохмотья ея короткой юбки. Она посмотрѣла направо и налево, поворачивая голову, какъ птица, и при каждомъ ея движеніи, среди лохмотьевъ сверкало ея бѣлорозовое тѣло— то выпуклая линія бедра, то мягкій изгибъ стана, то округленное розовѣющее колѣно.

Рыжій мальчикъ бѣгалъ въ травѣ по берегу ручья, пугая зеленыхъ лягушекъ. Онѣ таранили глупые выпуклые глазки, пыжились, топорились и вдругъ звонко бултыхались въ воду, изо всѣхъ силъ работая лапками, чтобы зарыться въ мягкій, безопасный илъ. Ребенокъ смѣялся.

Женщина опустилась на колѣно и склонилась надъ ручьемъ. Ея черныя волосы упали внизъ, почти коснувшись воды, а въ водѣ отразилась другая, молодая, черноволосая женщина, съ большими глазами и смѣющимися алыми губами. Эта другая

смотрѣла снизу на свою живую подругу съ восхищеніемъ и улыбкой.

Что-то хрустнуло въ кустахъ... Женщина быстро оглянулась, но тамъ ничего не было. Должно быть, обломилась сухая вѣтка. На противоположномъ берегу камышъ важно и спокойно покачивалъ высокими метелками. Она успокоилась, еще немного полюбовалась своимъ отраженіемъ и опустила бутылку глубоко въ чистую холодную воду. Широкіе круги пошли далеко отъ берега и качались, раздробили въ своей глубинѣ и зеленый камышъ, и голубое небо, и смѣющуюся женщину. Зазвенѣла и забулькала вода, набираясь въ узкое горлышко бутылки.

Тогда изъ кустовъ показалась человѣческая голова.

Это была голова мужчины, съ низкимъ лбомъ, далеко выдающейся нижней челюстью и гладкими, безцвѣтными волосами. Онъ жадно смотрѣлъ на бутылку, какъ бы пораженный видомъ этой необычайной драгоцѣнности. Сквозь сѣтку зеленыхъ вѣтвей видны были только широкія плечи и мускулистыя руки, судорожно вцѣпившіяся въ землю пальцами. Потомъ кусты раздвинулись, и выползло длинное, какъ змѣя, почти голое тѣло, покрытое больше грязью, чѣмъ одеждой. Человѣкъ неслышно вытянулся надъ землей и крадучись шагнулъ впередъ, не спуская глазъ съ женщины и бутылки, которая, очевидно, неудержимо привлекала его.

Вдругъ испуганно крикнулъ ребенокъ. Женщина обернулась и мгновенно очутилась на ногахъ. Бутылка, которую она выпустила изъ рукъ, какъ камень, пошла ко дну.

Однимъ скачкомъ мужчина очутился на берегу и, ставъ на четвереньки, погрузилъ руки въ воду. Но когда онъ шарилъ на днѣ, женщина схва-

тила его за плечи, стараясь своими гибкими руками оттащить его прочь.

Борьба была неравна. Мужчина легко оттолкнулъ ее, и женщина упала въ траву, а въ слѣдующее мгновеніе въ его поднятой рукѣ, высоко на солнцѣ, заблестѣла мокрая, еще полная воды бутылка.

Изогнувшись, какъ кошка, женщина бросилась на эту руку и всей тяжестью своего тѣла повисла на ней. Теперь ихъ лица были близки, и мужчина почувствовалъ жаръ ея дыханія и запахъ ея волосъ. Онъ взглянулъ на нее сверху, и глаза его жадно скользнули по линіямъ ея тѣла, напряженнымъ и обнажившимся въ борьбѣ.

Глубокое и хриплое ворчаніе, ворчаніе довольнонаго звѣря, вылетѣло изъ его горла. Бутылка перевернулась въ воздухѣ и покатила по землѣ, обдавая зеленую траву струей прозрачной воды, блещущей на солнцѣ.

И женщина мгновенно поняла это зловѣщее рычаніе. Она вздрогнула и метнулась прочь, но было уже поздно, и длинныя сильныя руки схватили ее поперекъ тѣла. Тогда началась борьба: она изгибалась во всѣ стороны, вырываясь и царапая его лицо ногтями; ея волосы вились и путались вокругъ ихъ головъ; она молчала, онъ хрипѣлъ, и на губахъ его выступила слюнная пѣна; ихъ ноги скользили въ мокрой травѣ. Ребенокъ пронзительно кричалъ въ сторонѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Наконецъ, онъ повалилъ ее на траву и старался овладѣть ею, навалившись на нее всѣмъ тѣломъ. Глаза у нея были закрыты, губы сжаты.

Она слабѣла, задыхаясь, блѣдная, какъ смерть.

Тогда раздался дикій и страшный крикъ: рыжій челоуѣкъ, размахивая тяжелой дубиной и прыгая черезъ кусты, бѣжалъ къ нимъ по полянѣ.

Его звѣрское, багровое лицо было страшно отъ ярости, и онъ рычалъ, какъ звѣрь.

Бѣлоголовый услышалъ этотъ крикъ, оглянулся и въ то же мгновеніе былъ на ногахъ. Однимъ взглядомъ онъ оцѣнилъ врага и бросился въ кусты.

Рыжій издалъ торжествующій кликъ, но бѣлоголовый и не думалъ бѣжать: въ одинъ моментъ онъ снова очутился на полянѣ, и враги уже стояли другъ противъ друга, втянувъ головы въ плечи и твердо упершись ногами въ землю. Лица ихъ были яростны, глаза сверкали, зубы страстно блестя подъ судорожно искаженными губами. Въ рукахъ бѣлоголоваго тоже была дубина.

Но это была какая-то странная дубина: совершенно прямая, гладкая и круглая, гораздо короче и тоньше дубины рыжаго, но когда бѣлоголовый въ ярости ударялъ ею о землю, она гудѣла тяжело и звонко.

Женщина стояла невдалекѣ, подъ деревомъ, прижавъ къ груди драгоцѣнную бутылку, а къ колѣнямъ — испуганнаго ребенка, прячущагося въ лохмотья ея юбки. Она смотрѣла на мужчинъ, и ноздри ея тихо раздувались.

Рыжій шевельнулся и тихо, точно крадучись, сталъ осторожно обходить своего противника. Бѣлоголовый такъ же медленно поворачивался на мѣстѣ, не упуская изъ виду ни одного движенія врага. Такъ они описали нѣсколько круговъ, не рѣшаясь броситься другъ на друга. Слышно было ихъ тяжелое дыханіе.

Вдругъ рыжій коротко взвизгнулъ, подскокилъ и, перехвативъ дубину обѣими руками, нанесъ страшный и неотразимый ударъ.

Радостный крикъ женщины былъ отвѣтомъ. Бѣлоголовый упалъ на колѣни, какъ быкъ, пораженный обухомъ, но въ тотъ же мигъ вскочилъ

и ударилъ въ свою очередь. Это былъ невѣрный слабый ударъ ошеломленнаго человѣка, но прозвучалъ онъ глухо и тяжко. Дубина едва не выпала изъ рукъ рыжаго, и онъ отскочилъ, ухватившись за бокъ, съ тихимъ стономъ боли и испуга. Однако онъ сейчасъ же оправился и снова, также радучись, сталъ подходить къ своему врагу.

Они опять закружились по травѣ, зорко слѣдя другъ за другомъ. Затѣмъ ринулись въ схватку съ еще большей яростью. Несмотря на боль, рыжій былъ, слишкомъ очевидно, сильнѣе и ловчѣе своего противника. Его удары сыпались, какъ градъ, и бѣлоголовый не успѣвалъ увертываться, безтолково размахивая своей короткой дубинкой. Рыжій участилъ нападенія и уже торжествующе рычалъ сквозь зубы, окрашенные кровавой пѣной.

Бѣлоголовый, видимо, терялся, слабѣлъ и отступалъ: Онъ уже не думалъ о нападеніи, и въ искаженныхъ чертахъ его поблѣднѣвшаго лица ясно проступали страхъ и отчаяніе. Побѣда рыжаго была очевидна, и это ярко отражалось на лицѣ молодой женщины, которая, затаивъ дыханіе, слѣдила за каждымъ движеніемъ борцовъ.

Вдругъ раздался тотъ же глухой и тяжкій ударъ. Рыжій бользненно ахнулъ, качнулся, сдѣлалъ нѣсколько колеблющихся шаговъ куда-то въ сторону и тяжело ткнулся головой въ траву. Его страшная дубина далеко запрыгала по землѣ. Судорожно разинутымъ ртомъ онъ хваталъ воздухъ, глаза у него выпучились изъ орбитъ, полные ужаса и страданія. Онъ дѣлалъ странныя движенія, точно давился чѣмъ-то, и вдругъ черная густая струя крови хлынула на его рыжую бороду.

Женщина стояла, вся наклонившись впередъ, вытянувъ шею, блѣдная, съ широко открытыми глазами и высоко поднимавшейся грудью. Ребе-

нокъ жался къ ея колѣнамъ, но она не замѣчала его. Глаза ея горѣли восторгомъ.

И вдругъ рыжій вскочилъ, испуганно взглянулъ на своего противника, подходившаго съ высоко поднятой дубиной, согнулся и бросился бѣжать. Голова его ушла въ плечи, спина была согнута, руки плотно прижаты къ бокамъ. Онъ былъ жалокъ и смѣшонъ, когда споткнувшись упалъ на руки и, прежде чѣмъ вскочить и побѣжать еще быстрѣе, нѣсколько шаговъ торопливо проползъ на четверенькахъ.

Бѣлоголовый погнался за нимъ, но внезапно остановился и съ торжествомъ оглядѣлся вокругъ. Его глаза упали на женщину и встрѣтились съ ея глазами. Съ минуту онъ глядѣлъ на нее съ торжествомъ и властью, потомъ спокойно и твердо подошелъ къ ней.

Женщина сжалась подъ его огненнымъ взглядомъ. Легкая краска покрыла ея щеки, и глаза ея, не то стыдливо, не то кокетливо опустились. Бутылка выпала изъ ея рукъ. Она слегка отвернулась, когда онъ подходилъ, но не сдѣлала попытки спастись бѣгствомъ, и во всей позѣ ея были покорность и безволіе. А когда онъ грубо взялъ ее за шею, она сама опустилась на землю.

А рыжій бѣжалъ все дальше, хрипя и задыхаясь. Когда онъ, наконецъ, остановился и оглянулся, кругомъ были только лѣсъ да тишина. Онъ прислушался, но ни одного звука не долетѣло до него съ мѣста такъ позорно покинутаго боя. Одинъ только разъ что-то послышалось ему: былъ ли это отдаленный смѣхъ женщины или зазвенѣло у него въ ухахъ?.. Онъ сѣлъ на землю, охватилъ колѣни руками и положилъ на нихъ голову.

Темныя, дикія мысли вихремъ неслись у него въ головѣ, наполняя его душу злобой и отчаяніемъ. Его дикій, грубый мозгъ не могъ охватить

всего случившагося. Неопровержимымъ инстинктомъ опытнаго бойца онъ зналъ, что противникъ былъ слабѣе и трусливѣе его, а между тѣмъ тотъ побѣдилъ, а онъ бѣжалъ. Бѣжалъ разбитый и парализованный страхомъ, далекій отъ мысли о какомъ бы то ни было сопротивленіи. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ передъ этимъ жалкимъ противникомъ, о которомъ въ другое время онъ говорилъ бы у костра съ усмѣшкой торжества и презрѣнія. А теперь этотъ врагъ отнял у него жену и его драгоценность—большую зеленую бутылку, которая такъ хороша для воды, и находкой которой онъ такъ гордился. Въ отчаяніи онъ крѣпко сжималъ колѣни и глубже пряталъ въ нихъ свое лицо.

Теперь врагъ владѣетъ его женой и пьетъ изъ его бутылки... А жена?.. Онъ судорожно повелъ широкими плечами: вѣдь, онъ побить и бѣжалъ!

Но почему же онъ оказался побѣжденнымъ?

Смутное сознаніе медленно прояснялось. Вся причина его пораженія была въ этой странной, короткой и тонкой дубинкѣ, такой никчемной и неопасной на видъ. Онъ вспомнилъ, какъ легко отскакивала его тяжелая дубина при встрѣчахъ съ этой игрушкой; вспомнилъ тотъ ударъ, отъ котораго у него захватило духъ и вырвало зѣмлю изъ-подъ ногъ. Да, если бы эта дубинка была въ его рукахъ, бѣлоголовый лежалъ бы теперь на травѣ, съ раскрытымъ черепомъ и раздробленной грудью.

Такъ онъ просидѣлъ до вечера, не двигаясь, а лѣсные жучки безбоязненно ползали по его горячему, липкому тѣлу. Въ вѣтвяхъ, надъ его головой, копошились безгласныя синички.

Онъ очнулся только тогда, когда косые лучи заходящаго солнца золотыми нитями протянулись по зеленой травѣ. Въ воздухѣ протянуло вечерней

прохладой. Тогда онъ всталъ и пошелъ. Выраженіе тупого, покорнаго отчаянія еще не сошло съ его лица, но въ глазахъ свѣтилась какая-то затаенная новая мысль.

Онъ вышелъ изъ лѣса одинъ, среди вечерней тишины и, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, поднялся на высокую насыпь, откуда были видны море и песчаные бугры берега.

Если бы кто-нибудь слѣдилъ за нимъ, то видѣлъ бы, какъ послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, сопровождаемыхъ трескомъ ломающагося дерева, человекъ вдругъ поднялся во весь ростъ на вершинѣ насыпи и громкимъ торжествующимъ крикомъ огласилъ окрестности.

Его глаза горѣли, а въ рукахъ была длинная тяжелая полоса, отливавшая въ послѣднихъ лучахъ солнца металлическимъ блескомъ.

Москва, 1919 г.

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧУРБАНЪ.

(РАЗСКАЗЪ)

I.

Ни одинъ листикъ не шевелился кругомъ, а ихъ были миллиарды и каждый былъ насквозь пронизанъ свѣтомъ и тепломъ. Подъ ногами шуршали жесткія иглы травы, пробившейся сквозь многолѣтнюю сухую листву, по которой мягко и странно было идти, точно подъ нею были упругія и сильныя пружины. Пахло листвою, мохомъ и грибной сыростью. Впереди, позади, по сторонамъ былъ лѣсъ—зеленое море листьевъ, вѣтокъ, мховъ, могучихъ стволовъ—и золотымъ дождемъ сѣялись повсюду солнечные лучи, какъ будто звучащія какой-то неслышимой благодатной музыкой. Кругомъ же было тихо, торжественной, таинственной тишиной, и тишинѣ этой не мѣшали далекое звонкое кукованье кукушки, чуть слышныи стукъ дятла, долетавшіи откуда-то снизу, изъ невидимаго въ чащѣ глубокаго сырого оврага, и непрестанное, дружное рабочее гудѣніе миллионовъ насѣкомыхъ, ползавшихъ, скакавшихъ и летавшихъ въ травѣ, по деревьямъ, на освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ и отблескомъ голубого неба полянахъ.

Жизнь, крѣпкая и упорная, какъ ростъ вѣкового дуба, была вокругъ, и отъ cadaго едва виднаго жучка, хлопотливо ползущаго куда-то вверхъ по стеблю, вѣяло твердымъ знаніемъ чего-то своего—мудраго, серьезнаго и нужнаго.

Политическій ссыльный, студентъ Веригинъ, еще очень молодой человекъ, съ сухими и широкими плечами, за которыми торчало тонкое дуло ружья, въ высокихъ сапогахъ и полинялой розовой рубахѣ, одинъ шелъ по лѣсу, широко шагая, приглядываясь и прислушиваясь ко всему.

Изъ-подъ старой студенческой фуражки курчавились очень свѣтлые и жесткіе волосы, сѣрые глаза смотрѣли увѣренно и прямо, но по тому, какъ пристально онъ всматривался въ зеленую чащу и какъ старался не сбиться съ едва намѣченной тропки, мѣстами совсѣмъ пропадавшей въ кустахъ, было видно, что въ лѣсу онъ—человекъ новый, не знаетъ его и бессознательно боится этой зеленой глубины.

Прошло всего часа два, какъ онъ вышелъ изъ поселка, и по расчету не могъ уйти больше семи-восьми верстъ, а уже казалось, что на тысячу миль кругомъ нѣтъ ни единой человеческой души, и вездѣ долѣе одинъ этотъ зеленый, таинственный лѣсъ, своей жизнью живущій, свою тайну вѣдающій, старый, какъ мѣръ.

На опушкѣ большой поляны Веригинъ остановился.

Здѣсь было такъ много солнца и трава была такая яркая, что глазамъ и радостно и больно было глядѣть. Изъ густой сочной зелени смотрѣли тысячи голубенькихъ, синихъ, красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ, надъ ними танцовали, точно ошалѣвъ отъ солнца и тепла, бѣлыя бабочки, а сверху открывалась необозримая глубина сверкающаго и тающаго неба, по которому ослѣпительно бѣлыя

и кудрявые на развернутых парусах легко плыли далекія счастливыя облака. Тропинка точно утонула въ этой зеленой благодати, а на той сторонѣ такой же сплошной стѣной стоялъ темный перепутанный, казалось, непроходимый, лѣсъ и тысячами зеленыхъ глазъ внимательно и жутко смотрѣлъ на одинокаго человѣка, неожиданно появившагося въ его царствѣ.

— Чортъ его разберетъ, гдѣ тамъ это дурацкое озеро!—съ досадой сказалъ себѣ Веригинъ, — поляну-то я нашель, а гдѣ тотъ „корявый“ дубъ, чортъ его знаетъ... Всѣ дубы корявые!

Онъ рѣшилъ отдохнуть и осмотрѣться. Передъ выходомъ изъ дому онъ закусилъ, но отъ быстрой ходьбы и крѣпкаго лѣснаго воздуха ему уже опять захотѣлось ѣсть.

— Надо подзакусить, а тамъ видно будетъ!— рѣшилъ онъ.

Трава была мягкая и душистая; свѣжестью охватило его слегка вспотѣвшее мускулистое тѣло, и Веригину захотѣлось лечь на спину и растянуться такъ, чтобы каждымъ атомомъ своего существа впитывать въ себя тепло и свѣжесть этой удивительной первобытной земли.

Въ сумкѣ у него была вареная колбаса и черный хлѣбъ. Хлѣба было много, и потому онъ старался откусывать колбасы поменьше, заѣдая огромными кусами мягкаго, вкуснаго пахучаго хлѣба, но не удержался и съѣлъ всю колбасу, даже со шкуркой, которая показалась ему удивительно вкусной.

Потомъ онъ снялъ сумку, поставилъ ружье къ дереву и растянулся въ травѣ. И сразу исчезъ лѣсъ, кругомъ встала такая странная вблизи трава, а вверху развернулась синева неба, съ застывшимъ на ней круглымъ, бѣлымъ, какъ кипень, облакомъ. Внизу у корней трава казалась

дремучимъ тропическимъ лѣсомъ, и почти на каждой травинкѣ ползали или важно сидѣли какія-то козявки, а одинъ толстенкій крашенекій жучокъ, свѣсившись на самомъ концѣ стебелька, въ упоръ разсматривалъ Веригина маленькими, какъ точки, непонятными черными глазками. Изрѣдка, ныряя въ воздухъ, точно уносимая вѣтромъ, проносилась надъ нимъ легкая бѣлая бабочка и снизу казалась прозрачной и желтой.

Веригинъ легъ на спину, раскинулъ руки и ноги, будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ захватить побольше земли, и закрылъ глаза, сразу погрузившись въ какой-то свѣтлый золотистый мракъ и тихую, гудящую и жужжащую музыку. Вѣки закрытыхъ глазъ сами собой трепетали подъ теплымъ свѣтомъ, отъ кончиковъ ногъ по спинѣ до затылка тянулась и обволакивала все тѣло сладкая лѣнивая истома, а въ ушахъ непрерывно стояла эта музыка, и то сливалась въ одну густую дрожащую, точно медомъ налитую, ноту, то распадалась на цѣлый хоръ какихъ-то потрескивающихъ, позванивающихъ и шепчущихъ звуковъ. Иногда надъ самымъ ухомъ что-то заводило свою особливую пѣсенку, и тогда казалось, что это кто-то подкрался къ нему, смотреть изъ-за густой травы зелеными лѣсными глазами и говорить что-то одно и то же, очень важное и серьезное, на своемъ непонятномъ, нечеловѣческомъ языкѣ.

Веригинъ невольно открылъ глаза, но никого не было кругомъ: зеленая трава тихо шевелилась на синемъ небѣ, и красный жучокъ, какъ зачарованный, неподвижно смотрѣлъ на него черными глазками. Веригинъ невольно улыбнулся ему: забавнаго жучка былъ такой загадочный видъ, точно это именно онъ, когда Веригинъ закрывалъ глаза, превращался въ лѣсного человѣчка и рассказывалъ и доказывалъ ему что-то. Веригинъ хо-

тѣдъ его тронуть пальцемъ, но лѣнь была пошевелить рукой, и онъ опять закрылъ глаза.

Какія-то лѣнныя и смутныя мысли наплывали и тянулись въ головѣ безъ конца.

„Лѣсь, лѣсь! — машинально думалъ Веригинъ:— въ концѣ-концовъ, и въ самомъ дѣлѣ, все — чепуха, а самое главное, единственно нужное, это — лѣсь, земля, небо и солнце!.. Лѣсь!.. Кто это, въ самомъ дѣлѣ, говорить?.. Вотъ, такъ близко, прямо-таки въ самое ухо, отчетливо такъ!.. Кажется, прислушаться получше и поймешь что-то. Это тотъ жучокъ: превратился въ маленькаго лѣснаго человѣчка, въ смѣшномъ кругломъ, красномъ сюртучкѣ, и рассказываетъ... У него, должно быть, круглая маленькая головка и забавная серьезная мордочка, съ черными глазками... Лѣсь!.. Отчего это каждый человѣкъ, какъ только попадетъ въ лѣсь или поле, начинаетъ думать и говорить, что вся его жизнь была ошибкой, и настоящее счастье только здѣсь, среди природы, въ простомъ, немудрствующемъ существованіи?.. И, вѣдь, каждый знаетъ, что не проживетъ здѣсь и трехъ дней!.. Проклинаемъ культуру, ругаемъ людей, а сами жить безъ нихъ не можемъ!.. Странно, есть тутъ какое-то недоразумѣнье!.. Вѣдь, вотъ, какъ ясно чувствуешь, что счастье гдѣ-то здѣсь, близко, а поймать его не можешь. . И поймаешь, а не удержишь, и скучно, и тянетъ къ людямъ, городамъ, борьбѣ!.. Нѣтъ, мы забыли секретъ этой простой растительной жизни!.. А этотъ смѣшной лѣсной человѣчекъ, притворяющійся жучкомъ, должно быть, знаетъ и силится мнѣ рассказать, только я не могу понять его. Вотъ, опять!.. Ну, громче, громче!.. Не такъ быстро, отчетливѣе!.. Нѣтъ, не поймешь!.. Фу, лѣнь какая!.. Такъ бы и заснул!.. А дѣло все въ томъ, что надо вѣрить, будто это страшно важно, что солнце свѣтитъ, что трава растетъ, жучокъ си-

дить... Вѣдь, мы какъ?.. Мы думаемъ, что природа это—только дачное удовольствіе и, когда смотримъ на какую-нибудь козявку, то увѣрены, что намъ до нея въ сущности никакого дѣла нѣтъ!.. Мы, эгоисты, углубились въ свое человѣческое, а природу только снисходительно допускаемъ!..“

Веригинъ вдругъ вспомнилъ, какъ однажды, попавъ въ монашескій скитъ въ самый разгаръ революціи, спрашивалъ стараго почтеннаго монаха:

— И газетъ вы не читаете?

— Нѣтъ.

— Неужели вамъ неинтересно знать, что дѣлается на свѣтѣ?

— Что же тамъ дѣлается... Мы знаемъ, вотъ, что солнце свѣтитъ!—неожиданно вѣско и спокойно отвѣтилъ монахъ.

„А остальное не важно? — подумалъ Веригинъ.—Нѣтъ, важно!.. Нельзя же спокойно наслаждаться чистымъ воздухомъ, когда знаешь, что кругомъ люди задыхаются, голодаютъ, борются за кусокъ хлѣба, за сносное человѣческое существованіе!.. Человѣкъ не имѣетъ права... Какого права?.. О чемъ это я?..“

Жучокъ, совсѣмъ уже не скрывая, что онъ не жучокъ, а лѣсной человѣчекъ въ кругломъ красномъ фракѣ, важно и съ паѳосомъ заговорилъ что-то о пролетаріатѣ.. Дятель гдѣ-то близко застучалъ въ барабанъ...

— Задремалъ! — громко сказалъ Веригинъ и открылъ глаза.

Жучокъ попрежнему сидѣлъ на своемъ стебелькѣ, кругомъ шелестѣла трава, облако вверху исчезло и бездонная, чистая и ясная синева смотрѣла на Веригина.

— Нѣтъ, надо идти, а то тутъ заснешь! — подумалъ Веригинъ и всталъ, съ сожалѣніемъ раз-

ставаясь съ томной лѣнью, проникшей все тѣло отъ нагрѣтой мягкой земли.

Опять развернулась передъ нимъ поляна, трава опустилась, красный жучокъ потерялся въ ней, и Веригинъ уже не могъ найти его. Впереди опять всталъ запутанный, стѣна-стѣною лѣсъ.

— Итти... А куда?.. Гдѣ этотъ дубъ проклятый?..

И въ ту же минуту Веригинъ увидѣлъ его: тамъ, гдѣ полянка острымъ клиномъ убѣгала въ чашу, на самой опушкѣ стоялъ приземистый, весь обросшій мохомъ и лишаями, старикъ-дубъ, съ корявыми руками, запущенными во всѣ стороны въ зелень, точно крючковатые пальцы въ густую взлохмаченную зеленую бороду. Толстый стволъ его, весь въ ранахъ, чернѣлъ дупломъ, и солнечныя пятна тихо скользили по немъ вверхъ и внизъ.

Веригинъ подобралъ суьку, вскинулъ на плечо ружье и отдохнувшими легкими ногами зашагалъ черезъ поляну. Трава путалась у колѣнъ, и сотни зеленыхъ кузнечиковъ и какихъ-то бѣлыхъ букашекъ брызгали изъ-подъ ногъ во всѣ стороны.

— Сколько ихъ! — удивился Веригинъ. и ему даже какъ-то странно стало, что столько живыхъ существъ, такихъ микроскопическихъ, живутъ со-всѣмъ помимо человѣка, нисколько не интересуясь имъ и не нуждаясь въ немъ.

Онъ обошелъ старый дубъ, похожій на древняго косматаго лѣшаго, выбралъ направленіе и опять углубился въ чашу, шагая по мягкой, пружинящейся сухой листьѣ. Должно быть, мѣстами подъ нею были ямы и палыя деревья, потому что почва предательски колыхалась подъ ногами.

Какая-то сѣро-желтая змѣя съ тихимъ, предостерегающимъ свистомъ заскользила въ сторону отъ него и долго, безъ оглядки, ползла на виду,

пока не скрылась за деревьями... Коршунъ неожиданно сорвался съ вершины и камнемъ полетѣлъ къ оврагу, жестко хлопая по вѣткамъ твердыми крыльями...

II.

Лѣсъ то сгущался сплошной стѣной, то быстро разбѣгался по сторонамъ, открывая зеленя, веселыя лужайки, и, наконецъ, на одной изъ нихъ Веригинъ увидѣлъ человѣческое жильѣ.

Это была землянка, крытая мохомъ, съ вросшей въ землю крышей, подъ которой, надъ грубо сколоченной низкою дверью, висѣли гирляндами какія-то красныя, синія и бѣлыя тряпки, придавая ей странный и дикій видъ.

Вся полянка была такъ покрыта цвѣтами, что травы не было видно, и лежалъ кругомъ только узорчатый, пестрый, душистый коверъ. По всѣмъ направленіямъ, тяжело гудя, носились здѣсь пчелы и густо пахло теплымъ медомъ.

Въ первую минуту Веригину показалось, что никого нѣтъ, кромѣ пчелъ, цвѣтовъ и деревьевъ, и онъ уже хотѣлъ подойти, какъ что-то бѣлое зашевелилось и поднялось надъ травой, такъ неожиданно, что онъ даже вздрогнулъ.

Приземистый, мохнатый, весь въ волосахъ стоялъ на полянѣ, среди цвѣтовъ, какой-то старикъ.

Лица его Веригинъ сначала совсѣмъ не разобралъ, такъ оно заросло, но потомъ разсмотрѣлъ темно коричневое, все въ кулачокъ, старческое личико, съ сѣдыми нависшими бровями и маленькими, острыми, какъ буравчики, глазками. Одѣтъ старикъ былъ въ что-то бѣлое, будто длинная женская рубаха, съ нашитыми на ней красными ластовицами и красными же полосками въ нѣсколько

рядовъ вокругъ подола и ворота. На ногахъ у него были, несмотря на тепло, пестрые, мѣхомъ отороченные, сапоги, такіе, какіе носятъ по зимамъ буряты. Длинные корявые руки висѣли ниже колѣнъ, а волосы и борода, сѣдые до желтизны, въ прозрачныхъ отсвѣтахъ лѣса казались зелеными. Былъ онъ до того дряхль и сгорбленъ, что, когда наклонился къ землѣ, почти опираясь на нее руками и бородой касаясь цвѣтовъ, былъ похожъ на старый выкорчеванный пенъ, еще цѣпляющійся за почву корявыми перепутанными корнями.

Повинуясь какому-то неопредѣленному чувству, Веригинъ, вмѣсто того, чтобы выступить на опушку и показаться, тихо остановился между деревьями.

Лѣсной дѣдъ что-то дѣлалъ: то какъ-будто кланялся, то притоптывалъ, то вытягивалъ руки вверхъ и, кажется, что-то пѣлъ или приговаривалъ—нельзя было разобрать.

— Что за чортъ, что онъ тамъ дѣлаетъ?—подумалъ Веригинъ.

А дѣдъ, кажется, начиналъ уже танцовать. Онъ прилясывалъ, съ трудомъ подгибая дрожащія колѣна и выкрикивая какія-то слова, въ которыхъ Веригину слышалось только:

— Шау! Шау! Шау!..

Голосъ его звучалъ глухо и жутко, дико отдаваясь на зеленой, залитой цвѣтами, полянѣ, подъ тающимъ въ солнечномъ блескѣ голубымъ небомъ.

Веригинъ сталъ догадываться, что присутствуетъ при какомъ-то невѣдомомъ религіозномъ обрядѣ, и догадка его скоро подтвердилась: старикъ внезапно скрылся въ землянкѣ и сейчасъ же появился опять, съ трудомъ вытащивъ оттуда какое-то тяжелое, безобразное деревянное чучело.

Это былъ грубо вытесанный, нелѣпо раскрашенный чурбанъ, и когда старикъ поставилъ его у стѣны землянки, Веригинъ разобралъ жуткое, едва намѣченное, скуластое, узкоглазое, деревянное лицо, съ какой-то непріятной, не то насмѣшливой, не то идиотской улыбкой на деревянныхъ губахъ, и руки и ноги, совершенно одинаково скрещенные.

Потомъ старикъ откуда-то досталъ маленькій берестяной корецъ съ медомъ. Онъ поставилъ его передъ идоломъ, взялъ тонкую раскрашенную палочку, съ пѣніемъ и бормотаніемъ обмокнулъ ее въ медъ и помазалъ по деревяннымъ губамъ. Чурбанъ улыбался также хитро и безмысленно. Старикъ смѣшно воздѣлъ руки къ небу и опять заплясалъ и закричалъ, какъ пьяный.

Веригину стало смѣшно. Онъ рѣшительно выступилъ изъ своей засады и показался на полянѣ.

Въ ту же минуту произошло что-то странное, чего Веригинъ никакъ не ожидалъ: лѣсной дѣдъ мгновенно остановился, уронилъ свою палочку и съ ужасомъ уставился на незнакомаго человѣка. Невольно приостановился и Веригинъ, хотя и продолжалъ улыбаться. Нѣкоторое время они неподвижно смотрѣли другъ на друга, и видно было, какъ у старика дрожали колѣни. Потомъ онъ метнулся, какъ заяцъ, схватилъ свой чурбанъ, поволокъ его, не осиливъ отъ испуга, бросилъ и, вдругъ шагнувъ въ сторону Веригина, замахалъ руками и закричалъ:

— Уходи!.. Чего тебѣ?.. Уходи!.. Нельзя тутъ!.. Уходи!..

Онъ путалъ эти русскія слова съ какими-то непонятными Веригину звуками, среди которыхъ опять слышалось ему „шау, шау“ и еще какое-то „ширметъ, ширметъ“... Веригинъ въ неудомѣніи смотрѣлъ на старика.

— Уходи, уходи!—кричалъ дѣдъ, топая на него ногами и весь трясясь не то отъ ужаса, не то отъ злости. Борода у него прыгала, изо рта вылетала слюна, волосы на головѣ встали дыбомъ.

— Да чего ты? Дѣдушка, мнѣ только... воды напиться...—пробормоталъ ошеломленный Веригинъ, невольно отступая и хватаясь за ружье.

Но дѣдъ, очевидно, осатанѣлъ до того, что даже не слышалъ ничего. Онъ какъ-то странно, обѣими ногами сразу, прыгалъ на Веригина, махалъ руками, плевалъ и кричалъ только одно:

— Уходи! Шау. шау... ширметъ! Уходи!

Веригинъ, наконецъ, догадался, что попалъ въ какое-то священное мѣсто, куда непосвященнымъ входить нельзя, и что старикъ гонить его прочь съ поляны. И сразу страхъ, вызванный старикомъ, пропалъ, и ему опять стало только смѣшно. Онъ парочно угрожающе шагнулъ къ старику навстрѣчу.

Старикъ оторопѣлъ и на минутку замолкъ, съ дикимъ ужасомъ глядя на человѣка, который, по видимому, совсѣмъ не боялся его страшныхъ словъ. Веригинъ подходилъ все ближе, съ любопытствомъ разсматривая идола. Старикъ поймалъ этотъ взглядъ и всѣмъ тѣломъ своимъ метнулся загородить отъ чужихъ глазъ своего деревяннаго бога.

— Да чего ты боишься, дѣдъ?— дружелюбно сказалъ Веригинъ и шагнулъ еще ближе.

Тогда старику, должно быть, пришло въ голову крайнее средство: онъ быстро схватилъ свой чурбанъ, съ невѣроятной, для такого дряхлаго старика, силой поднялъ его надъ головой и пошелъ прямо на Веригина, не переставая выкрикивать что-то угрожающее и предостерегающее.

Было ясно, что онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что Веригинъ испугается, и если не падетъ ницъ

передъ лицомъ бога, то будетъ немедленно пораженъ и уничтоженъ чудесной силой. Старикъ, видимо, самъ боялся возможныхъ послѣдствій своего поступка и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Шальная, мальчишеская мысль пришла Веригину въ голову: когда старикъ былъ уже шагахъ въ десяти отъ него, онъ быстро приложился и выстрѣлилъ изъ ружья прямо въ мертвое, деревянное, идиотски улыбающееся лицо идола.

Грохотъ выстрѣла оглушилъ его самого, и въ дыму онъ не сразу разобралъ, что случилось съ идоломъ. Видѣлъ только какъ что-то бѣлое кубаремъ покатилося въ траву.

Когда же дымъ разошелся, старикъ, какъ убитый, лежалъ ничкомъ, а въ трехъ шагахъ отъ него, лицомъ вверхъ, валялся на травѣ идолъ, бессмысленно улыбаясь въ небо, словно притворяясь, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, что случилось. Пуля сколола ему ухо и часть щеки, и бѣлая щепка торчала въ сторону.

Веригинъ подумалъ, что онъ убилъ старика. Что-то жутко дрогнуло у него въ груди, и онъ уже хотѣлъ броситься на помощь, какъ вдругъ старикъ зашевелился.

Онъ съ трудомъ поднялся сначала на четвереньки, а потомъ на ноги, весь измазанный зеленою, съ трясущимися руками и головой, дико и жалобно оглядываясь кругомъ. Должно быть, онъ даже не понялъ, въ чемъ дѣло, и думалъ, что это самъ богъ поразилъ нечестиваго молніей. Но увидѣвъ въ трехъ шагахъ отъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало, стоявшаго Веригина, изъ опущеннаго дула ружья котораго шель сизый дымокъ, старикъ остолбенѣлъ. Личико его исказилось выраженіемъ ужаса и отчаянія. Растерянно оглянувшись, онъ увидѣлъ своего идола и кинулся къ нему.

Веригинъ видѣлъ, какъ онъ старался поднять бога и какъ отшатнулся, увидѣвъ разбитое, обезображенное его лицо. Нѣсколько минутъ онъ оставался на колѣнахъ, растерянно вода руками по язвѣ, сдѣланной пулею. Потомъ оглянулся на Веригина, ахнулъ, всплеснулъ руками, поползъ на четверенькахъ, вскочилъ и бросился бѣжать по полянѣ.

— Дѣдъ, дѣдъ!—крикнулъ Веригинъ съ чувствомъ стыда.

— Дѣдъ, постой!..

Но старикъ бѣжалъ, какъ молодой, прыгая черезъ цвѣты и размахивая руками, точно подбитая птица крыльями.

— Дѣдъ!

Бѣлая развѣвающаяся рубаха мелькнула за деревьями, упала, вскочила и, подпрыгнувъ, скрылась въ чащѣ.

Веригинъ, опустивъ ружье, съ недоумѣніемъ и смутнымъ стыдомъ, долго смотрѣлъ вслѣдъ. Потомъ нерѣшительно подошелъ къ идолу и толкнулъ его ногою. Идолъ качнулся и опять легъ на спину. Въ его деревянномъ тупомъ лицѣ явно намѣчалась ехидная улыбка, а косые глаза смотрѣли вверхъ съ выраженіемъ непроницаемымъ.

Веригинъ растерянно пожалъ плечами, посмотрѣлъ еще, оглянулся на опустѣлую поляну и, плюнувъ, пошелъ прочь.

— Фу, какъ глупо вышло! — въ досадѣ на свою легкомысленную выходку думалъ онъ, углубляясь въ зеленую чащу.

III.

Вечеромъ, когда на кровавой полосѣ заката чернымъ сталъ лѣсъ, Веригинъ сидѣлъ, вытянувъ усталыя, сладко млѣющія ноги на середину

избы, и пилъ чай. Больной Шутовъ, сосланный по одному съ нимъ дѣлу, лежалъ на лавкѣ и зябко кутался въ пальто, хотя было жарко и душно. У него была чахотка, и по прозрачнымъ глазамъ, и по тому, какъ слабо лежали на обнажившемся лбу свѣтлые плоскіе волосы, видно было, что жить ему осталось немного.

— Ужасно я радъ, что ты пришелъ! — говорилъ онъ слабымъ прерывающимся голосомъ, неизмѣнно, что бы онъ ни говорилъ, сохраняющимъ какое-то свѣтлое, приподнятое выраженіе. — Я вѣдь все одинъ да одинъ!.. Товарищи заходятъ рѣдко: лѣто, никому не охота сидѣть съ больнымъ!.. Оно и понятно. А я тутъ все лежу, думаю да вспоминаю... Всю жизнь свою на досугѣ перебравъ, ничего, кажется, не осталось! Сначала казалось, ужасно много, а какъ сталъ припоминать, такъ какъ будто и нѣтъ ничего!.. Вчера цѣлый день вспоминалъ, какъ меня нянька причащаться водила... Была на мнѣ тогда розовая рубашка и лакированные сапожки, которыми я страшно гордился!.. Глупо и сентиментально, но, когда вотъ такъ приходитъ дѣло къ концу, ужасно даже и такія мелочи кажутся милыми и трогательными!.. Нянька у меня была солдатка и все пророчила мнѣ генеральскій чинъ и невѣсту богатую... А я даже въ генералы отъ революціи не вышелъ, такъ рядовымъ и умру!.. И невѣсты какъ-то не было времени найти... Одинъ разъ даже и влюбился, но тутъ арестъ подоспѣлъ, такъ ничего изъ этого и не вышло!.. Да и въ самомъ дѣлѣ некогда было: я тутъ отъ скуки какъ-то подсчиталъ, такъ оказалось, что я ровно, день въ день, четвертую часть жизни въ тюрьмѣ просидѣлъ!..

Шутовъ улыбнулся застѣнчиво и мягко и было видно, что его утѣшаетъ именно то, что онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ четверть жизни. Было нѣ-

что наивное и милое въ той маленькой гордости, съ которой онъ говорилъ объ этомъ.

Заря погасала, огненно-красный силуэтъ окна понемногу блѣднѣлъ на стѣнѣ, въ комнатѣ становилось темно, и лицо Шутова блѣднѣло и таяло въ сумракѣ.

— Ну, а какъ ты себя, все-таки, чувствуешь теперь?—спросилъ Веригинъ, самъ чувствуя, какъ неловко звучитъ этотъ праздный вопросъ.

Шутовъ засмѣялся.

— Какъ мнѣ себя чувствовать?.. Чувствую, что умираю!

— Ну, вотъ... глупости!—возразилъ Веригинъ, съ тѣмъ неприятнымъ, фальшивымъ выраженіемъ, съ какимъ очень здоровые люди утѣшаютъ больныхъ, относительно участи которыхъ у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.—Еще поправишься!.. Климатъ тутъ такой, что не хуже Ялты... Еще посмотри, какимъ молодцомъ запрыгаешь!

Шутовъ выслушалъ его безъ интереса, очевидно изъ деликатности, стараясь не показать, что отлично понимаетъ смыслъ словъ Веригина. Онъ, видимо, такъ привыкъ къ мысли о скорой смерти, что ему даже просто скучно было слушать всѣ эти утѣшенія.

— Нѣтъ, что уже тутъ! — слабо отмахнулся онъ. — Да и что тамъ... умирать, такъ и умирать!

Кто-то вошелъ въ избу и сталъ возиться въ темномъ углу. Видна была уже только одна черная высокая тѣнь.

— Огонь зажечь, что ли? — спросилъ оттуда глухой голосъ.

— Пожалуйста, Федоръ Иванычъ! Въ самомъ

Чиркнула спичка, звякнуло стекло въ неловкихъ грубыхъ пальцахъ, загорѣлся трепетный синій огонекъ.

— Вотъ, такъ-то лучше, чѣмъ въ темки играть.

Лампа разгоралась медленно, и при свѣтѣ ея Веригинъ разсмотрѣлъ непомѣрно высокаго старика, въ черной жилеткѣ, съ костяными пуговками, въ бѣлой рубахѣ на выпускъ, съ длинной сѣдой бородой и сѣдыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ зорко смотрѣли острые черные глазки. При видѣ его Веригинъ вспомнилъ того старика въ лѣсу.

— А вы, Федоръ Ивановичъ, чайку съ нами не выпьете?—продолжалъ Шутовъ.

— Анъ, выпью!—глухо, какъ сквозь подушку, отвѣтилъ старикъ.—Изъ тѣхъ же будете?—проницательно глядя изъ-подъ сѣдыхъ кустовъ, спросилъ онъ Веригина, принимая отъ него толстый стаканъ и наливая на блюдечко.

— Изъ тѣхъ самыхъ!

— Тэкъ-съ...—неодобрительно, какъ показалось Веригину, буркнулъ старикъ, дую на блюдечко, которое держалъ высоко на растопыренныхъ пальцахъ. Потомъ съ хрустомъ откусилъ сахаръ, запилъ и, поставивъ пустое блюдечко на столъ, сейчасъ же сталъ наливать, спокойно держа горячій стаканъ въ заскорузлыхъ пальцахъ.

Отпивъ стаканъ, пока Веригинъ наливалъ ему другой, старикъ сидѣлъ прямо и пытливо смотрѣлъ на гостя.

— Что вы на меня такъ смотрите?—спросилъ Веригинъ.

— Смотрю... Зря вы сдѣлали, не ладно, не хорошо!—сурово сказалъ старикъ.

— А что?—удивился Веригинъ.

— А то! — непонятно буркнулъ старикъ и взялся за блюдечко.

Веригинъ понялъ, что ему извѣстна исторія въ лѣсу, и слегка покраснѣлъ.

— А вы откуда знаете? — недружелюбно спросилъ онъ.

— Выходить, что знаю... Сорока на хвостъ принесла! — загадочно отвѣчалъ старикъ.

— Да вы о чемъ? — спросилъ Шутовъ съ любопытствомъ.

Веригину не хотѣлось рассказывать, но онъ все-таки рассказалъ.

— Да, вотъ... — сказалъ старикъ, когда Веригинъ замолчалъ, — и выходитъ, что поступили вы очень даже не ладно. Я этого старичка знаю: это тутъ въ давніе времена были какіе-то поселенцы, изъ первыхъ. Жизнь тогда тутъ была дикая, ну, и они обурятились, свою вѣру забыли, стали идолу кланяться... Такъ и живутъ, какъ бы идолопоклонники, выходитъ. Однако, oprичъ этóго, дурного о нихъ сказать нечего... Хорошо живутъ, правильно.

Старикъ говорилъ глухо, — усы мѣшали, — но вѣско и даже торжественно, какъ власть имѣющій.

— Я ихъ такъ понимаю, что смѣшеніе произошло: Христа-то они забыли, а обычай христіанскій соблюдаютъ не въ примѣръ многимъ и изъ нашихъ. Водки не пьютъ, никому худого не дѣлаютъ, воровства промежъ нихъ нѣтъ... нравственность имѣютъ высокую и себя очень соблюдаютъ. Нашихъ не чуждаются, нѣтъ, но только идола своего никому показывать не могутъ. Такой у нихъ, значить, законъ... А старичокъ тотъ у нихъ замѣстъ главнаго шамана, что ли, считается. Очень правильный старичокъ. А теперь у нихъ такое идетъ, что ну!.. И какія послѣдствія тому могутъ

быть, неизвѣстно. А только я вамъ скажу, что назадъ тѣмъ же путемъ вамъ теперь итти несподручно. Вы тутъ денька два поживите, а сынъ, старшій мой, вернется, я ему прикажу, онъ васъ проводить.

— Фью! — самоувѣренно присвистнулъ Веригинъ и посмотрѣлъ на свое ружье, стоявшее въ углу. Ему было досадно, что старикъ какъ бы нотацію ему читаетъ, и тѣмъ болѣе досадно, что ему самому было стыдно своей мальчишеской выходки.

Старикъ покачалъ головой, но ничего не сказалъ и сталъ наливать на блюдечко.

Шутовъ съ тревогой посмотрѣлъ на него.

— А ты знаешь, ты въ самомъ дѣлѣ не ходи, подожди! — волнуясь, сказалъ онъ.

— Наплевать! — хвастливо возразилъ Веригинъ, именно потому, что ему самому что-то стало жутко, и стыдно было въ этомъ признаться.

Въ избѣ было душно и темно. Лампочка давала мало свѣту; по стѣнѣ отъ самоварнаго пара быстро проползали и исчезали подъ потолкомъ дымныя тѣни.

— Не хорошо! — повторилъ старикъ какъ бы про себя.

— Ну, что-жь,—заговорилъ Веригинъ, озлившись на его осуждающій тонъ,—вы, вѣрно, чловѣкъ религіозный, слѣдовательно, должны одобрять мой поступокъ: разрушилъ идолопоклонство!.. Святые отцы всегда такъ поступали.

Старикъ покосился на него, показывая, что понялъ насмѣшку.

— Вашему дѣлу святые отцы не примѣръ! — неодобрительно сказалъ онъ.—И не все правильно и святые дѣлали.

— Что жъ, по-вашему не надо бороться съ съ суевѣрїями? Пусть себѣ идоламъ поклоняются, что ли?—насмѣшливо спросилъ Веригинъ.

Старикъ помолчалъ.

— Всякъ человѣкъ своего идола имѣеть! — наставительно возразилъ онъ. — Не въ томъ дѣло, чему человѣкъ поклоняется... Намъ съ вами чужую вѣру гнать не къ лицу!.. Ты свою вѣру знай, баринъ, а чужой не касайся. Ты себя въ добрѣ держи и будешь тѣмъ самымъ Богу слуга. Не въ храмѣ, а въ духѣ!—торжественно и непонятно возгласилъ старикъ, значительно поднявъ толстый, заскорузлый палець.

— Такъ то духъ, а то деревянный чурбанъ!— не вдумываясь въ слова старика, возразилъ Веригинъ.

— Чурбанъ!.. А ты во что вѣришь, барчукъ? —уже явно неодобрительно вдругъ спросилъ старикъ и зорко уставился на Веригина.

Веригинъ засмѣялся.

— Я въ человѣчество вѣрю, старикъ!

— Въ человѣчество? —раздумчиво и какъ бы съ недоувѣремъ переспросилъ Федоръ Ивановичъ. — Въ человѣчество!.. Ну, инъ по-твоему... И крѣпко вѣришь?

— Вѣрно крѣпко, коли сюда попалъ!

— Во! А почему ты знаешь, что твоя вѣра — правая?

— Я думаю!

— А ты не думай, а говори, какъ понимаешь! Вотъ, скажемъ, и я, и Василій Васильевичъ, и старичокъ тотъ, и урядникъ нашъ, скажемъ, тоже — люди-человѣки. Такъ ты и въ насъ вѣришь?

— Ну, почему—въ васъ?.. Я, старикъ въ идею человѣчества вѣрю! — улыбнулся снисходительно Веригинъ.

— Ась? — переспросил Федоръ Ивановичъ и наклонилъ ухо, изъ котораго торчали сѣдые волосы.

— Ну, во всѣхъ вмѣстѣ вѣрю!— смѣясь пояснилъ Веригинъ.

— Нѣтъ, это ты пустое говоришь!—покачалъ головой старикъ. — Въ cadaго человѣка вѣрить ты не можешь, потому что человѣкъ смертенъ и въ юдоли своей весьма даже ничтоженъ. Этакъ ты и въ козу повѣришь!.. А вѣришь ты, какъ и всѣ мы, въ правду да въ добро... Ты въ людяхъ правдѣ и добру кланяешься. И выходитъ, что человѣкъ тебѣ намѣсто чурбана служить.

— Какъ?—въ свою очередь переспросил Веригинъ.

— Намедни къ намъ миссіонеръ пріѣзжалъ, —какъ бы не слушая, продолжалъ старикъ, наливая чай, — собралъ народъ, книги вывалилъ и пошелъ: не такъ крестимся да не такъ молимся, неправедно, значить живемъ и черезъ то гееннѣ огненной уготованы!.. А у самого рожа, какъ самоваръ... Постникъ!.. Ты-то какъ крестишься, когда анаемѣ людей предаешь?—спрашиваю... Какъ ты Богу молитвы возносишь передъ образами постниковъ великихъ, ежели отъ тебя винищемъ разить?.. Осерчалъ, изругалъ, да и уѣхалъ!.. Смѣялись потомъ наши... А мнѣ не смѣшно!.. Человѣкъ не Богу, а вѣрѣ кланяется... Построилъ себѣ церкву, ей и служить, а въ жизни у него Бога-то и нѣтъ!.. Руки да языкъ вѣрятъ!.. Къ чему такая вѣра, хоть будь она самая расправильная? Ни къ чему!.. А тотъ старичокъ, котораго ты избидѣлъ и, можетъ, вѣры рѣшилъ, своему идолу нелицеприятно служилъ!.. Дай Богъ тебѣ, чтобы ты такъ со своимъ человѣчествомъ жилъ, какъ онъ со своей чурбанкой!.. А ты зачѣмъ человѣку зло сдѣлалъ, коли въ человѣка вѣришь?..

— А чортъ же его зналъ! — обозлился Веригинъ и въ замѣшательствѣ сталъ закуривать, притворяясь, что все вниманіе его поглощено огонькомъ спички.

— Нѣтъ, не чортъ! — укоризненно возразилъ старикъ. — А ты то знай, что у каждого свой чурбанъ есть, и никакая вѣра передъ другой никакого преимущества не имѣетъ... Бога никто же не видѣлъ, нигдѣ же!.. Ты Бога спрашивалъ, какая вѣра ему милѣе?.. Передъ нимъ всѣ вѣры равны, а человѣку та и лучше, отъ которой въ немъ зла меньше. Ты мимо своего чурбана на Бога смотри, такъ чурбанъ - то уже и не чурбанъ выйдетъ!.. Вотъ, тебѣ и весь сказъ, а ты надъ нимъ подумай. А я пойду... Покорнѣйше благодаримъ за угощеніе...

Старикъ перевернулъ стаканъ, положилъ огрызокъ сахара на донышко и всталъ.

— Большой вы философъ! — смѣшливо сказалъ Веригинъ.

— Философъ! — горько повторилъ старикъ и безнадежно покачалъ головой. — Прощенія просимъ.

Онъ вышелъ, низко нагнувшись въ дверяхъ.

Веригинъ и Шутовъ долго молчали. Глухой голосъ, казалось, остался въ комнатѣ и давилъ на душу.

— Любопытный старикъ! — наконецъ, сказалъ Веригинъ, собственно потому, что не зналъ, что сказать.

— Онъ умный старикъ! — оживился Шутовъ. — Я съ нимъ очень люблю бесѣдовать... Есть въ немъ что-то крѣпкое!

— Да-а... — неохотно согласился Веригинъ, которому было досадно, что старикъ какъ будто бы отчиталъ его.

— А у насъ все въ разбродъ пошло! — помолчавъ замѣтилъ Шутовъ, очевидно, перескочивъ къ этому отъ фразы о крѣпости старика.— Всѣ переругались, перессорились, всѣ программы перепутали... Проиграли дѣло, а теперь и торгуются, кто правъ, кто виноватъ!.. Тяжело слушать!.. И что тутъ спорить. Всѣ виноваты!.. Мало было готовности итти до конца... А, въ сущности, что жъ: нельзя отъ всѣхъ требовать геройства!

— Ты - то достаточно, кажется, погеройствовалъ! — замѣтилъ Веригинъ, съ невольной лаской посмотрѣвъ на жидкіе большыя волосы и ясные открытые глаза.

— Какое тамъ геройство! — махнулъ рукою Шутовъ.— Что легкія отбили, такъ это случай!

-- Хорошъ случай! — засмѣялся Веригинъ, и глаза у него стали влажными.

Шутовъ заволновался.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... — сказалъ онъ, видимо, желая переменить тему, — все бы это ничего, а скверно то, что лежишь тутъ, какъ колода, когда тамъ каждый человѣкъ на счету.

— Довольно съ тебя!.. Ты и такъ много сдѣлалъ!

— Что же я сдѣлалъ? Гдѣ оно?.. Если хочешь, я, конечно, знаю, что съ меня, полумертваго, спрашивать больше нечего, но мнѣ-то отъ этого не легче! Придутъ товарищи, начнутъ рассказывать, газеты читать... ужасъ, что дѣлается!.. Такъ бы и бросился туда!.. Нѣтъ, лежи и кашляй, смерти жди!..

— Ну, что ты все о смерти! — неловко перебилъ Веригинъ.

— Поневолѣ будешь; если она за плечами!.. Ты не думай...—вдругъ заторопился Шутовъ и даже покраснѣлъ отъ волненія, — я смерти не боюсь... въ самомъ дѣлѣ не боюсь... и не ною!.. Я къ ней

отношусь, какъ къ факту... Что значить—смерть?.. Когда-нибудь умирать же надо. Миѣ только жалко, что я не увижу, чѣмъ все это кончится!.. Такъ иногда подумаешь, что пройдетъ эта полоса, подыметъ новая волна, будетъ борьба... будутъ гибнуть и побѣждать, а тебя уже не будетъ съ ними... грустно!.. Не пришлось... А какое, должно быть, счастье видѣть побѣду своей идеи!.. Эхъ, если бы хотъ знать навѣрное, что мы побѣдимъ!.. Слушай, скажи по совѣсти, отъ души, вѣришь ты, что мы побѣдимъ въ концѣ-концовъ?—съ невѣроятнымъ волненіемъ спросилъ Шутовъ и даже приподнялся.

Веригинъ взглянулъ на свѣтлые, широко открытые глаза, въ которыхъ горѣлъ страстный, восторженный вопросъ, и ему даже странно стало: три дня осталось человѣку жить, а онъ говорить—мы побѣдимъ!.. Что ему до того?!

— Конечно, побѣдимъ!—сказалъ онъ, невольно потупившись.

Шутовъ такъ и остался, приподнявшись на локтѣ. Онъ смотрѣлъ не на Веригина, а куда-то къше, точно черезъ голову товарища онъ уже виѣлъ своими прозрачными отъ близкой смерти глазами какое-то побѣдное шествіе вдали, какое-то лучезарное новое солнце.

Потомъ онъ сразу ослабѣлъ и легъ. На лбу у него выступилъ потъ, жалко слиплись жидкіе бѣлые волосы, глаза помутились.

Веригинъ сидѣлъ потупившись, глядя на свои сапоги. Почему-то онъ не могъ смотрѣть на Шутова. Этотъ страстный предсмертный восторгъ больно рѣзалъ сердце.

Солнце еще не всходило, когда Веригинъ вышелъ на знакомую поляну, но верхушки деревьевъ были уже свѣтлы и воздухъ прозраченъ. Утренняя свѣжесть молодила, и ноги шагали такъ легко и охотно, точно имъ самимъ доставляло удовольствіе нести тяжесть сильнаго, бодрого, молодого тѣла.

Внизу, подъ деревьями, зелень была еще блѣдная отъ росы и полянки казались покрытыми инеемъ. Трава была тяжела и мокра, и не успѣлъ Веригинъ войти въ лѣсъ, какъ сапоги уже блестяли точно вымытые, и колѣнки брюкъ почернѣли.

Отъ вчерашнихъ разговоровъ осталось впечатлѣніе чего-то большого и тяжелаго, и думать о нихъ не хотѣлось въ такое радостное чистое утро. Подъ вліяніемъ этой чистоты, свѣта и легкости, Веригинъ почти забылъ и предостереженіе стараго Федора Ивановича, хотя передъ уходомъ и старикъ и Шутовъ настойчиво уговаривали его не идти въ одиночку. Остаться — значило признаться окончательно, что онъ наглупилъ и самъ струсилъ. Веригинъ пошелъ на зло и первое время былъ насторожѣ, не выпуская ружья изъ рукъ и зорко вглядываясь въ каждый кустъ. Но въ лѣсу было пусто и тихо, ничего подозрительнаго не видно было нигдѣ, и понемногу осторожность ослабѣла. Онъ совершенно успокоился, и когда между деревьями мелкнулъ просвѣтъ поляны и показалась крыша знакомой землянки, Веригинъ уже не почувствовалъ ничего, кромѣ любопытства.

Прежде всего, его поразили странная пустота и безмолвіе поляны: цвѣты, понутивъ головки подъ тяжестью обильной росы, неподвижно стояли въ травѣ и какъ-будто спали; не летали пчелы, должно быть тоже еще спавшія въ своихъ теплыхъ

уляхъ; пестрые лоскутья подъ крышей отсырѣли и висѣли, какъ мокрая тряпки; дверь въ землянку была открыта и чернѣла жутко, какъ въ могилу. Никого не было кругомъ.

Веригинъ, какъ давеча, постоялъ на опушкѣ и подошелъ. Онъ невольно ожидалъ, что откуда-нибудь вынырнетъ бѣлый дѣдъ и опять начнетъ кричать и плевать на него. Странно, онъ даже какъ-будто былъ бы радъ этому. Но пустота и безмолвіе царили кругомъ, и блѣдныя деревья одни стояли, понурившись, на опушкѣ.

— Дѣдъ! — крикнулъ Веригинъ, самъ не зная зачѣмъ, повинуваясь какому-то жуткому сознанию одиночества.

— Дѣ-ѣдъ!

Что-то трепыхнулось и защелкало у него надъ головой. Веригинъ быстро обернулся, схватившись за ружье. Но это была только проснувшаяся ворона. Она захлопала отсырѣвшими за ночь крыльями и неуклюже полетѣла внизъ, вдоль опушки.

— Куда онъ дѣвался? — подумалъ Веригинъ.

Онъ подошелъ къ землянкѣ и осторожно заглянулъ внутрь. Сыростью и затхлостью погреба пахло оттуда. Веригинъ нарочно стукнулъ прикладомъ, но никто не отозвался. Только приглядѣвшись, онъ вдругъ увидѣлъ во мракѣ какія-то двѣ свѣтящіяся точки, безпокойно двигавшіяся въ самомъ темномъ углу. Веригинъ невольно сунулъ впередъ дуло ружья. Свѣтящіяся точки мигнули. Веригинъ отступилъ шага два, и что-то рыжее пушистое шмыгнуло у него подъ ногами. Большая, присадковатая лиса, распушивъ рыжій хвостъ, скачками пошла черезъ поляну и въ одно мгновеніе скрылась въ кустахъ.

— Ахъ, чтобъ тебя! — успѣлъ только вскрикнуть Веригинъ и вскинулъ ружье, но было уже поздно.

Ему пришло въ голову, что лисица забралась сюда не спроста.

— Ужъ не умеръ ли онъ тамъ? — подумалъ Веригинъ, забывая, что лисица не идетъ на мертвечину.

— Дѣдъ! — опять громко позвалъ онъ.

Было тихо, и все свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось кругомъ. Вершинки деревьевъ уже загорались розовымъ пламенемъ и то тутъ, то тамъ робко звучали первые птичьи голоса.

Веригинъ, нагнувшись, вошелъ въ землянку и, когда глаза его привыкли къ темнотѣ, разсмотрѣлъ на полу окровавленный пухъ и перья. Онъ понялъ, что землянка оставлена совсѣмъ.

— А, чортъ! — съ смутнымъ, непріятнымъ, чувствомъ, по привычкѣ, выругался Веригинъ и вышелъ на воздухъ.

Все еще держа ружье наготовѣ, не вѣря этой тишинѣ, онъ обошелъ землянку и попалъ въ маленькій, загороженный сухимъ хворостомъ, пчельникъ. Картина полного разрушенія поразила его здѣсь: четыре грубо сколоченные улья валялись на боку, крышки съ нихъ далеко откатились въ сторону, и на землѣ, вмѣстѣ съ вытекшими раздавленными сотами — влипшія въ нихъ мертвыя пчелы. Нѣсколько живыхъ, въ полномъ оупѣннн сидѣвшихъ кругомъ на вѣткахъ загородки, казалось, въ безмолвномъ отчаяннн, равнодушннн ко всему на свѣтѣ, созерцали гибель своего дома. Двѣ, три тяжело снялись съ мѣста и съ грознымъ жужжанннмъ попытались налетѣть на Веригина, но уже не было силы и сознаннн въ ихъ разрозненномъ гудѣннн, и онъ скоро такъ же тупо усѣлись, гдѣ попало.

Веригинъ, все еще не совсѣмъ понимавшій смыслъ этого страннаго разрушенія, вышелъ съ пчельника, заглянулъ въ пустую темную землянку и, махнувъ рукой, пошелъ прочь.

Въ маленькой низинкѣ, гдѣ еще съ весны стояла неглубокая ржавая вода, окруженная топкой черной грязью, что-то бросилось ему въ глаза. Съ тревожнымъ толчкомъ въ сердце, Веригинъ подошелъ къ болотцу. Ему вдругъ отчетливо и страшно представилось, что сейчасъ онъ увидитъ трупъ старика, не вынесшаго крушенія своей наивной и твердой вѣры, посрамленной чужой и холодной рукой.

Но это былъ только деревянный чурбанъ съ расколотой выстрѣломъ головой. Онъ, очевидно, былъ съ силой брошенъ въ болото, но, забрызганное черной грязью, все такъ-же хитро и безмысленно вмѣстѣ улыбалось его деревянное узкоглазое лицо.

Веригинъ смотрѣлъ на него съ страннымъ и тяжелымъ чувствомъ. Было стыдно, жаль, и что-то, больше жалости и стыда, еще неосознанное, шевелилось въ душѣ.

Онъ, вѣроятно, долго простоялъ бы здѣсь, если бы какой-то звукъ не заставилъ его быстро обернуться.. Странно, какъ во снѣ, мелькнулъ въ самомъ краешкѣ глаза силуэтъ лошади и всадника вдали между деревьями, но когда Веригинъ оглянулся, никого не было, и блѣдно-зеленый лѣсъ молча смотрѣлъ на него.

„Пуганная ворона куста боится!“ съ досадой подумалъ Веригинъ, не допускавшій мысли, что можно такъ безслѣдно скрыться въ одно мгновеніе.

Онъ тряхнулъ головою, вскинулъ ружье на плечо и бессознательно ускоренными шагами пошелъ своей дорогой.

Уже всѣ деревья были облиты радостнымъ золотистымъ свѣтомъ, и роса блестѣла тысячами-искрящихся брилліантовъ, когда Веригинъ, задумчиво шедшій по лѣсу, вдругъ остановился.

Робкими и мелкими шажками, пробираясь по полянкѣ, ковылялъ передъ нимъ куцый сѣрый зайчикъ. Его непомѣрно длинныя уши были плотно прижаты къ спинѣ и нервно шевелились, куцый хвостикъ торчалъ на неловко приподнятомъ задкѣ, и казалось, что онъ нарочно сталъ на четвереньки.

Было у Веригина невольное движеніе за ружьемъ, но что-то остановило его и, притаивъ дыханіе, неподвижно стоя, онъ смотрѣлъ, что будетъ дѣлать забавный звѣрекъ.

Выбравшись на серединку поляны, заяцъ сѣлъ и сторожко вытянулся, высоко поднявъ надъ головой длинныя уши и прижавъ къ бѣловатому животу короткія переднія лапки. Съ минуту онъ чутко прислушивался, чуть замѣтно поворачивая уши изъ стороны въ сторону. Веригину было видно, какъ часто-часто дрожить его нѣжный носикъ, принюхиваясь къ подозрительнымъ запахамъ. Но Веригинъ стоялъ за вѣтромъ.

Въ лѣсу уже повсюду звенѣлъ и трещалъ птичій гомонъ. Листья и трава прозрачно золотились въ свѣту. Небо было чисто и ясно—ни одного облачка!

Заяцъ шевельнулся. Онъ, должно быть, убѣдился, что никого нѣтъ кругомъ и никакая опасность ему не угрожаетъ. На минутку онъ даже какъ-то осѣлъ, комфортабельно выставивъ животикъ и зажмурившись отъ удовольствія, потомъ вытянулся опять, поднялъ переднія лапки и смѣш-

но замахалъ ими въ воздухѣ, сложивъ точно мусульманинъ на молитвѣ. И вдругъ, неожиданно сорвавшись съ мѣста, прыгнулъ, перекувыркнулся, растянулся въ травѣ и завертѣлся колесомъ.

Было такъ зелено, такъ свѣтло, такъ радостно кругомъ. Заяцъ, какъ сумасшедшій, прыгалъ, скакалъ, махалъ лапками, кувыркался черезъ голову. Онъ, очевидно, ошалѣлъ отъ радости свѣтлаго утра и полной безопасности.

Веригинъ едва не расхохотался, глядя на его ужимки и прыжки. Бѣдный, безобидный, самый загнанный изъ всѣхъ, звѣрекъ былъ и смѣшонъ и жалокъ въ своей наивной, кроткой радости, не подозрѣвая, что смерть стоитъ тутъ же за деревомъ.

Вдругъ онъ остановился, сталъ на заднія лапки и замеръ, мгновенно превратившись въ олицетворенный испугъ. Уши торчкомъ, глаза насторожъ и часто-часто дрожащій носикъ... Но, очевидно, не услыхавъ ничего подозрительнаго, онъ опустилъ лапки на животикъ, опустилъ и одно ухо и, прищурившись, замеръ въ блаженномъ созерцаніи зеленого лѣса, голубого неба и свѣтлаго солнца.

Гулкій выстрѣлъ прокатился по лѣсу. Веригину показалось, что кто-то крѣпко ударилъ его палкой по затылку. И уже не видя, какъ отчаяннымъ скачкомъ бросился въ кусты заяцъ, онъ подскочилъ, взмахнулъ руками и грузно упалъ въ траву ничкомъ.

Нѣкоторое время было тихо. Солнце свѣтило прямо въ затылокъ Веригину, и на примятой травѣ было что-то сѣрое и красное.

Въ кустахъ зашевелилось, и показалось странное узкоглазое, какъ-будто деревянное лицо, безъ всякаго выраженія. Осторожно, по-кошачьи ступая, къ неподвижно лежащему Веригину подо-

шелъ желтолицый буряць. Въ рукахъ у него еще дымилась длинная старая винтовка. Онъ какъ-будто равнодушно посмотрѣлъ на Веригина, толкнулъ трупъ ногой и сталъ спокойно заряжать свою винтовку.

Потомъ оглядѣлся кругомъ, поднялъ ружье убитаго, отошелъ въ кусты и, выведя оттуда низкорослую косматую лошаденку, ловко поднялся на сѣдло и тихо, пробираясь, какъ волкъ, поѣхалъ прочь по лѣсу.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ.

I.

Въ концѣ-концовъ, дачникамъ было скучно. Все это былъ народъ, который много говорилъ о томъ, что любить природу, восхищался морскими далями, закатомъ и облаками на таинственной вершинѣ угрюмага мыса, но почти всѣ пріѣхали изъ большихъ городовъ, гдѣ природу видѣли только на картинахъ и слишкомъ привыкли думать о ней, какъ о чемъ-то волшебномъ, что можетъ совершенно измѣнить жизнь и дать какія-то особенныя, невѣроятныя удовольствія. И потому, хотя все было дѣйствительно красиво — и облака на мысѣ таинственны, и море голубо, и волны нѣжны и говорливы, и солнце ярко, — все это казалось однообразнымъ. Хотѣлось чего-то необыкновеннаго... какой-то особенной любви, поэтической, красочной, въ которой растворилось бы тѣло и душа, какъ растворяются они, когда совершенно нагой лежишь на горячемъ прибрежномъ пескѣ, въ ублаживающей ваннѣ солнечныхъ лучей, видишь только небо да море, а у ногъ тихонько звенить совсѣмъ прозрачная, смѣющаяся волна, такая маленькая и кроткая, точно серебряная рыбка, плескающаяся на солнцѣ.

А этого ничего не было. Природа, какъ всегда, была прекрасна, а жизнь лѣнива и скучна. Правда, утромъ, когда ходили купаться и ныряли въ голубой волнѣ, было весело, но все-таки чего-то не хватало.

Женщины въ пестрыхъ костюмахъ, сверкая голыми руками, отплывали далеко въ море и лежали на водѣ, точно отдаваясь горячему солнцу. Мужчины съ высокаго помоста прыгали въ воду, ныряли и фыркали, какъ тюлени. И тѣ и другіе издали поглядывали другъ на друга. Мужчины волновались, когда видѣли надъ волной круглыя розовыя руки или неожиданно, сквозь щели купальни, замѣчали неосторожное, нагое и стройное, мгновенно исчезающее тѣло. А женщины смѣялись звонко и нервно, чувствуя на себѣ жадныя взгляды.

Но потомъ тѣ и другіе одѣвались и выходили на набережную, одѣтые, притворяющіеся, что подъ платьями нѣтъ ни наготы, ни желанія. Они здоровались, съ любезнымъ оживленіемъ болтали о пустякахъ и расходились обѣдать.

Набережная пустѣла, и бесполезно жгло ея бѣлые камни далекое солнце. Только на обрывѣ, надъ моремъ, сидѣли одинокія дѣвушки съ книгами, и нельзя было понять, какъ могутъ онѣ читать, когда солнце такъ горитъ, и небо такое голубое, и море такое большое. Иногда онѣ устало опускали книгу на колѣна и долго задумчиво смотрѣли въ растопленную солнцемъ морскую даль, гдѣ чуть мерещились пароходы, плывущіе, казалось, въ какую-то далекую, счастливую страну. А потомъ потягивались, закинувъ руки за голову и выгибаясь стройнымъ, гибкимъ тѣломъ.

Вечеромъ, когда надъ моремъ стояла бѣлая луна, вокругъ нея небо было теплое, и дальній мысъ таялъ въ прозрачной дымкѣ, на обрывѣ на-

чиналась особенная, таинственная жизнь. То тутъ, то тамъ раздавались голоса и, странно, громки были только женскіе. Мужчины бурчали такъ тихо, что можно было подумать, будто тамъ однѣ женщины. И оттого казалось, что они говорятъ и просятъ о чемъ-то такомъ, чего нельзя сказать громко. А въ звонкомъ и лукаво наивномъ смѣхѣ женщинъ отчетливо слышалось:

— Знаю, чего тебѣ хочется отъ меня... Можетъ быть, догадайся, я сама хочу того же... Но я не скажу этого, нѣтъ, не скажу...

Это были счастливые, которые уже нашли то, чего имъ было нужно отъ этой солнечной и лунной природы, отъ моря и теплой южной ночи. А остальные, въ смутномъ ожиданіи какого-то счастья, ходили по набережной, слушали разухабистый военный оркестръ, въ которомъ, казалось, было слишкомъ много барабановъ, смѣялись повторяющимся остромамъ и ужинали на поплавахъ. Имъ было скучно и обидно, точно кто-то обмануль ихъ.

На томъ поплавкѣ, который былъ ближе къ музыкѣ, каждый вечеръ ужинала одна и та же компанія случайныхъ курортныхъ знакомыхъ: веселый докторъ, въ бѣлой панамѣ, съ женой — молодой и блѣдной дамой; извѣстный писатель, большой и басистый мужчина, съ огромной швейцарской трубкой въ зубахъ; больной чахоткой студентъ и тоненькая, большеглазая, какъ-будто бы вся голубая дѣвушка, которую днемъ постоянно видѣли съ красками, примостившуюся гдѣ-нибудь у розовыхъ камней, облизываемыхъ бѣлой пѣной.

Это была дружная компанія интеллигентныхъ, неглупыхъ людей. Благодаря тому, что среди нихъ былъ извѣстный писатель, многіе съ любопытствомъ и завистью поглядывали на ихъ столики и прислушивались къ ихъ разговорамъ. Поэтому

писатель говорилъ преувеличенно громко и важно дымилъ своей трубкой.

Должно быть потому, что среди нихъ была молоденькая, еще не любившая, но готовая полюбить дѣвушка, такая хорошенькая въ своей синей юбкѣ и бѣлой рубашкѣ съ синими полосками, разговоръ постоянно вертѣлся около любви.

Каждый говорилъ о ней по-своему. Докторъ отрицалъ, какъ счастливый человѣкъ, и когда онъ высмѣивалъ мнимую поэзію чувства, намекая, что не въ поэзіи тутъ дѣло, жена его улыбалась и поглядывала на мужа влюбленными, лукавыми глазами. Писатель, пуская клубы дыма и щеголяя наблюдательностью, вдавался въ тонкости психологіи, говорилъ такъ хорошо, какъ-будто писалъ рассказъ, но никакъ нельзя было понять, во что онъ самъ вѣритъ. Большой студентъ, иронически покашливая, подпускалъ пессимизма, и его болѣзненные колкости, пылающій румянецъ на острыхъ скулахъ и безпричинная злость говорили ясно, какъ хочется ему ласки и любви вотъ такой милой, нѣжной и чистой дѣвушки. А она слушала внимательно, серьезно поворачиваясь къ тому, кто говорилъ, и, казалось, прислушивалась къ чему-то въ глубинѣ своей тонкой, цѣломудренно-пытливой души.

— Что вы мнѣ говорите,—злился чахоточный студентъ, точно боялся, какъ бы ихъ рѣчи не вскружили свѣтловолосой и темноглазой головки, прислушивающейся къ каждому слову и блѣднѣющей отъ волненія.—Любовь... Разбираться въ томъ, есть ли это просто грубый половой инстинктъ или какое-то сложное чувство... шестое чувство... — болѣзненно покривился онъ, —я не буду. Любовь есть фактъ, а все остальное въ высокой степени второстепенно... Я знаю только то, что въ любви нѣтъ ничего облагораживающаго, какъ вы говорите, а,

напротивъ, она унижаетъ и обезцвѣчиваетъ человека.

Онъ замѣтилъ, какъ темные глаза испуганно повернулись къ нему, и продолжалъ, возвышая надорванный голосъ:

— Говорятъ, человекъ, купившій фарфоровый сервизъ, потерялъ свободу, а тутъ не сервизъ.. Вы чужую жизнь берете. И вѣчно должны вы помнить, что каждое ваше слово, каждый вашъ шагъ отражаются на другомъ, и притомъ—на человекъ, котораго вы любите, который вамъ дорогъ.. Это вѣдь ужасно.. Вы не хотите, не можете и не имѣете права огорчить, сдѣлать несчастнымъ, испортить чужую жизнь... А потому мало-по-малу приучаетесь казаться веселымъ, когда вамъ скучно, работать, когда вамъ не хочется, дорожить своей жизнью, когда вамъ нужно поставить ее на карту.. Самое натуральное рабство.. Говорятъ, что любовь есть предпочтеніе одного передъ всѣми..

— Зачѣмъ же, передъ всѣми?— игриво перебилъ веселый докторъ и переглянулся съ женой таинственнымъ, говорящимъ взглядомъ, отъ котораго она покраснѣла и притворно погрозила ему пальцемъ.

Студентъ покосился на нихъ, подумалъ, что это пошло, и брезгливо замѣтилъ, какъ-будто вскользь:

— Несчастливая любовь—страданіе, а черезчуръ счастливая—пошлость.. Любовь же умѣренная, какъ теплая вода, ни то, ни се... и не любовь вовсе... Такъ, значить, если правда, что любовь есть предпочтеніе одного передъ всѣми, то вѣдь это—кастрація.. Человекъ отказывается отъ всего, что можетъ быть лучшаго, надѣваетъ шоры, становится дуракомъ, факиромъ, который удовлетворенъ созерцаніемъ своего пупка и не видитъ, какъ мимо проходитъ каждый день новая красота, цѣлый

хороводъ новыхъ возможностей счастья и радости... Да, можетъ-быть, когда-нибудь люди и додумаются до формъ истинно-свободной любви, но теперь — увь! — единственная форма свободы въ половыхъ отношеніяхъ, извините за выраженіе, проституція.

Писатель, шурясь отъ дыма, съ высоты своего огромнаго роста посмотрѣлъ на его блѣдное, озлобленное лицо и подумалъ:

„Бѣдняга... А вѣдь онъ, кромѣ дешевыхъ публичныхъ домовъ, ничего не видѣлъ въ своей жизни... Такъ и умереть, не увидѣвъ, и будетъ думать, что правъ“.

Веселый докторъ, которому надоѣли отвлеченныя разсужденія, сказалъ:

— Во многомъ вы, конечно, правы... Мужчина и женщина слишкомъ непохожи другъ на друга, и ожидать, что они придутъ къ соглашенію безъ тяжелыхъ взаимныхъ уступокъ, нелѣпо... Да и вообще... какихъ только трагическихъ коллизій не создаетъ эта самая любовь... Вотъ, на примѣръ, здѣсь, недалеко, на хуторѣ, живетъ одинъ мой хорошій пріятель, нѣкто Перовскій...

— Перовскій?... А, да...—оживившись, отозвался писатель.—Это, дѣйствительно, драма...

И почему-то повернувшись прямо къ дѣвушкамъ, онъ красиво и интересно разсказалъ длинную исторію.

Этотъ Перовскій еще студентомъ сошелся съ женщиной гораздо старше его. Ему было лѣтъ двадцать пять, а ей чуть сорокъ, но она была очень хороша. Въ прелести увядающей женщины есть что-то невыразимо-обаятельное, напоминающее осеннюю астру. Трогаетъ красота, которая сегодня такъ красочна и привлекательна, а завтра осыплется, какъ осенній цвѣтокъ. И въ сознаніи своей послѣдней красы она становится особенно нѣжна, дорожить каждой лаской, отдается полно и без-

стыдно, какъ могутъ отдаваться только умирающіе, для которыхъ уже не существуетъ завтрашній день. И чѣмъ моложе мужчина, чѣмъ сильнѣе въ немъ запросъ сладострастія, тѣмъ ярче чувствуетъ онъ эту прелесть. Оттого постоянно явленіе, что очень молодые мужчины отдаютъ свою первую любовь женщинамъ извѣстнаго возраста.

— Можетъ быть, еще и потому, — говорилъ писатель, — что въ любви такой женщины всегда есть оттѣнокъ материнства, который такъ трогаетъ и привязываетъ... У этого Перовскаго былъ когда-то большой голосъ. Ему прочили карьеру перваго русскаго баритона... Я помню, какъ еще въ университетѣ барышни толпой бѣгали за нимъ... А эта Лидія Павловна бредила его славой... Она аккомпанировала ему, ухаживала за нимъ, берегла его голосъ, баловала... создала вокругъ него цѣлый культъ. Казалось, она готова была на смерть ради того только, чтобы онъ имѣлъ маленькій лишній успѣхъ. И надо признаться, что онъ ей многимъ былъ обязанъ. Но годы брали свое. Изъ прелестной женщины она мало-по-малу превращалась въ увядшую, немного-таки комичную старуху... Какъ-то уже и странно, и больно было видѣть ихъ вмѣстѣ: онъ — совсѣмъ молодой, захватывающій своимъ пѣніемъ и всей своей широкой, богато одаренной натурой, постоянно окруженный влюбленными дѣвушками, а она — незамѣтная, комичная, старающаяся притираться и фальшивыми зубами продлить неудержимо уходящую молодость... Надъ ними стали посмѣиваться. Перовскій, конечно, не могъ этого не видѣть, и страдалъ. Да онъ и самъ, вѣроятно, уже тяготился этой противоестественной связью, томился и мечталъ о новомъ, яркомъ, молодомъ чувствѣ. Но у него, къ несчастью, была глубокая, благодарная, жаждущая подвига душа. Онъ не могъ забыть прошлаго, не могъ принести

ее въ жертву, страдалъ и кончилъ тѣмъ, что въ жертву принесъ себя. Онъ сталъ увѣрять и ее, и себя въ мишурности всякой карьеры и уѣхалъ сюда, въ какой-то хуторъ... Просто спрятался отъ людей и отъ жизни, которая слишкомъ мучительно тянула его къ себѣ... Теперь, конечно, все пропало... Онъ поблѣднѣлъ, потускнѣлъ... живутъ они въ своемъ хуторкѣ, почти ни съ кѣмъ не знаютъ, сажаютъ виноградъ, копаютъ грядки... Жизнь кончена... А какая это могла быть красочная, живая, интересная жизнь...

Дѣвушка въ бѣлой рубашкѣ съ синими полосками, вся блѣдная отъ волненія и жалости, смотрѣла прямо въ ротъ писателю темными, скорбными глазами. И, чувствуя этотъ трогательный, печальный взглядъ, писатель рассказалъ эту исторію, эту драму, незамѣтную и страшную, такъ торжественно и грустно, какъ-будто читалъ что-то скорбное и святое житіе. И вѣяніе печали тихо проносилось надъ ними. Даже веселый докторъ, давно знавшій эту исторію и никогда не придававшій ей значенія, приунылъ, а жена его поблѣднѣла, и тайный страхъ тѣнью легъ на ея молодое, счастливое лицо. Когда писатель кончилъ и принялся набивать свою трубку, долго молчали. Слышно было, какъ за обрывомъ шумитъ море, гдѣ-то плещутся весла и несмѣло запѣваетъ молодой голосъ.

А потомъ начали спорить. Писатель горячо доказывалъ, что въ этой жертвѣ есть настоящая красота; студентъ озлобленно, какъ личнаго врага, высмѣивалъ человѣка, который изъ-за какой-то старой бабы отказался отъ жизни, а веселый докторъ началъ ругать эту женщину, которая приняла жертву и не сумѣла уйти во-время.

— Но вѣдь и она не виновата...—робко замѣтила жена.

— Мало ли чего, не виновата... Такъ, значить, губить человѣка.

Докторъ сталъ спорить уже съ женой, увлекся и такъ нетактично, уже ни къ селу, ни къ городу, намекнулъ, что свой своему поневоля — братъ, что молодая женщина обидѣлась и чуть не заплакала. Отъ ея зазвенѣвшаго слезами голоса всѣмъ стало неловко, и больной студентъ, ссылаясь на сырость, предложилъ итти по домамъ.

Было, впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, уже поздно. Музыка давно замолкла, городокъ затихъ, набережная опустѣла, и только рѣдкіе огоньки въ дальнихъ дачахъ говорили о томъ, что еще не всѣ спятъ.

Бѣлая луна стояла надъ черной горой и внимательно смотрѣла въ темную бухту; такъ же таинственно и холодно, какъ смотрѣла она, когда еще не было здѣсь веселаго дачнаго городка и вѣчное море одно нарушало тишину, плескаясь о дикіе камни.

Писатель и больной студентъ пошли вмѣстѣ. Шли медленно, часто останавливаясь и продолжая спорить. И еще долго въ молчаніи лунной ночи было слышно, какъ писатель громовымъ голосомъ, очевидно, горячась отъ того, что доказываетъ то, во что и самъ не вѣритъ, спорилъ съ иронически покашливающимъ студентомъ. Они стояли на набережной, освѣщенной луной, чернѣли двумя рѣзкими тѣнями и заглушали громкими голосами нѣжную, звенящую музыку бухты, тихо поплескивающей въ своихъ каменныхъ берегахъ.

II.

Какъ всѣ веселые люди, не выносящіе скуки, докторъ считалъ своимъ долгомъ заботиться о развлеченіи знакомыхъ. Онъ устраивалъ поѣздки къ

дальнему мысу, въ лазоревыхъ гротахъ котораго, въ прозрачной до дна водѣ, казалось, еще жили прекрасныя нагія русалки съ загадочными зелеными глазами. Потомъ организовалъ длинныя путешествія въ экипажахъ и пѣшкомъ въ горы, придумывалъ зажигать сухую траву на вершинахъ, и постоянно его бѣлая панама озабоченно рыскала въ толпѣ, по набережной, въ поискахъ новаго, интереснаго „номера“, какъ онъ выражался. Но все это быстро надоѣло. Скоро даже самыя слова „лодка“ и „горы“ наводили лѣнливую скуку. Тогда веселый докторъ рѣшилъ, что пора разнообразить общество, и вспомнилъ о Перовскомъ. Ему показалось, что это будетъ очень интересно, а въ его веселую, легкомысленную голову какъ-то не пришла мысль, что это немножко жестоко: показывать для увеселенія скучающихъ пріятелей человѣка, который только тѣмъ и любопытенъ, что въ жизни его была тяжелая и печальная драма.

Не пришло, впрочемъ, это въ голову и писателю. Когда докторъ повѣдалъ ему о своемъ намѣреніи вытащить Перовскаго, онъ оживленно посмотрѣлъ сквозь вѣчные клубы дыма и сказалъ одобрительно добродушнымъ басомъ:

— Что жъ, это любопытно... Непремѣнно приведите его.

И черезъ нѣсколько дней веселый докторъ привелъ на поплавокъ какого-то высокаго борода-таго человѣка въ большихъ сапогахъ и синей рубахѣ.

— Позвольте васъ познакомиться... Мой хорошій пріятель, Дмитрій Аркадьевичъ Перовскій, — сказалъ онъ торжественнымъ тономъ шарлатана, показывающаго какую-то достопримѣчательность.

Писатель поздоровался съ Перовскимъ, какъ старый знакомый, радушно, по-пріятельски. Жена доктора мило улыбнулась, и въ ея преувеличенной

ласковости было замѣтно желаніе приласкать несчастнаго человѣка. А въ темныхъ глазахъ дѣвушки появилось то испуганное выраженіе, которое бываетъ у очень добрыхъ и молодыхъ людей, когда имъ показываютъ человѣка, которому уже недолго осталось жить.

Должно быть, Перовскій почувствовалъ, что на него смотрять какъ-то особенно. По его красивому бородатому лицу съ немного сумрачными глазами и рѣзкими морщинами въ уголкахъ рта мелькнуло безпокойное выраженіе. Онъ сѣлъ и сейчасъ же схватился за предложенный стаканъ чаю и, опустивъ глаза, принялся перебирать пальцами по краямъ блюдечка.

— Давнехонько мы съ вами не видались, — сказалъ писатель.

Перовскій поднялъ глаза и сейчасъ же опустилъ ихъ.

— Да, давно...—неловко отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ поживаетъ Лидія Павловна? — спясть спросилъ писатель и по своей привычкѣ прищурился отъ дыма.

Но тоненькой дѣвушкѣ, испуганно слѣдившей за всѣми, показалось, что онъ и прищурился, и спросилъ нарочно. Ей стало стыдно за него. Жаль Перовскаго и страшно, чтобы онъ не высказалъ передъ этими грубыми, нетактичными людьми своего страданія.

Но Перовскій, не подымая глазъ, отвѣтилъ спокойно и просто:

— Все болѣетъ послѣднее время... Меня это страшно безпокоить... Должно быть, у насъ на хуторѣ сыро все-таки...

И дѣвушка расцвѣла: она обрадовалась, что онъ отвѣтилъ такъ тепло о женщинѣ, которая вѣдь разбила ему жизнь. И чувство жалости и удивленія передъ его, какъ ей казалось, великимъ

и скромнымъ подвигомъ задрожало въ наивномъ чистомъ сердцѣ.

Сначала разговоръ не клеился. Перовскій былъ сдержанъ и даже дикъ, смотрѣлъ внизъ и нервно перебиралъ пальцами все, что попадалось подъ руку. Всѣ старались быть съ нимъ особенно ласковыми и внимательными, и это создавало ту непріятную принужденность, какая бываетъ у постели трудно-больного.

Но потомъ писатель заговорилъ о послѣднихъ литературныхъ новинкахъ, о послѣднемъ романѣ знаменитаго индивидуалиста. Онъ хвалилъ романъ и даже восхищался имъ, какъ проповѣдью силы и свободы.

— Пора, въ самомъ дѣлѣ, громко сказать, что человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета, — крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, съ удовольствіемъ замѣчая, что его слушаютъ три хорошенькія барышни за сосѣднимъ столомъ.

— Счастье не только въ побѣдѣ надъ другими, счастье есть и въ самопожертвованіи, — негромко возразилъ Перовскій.

Писатель заспорилъ, сталъ горячиться и кричать. Дѣвушка въ синей юбкѣ опять испуганно поглядѣла на Перовскаго. Ей показалось, что писатель нарочно поднялъ этотъ вопросъ и спорить не съ Перовскимъ, а со всей жизнью самого Перовскаго.

„Зачѣмъ они всѣ его мучаютъ?“ подумала она и чуть не заплакала отъ жалости и негодованія.

Но Перовскій опять какъ-будто бы ничего не замѣтилъ. Онъ спорилъ только по существу, и мало-по-малу разговоръ принялъ интересный, безобидный характеръ. Всѣ оживились, и Перовскій тоже. Давно неслышанныя слова пробудили въ немъ заглохшую искру живой, чуткой, мыслящей души. Глаза заблестѣли, складка у рта стала мягче.

Видно было, что въ уединеніи своего хутора, далеко отъ жизни съ ея мучительными вопросами, громомъ и сутолокой, онъ много думалъ и выработалъ себѣ какое-то свое, углубленное и напряженное міросозерцаніе. Слова его были немного дики, иногда даже наивны, но острая серьезная мысль свѣтилась въ нихъ и придавала имъ особую силу.

Вообще видно было, что онъ понемногу оттаиваетъ и осваивается съ людьми. Писатель говорилъ много, жена доктора была ласкова и красива, докторъ—веселъ и равнодушенъ, больной студентъ—интересенъ своей злостью, а тихая, молчаливая дѣвушка — такъ внимательна и серьезна, что въ этой легкой, теплой атмосферѣ замкнутая, одинокая душа конченнаго человѣка стала оживать и распускаться. И когда послѣ чая поѣхали кататься на лодкѣ по серебряной зыби луннаго свѣта, широкой полосой легшаго на море, Перовскій уже чувствовалъ себя среди своихъ, и та постоянная, неотвязная тоска, которая ходила за нимъ уже столько лѣтъ, незамѣтно, какъ червь точить дерево, подтачивающая его душу, куда-то отошла. Давно уже ему не было такъ легко и весело.

Черная вода крутилась у лодки и казалась страшной бездонной пропастью, лунный столбъ игралъ и вспыхивалъ милліонами голубыхъ огоньковъ, точно плясали надъ водой мириады крошечныхъ свѣтлыхъ эльфовъ. При лунномъ свѣтѣ жена доктора и дѣвушка въ бѣлой рубашечкѣ казались необыкновенно красивыми, легкими, какъ лунныя дѣвы. Мимо проѣхала большая темная лодка съ равномернo гребущими, точно кланяющимися по командѣ рыбаками и когда въѣхала въ лунный столбъ, стала совсѣмъ черная, загадочная и странная.

Веселый докторъ сталъ просить Перовскаго спѣть.

И опять дѣвушка испугалась за него; она подумала, что пѣніе въ душѣ Перовскаго должно быть самымъ больнымъ мѣстомъ. Вѣдь, это было лучшее, отъ чего онъ отказался. Но Перовскій охотно согласился и запѣлъ.

Въ голосѣ его уже не было свѣжести, и манера огрубѣла. Должно быть, онъ многое позабылъ, но ночь была такая красивая, такъ хотѣлось музыки и грусти, что, когда сильный мужской голосъ, среди неугомоннаго, звенящаго плеска волнъ, высоко и свободно поднялся надъ моремъ, всѣмъ показалось, что лучше ничего они никогда не слышали.

— Замѣчательно хорошо, — тихо шептала жена доктора, и глаза ея странно блестя при лунѣ.

— Да... — соглашался докторъ и просилъ пѣть еще.

Лодка уплывала все дальше и дальше отъ берега, и уже кругомъ было одно вѣчно движущееся море, лунный свѣтъ и безкрайная даль. Скалы на берегу стали легки и воздушны, и, какъ игрушечныя, чернѣли на нихъ старыя генуэзскія башни, окованныя холоднымъ свѣтомъ.

А Перовскій все пѣлъ и пѣлъ. Жена доктора совсѣмъ размякла, и ея красивое лицо поблѣднѣло отъ волненія. Большой студентъ притихъ, ему что-то взгрустнулось, но было хорошо. А тоненькая дѣвушка сидѣла на руль и не двигалась. Она смотрѣла на свѣтлую луну влажными, глубокими глазами и думала, что это прекрасно, что не можетъ такой богатый, чарующій даръ пропасть безслѣдно и скучно. И тайная мысль о томъ, что-быть можетъ, она могла бы спасти этого человѣка, волновала ее, какъ предчувствіе первой весенней любви.

— Вотъ это вы здорово, — съ чувствомъ сказалъ писатель послѣ одного красиваго и трагическаго романса. — Я слышалъ, какъ пѣлъ эту вещь Артонинъ, но мнѣ не понравилось... У васъ больше силы, больше трагизма... Очень, о-очень хорошо...

— Артонинъ? — вдругъ переспросилъ Перовскій, и въ голосъ его что-то вздрогнуло. — Нѣтъ, что же... я давно бросилъ... отсталъ... — вдругъ выговорилъ онъ упавшимъ тономъ, и прежняя безпкойная нотка прозвучала въ его словахъ. Онъ замолкъ, сѣлъ и сталъ смотрѣть на воду, темными кругами выплывавшую изъ-подъ лодки.

И въ эту минуту дѣвушка, сидѣвшая на рулѣ, тоненькая, освѣщенная луной, вдругъ несмѣло, но торопливо стала рассказывать, какъ вчера она ходила на этюды на песчаный берегъ, и какъ тамъ было свѣтло, хорошо, какъ радостно свѣтилось солнце и ласково плескалось море. Въ ея робкихъ словахъ было такъ много дѣтской нѣжности и робости, что казалось, будто тамъ, гдѣ она была, и море, и солнце, и горы были какія-то особенныя: маленькія, нѣжныя, добрыя, совсѣмъ не такія громадныя и грозно красивыя, какъ въ дѣйствительности.

Она рассказывала, торопясь и путаясь, и всѣ слушали ее съ недоумѣніемъ. Только Перовскій сердцемъ понялъ, что ей просто жалко его и что съ трогательной наивностью она хочетъ отвлечь его мысли къ чему-нибудь свѣтлому и легкому. Онъ посмотрѣлъ на ея хорошенькое, освѣщенное луной личико, на которомъ испуганно и просительно блестѣли темные глаза, и подумалъ съ благодарной нѣжностью:

„Милая дѣвочка“.

И ему опять стало легко. Чтобы успокоить дѣвушку, онъ самъ сталъ рассказывать о своихъ

скитаніяхъ по горамъ съ ружьемъ и собакой. Разсказаль, какая это милая собака, бѣлая, какъ снѣгъ, Леда. Потомъ опять пѣль, и, довольные, оживленные, съ душами, точно омытыми ночной свѣжестью моря, они вернулись въ бухту.

Жена доктора устала отъ впечатлѣній. Только ставъ на землю, она почувствовала, что ее все-таки укачало. Поэтому поужинали на поплавкѣ безъ нея и скоро разошлись. Разговаривали вяло. Казалось, что все хорошее, что можно было сдѣлать, сдѣлано, и не хотѣлось портить настроенія.

Докторъ увелъ жену спать, писатель остался выпить пива, больной студентъ пожаловался на сырость и ушель, покашливая. Перовскому пришлось проводить дѣвушку.

Надо было обойти кругомъ всю бухту, уже замолкшую и темную, какъ мертвое озеро. Тѣнь горы падала на городокъ, но противоположный берегъ былъ весь бѣлый отъ луны. И когда, повернувъ по берегу, Перовскій и дѣвушка вышли на ту сторону, они сразу окунулись въ холодное море свѣта, въ которомъ и одинокія бѣлыя дачи, и темные кипарисы, и горы, и они сами казались легкими, прозрачными.

И почему-то захотѣлось говорить, и слова выходили удивительно красивыми, интересными, полными значенія большаго, чѣмъ было въ нихъ днемъ. Дѣвушка начала рассказывать, что она учится въ школѣ живописи, любитъ свое искусство больше всего на свѣтѣ и мечтаетъ быть художницей. Она говорила, волнуясь и даже дрожа отъ возбужденія, какъ-будто уговаривала его понять всю прелесть искусства, всю его загадочную, полную свѣта и красокъ жизнь. Перовскій слушалъ и умилялся, что въ такомъ тоненькомъ, слабомъ тѣлѣ можетъ жить столько восторга и красоты.

„Милая дѣвушка“, думаль онъ.

И самъ удивлялся той легкости и волненію, которыя возбуждали въ его затихшей душѣ лунная ночь, шопотъ и звонъ бухты и близость молодой хорошенькой дѣвушки. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ и весело вкладывалъ въ каждое слово самое лучшее и интересное, что было въ немъ.

Уже возлѣ самой дачи, гдѣ жила дѣвушка, она спросила его, уже не боясь, что испугаетъ и обидитъ:

— Неужели вамъ не тяжело навсегда отказаться отъ искусства?

— Почему отказаться? Пѣть я и теперь пою... Почему надо непременно пѣть на сценѣ, за деньги... Это предразсудокъ, — сказалъ Перовскій. И ему въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту казалось, что это правда. Вѣдь и здѣсь онъ можетъ пѣть вотъ такой милой дѣвушкѣ, чувство которой ужъ во всякомъ случаѣ дороже тѣхъ сотенъ пошлыхъ людей, которые будутъ сидѣть передъ нимъ въ театрѣ. Богъ съ ними, съ этой сценой, съ малеванными декораціями, съ міромъ интригъ, аплодисментовъ и рублей. Не въ этомъ счастье.

— Но почему же? — робко спросила дѣвушка, когда Перовскій сказалъ, что онъ давно оставилъ мысль о карьерѣ пѣвца. — Вѣдь это такъ прекрасно... Боже мой, какъ хорошо!

— Это старая исторія... Не стоитъ говорить объ этомъ... Что кому дано... — махнулъ рукой Перовскій.

Дѣвушка молчала и глядѣла на него темными молящими глазами. Должно быть, въ эту минуту они уже прощались, потому что она держала его за руку тоненькими, слабыми пальцами и смотрѣла прямо въ лицо.

— Ну, до свиданія, — сказалъ Перовскій. — А вѣдь я до сихъ поръ не знаю, какъ васъ зовутъ, — неожиданно вспомнилъ онъ.

— Лидочка, — машинально отвѣтила дѣвушка.

— Лидочка, — повторилъ онъ и засмѣялся.

И когда шелъ одинъ домой на хуторъ, по озаренному луной шоссе, все думалъ о ней. Какъ-будто что-то радостное случилось съ нимъ. Было легко и пріятно шагать по твердому шоссе, слушать дальній скрипъ запоздалой мажары, дышать всей грудью. Уснувшія лунныя плоскогорья были воздушны и красивы. Небо тихо шевелило яркими звѣздами и, окованныя синимъ серебромъ, далеко круглились въ темномъ небѣ таинственныя, вѣчныя горы.

Глубокой ночью, когда въ долинахъ залегла тьма и только на горахъ еще лежалъ холодный синій свѣтъ, Перовскій, наконецъ, добрался до хутора.

III.

Какъ быстро развиваются и умираютъ событія жизни. И каждый проходящій день, вчера только бывшее счастье, сегодня кажется уже далекимъ и смутнымъ сномъ.

Никогда потомъ Перовскій не могъ вспомнить, какъ началось и прошло то, что навсегда осталось въ его душѣ.

И когда онъ старался припомнить, ему представлялись только отдѣльныя картины, полныя свѣта и яркихъ красокъ.

Онъ помнилъ только, что ему стало скучно на хуторѣ. Какъ бываетъ послѣ большого и шумнаго праздника, казалось, что совершенно нечего дѣлать. Онъ долго и много ходилъ по горамъ, но горы были тѣ же, что и вчера; такъ же красивы были ихъ голубыя высоты, такъ же море синѣло вдаль, и было все пусто и однообразно. И прежде были приступы такой раздражающей, нудной ску-

ки, но то была тупая боль, которая утихала и смирялась, когда солнце грѣло, когда расцвѣтали розы по краю обрыва, когда надъ оврагами, вольны и царственны, кружили сѣдые орлы, и природа съ каждымъ днемъ открывала новыя тайны своей красоты. Въ этой близости къ землѣ, лѣсу и горамъ таяло и растворялось, какъ ничтожное въ громадномъ, всякое иное чувство, кромѣ тихаго и удивленнаго восторга. Но на этотъ разъ тоска не отступала. И закатъ съ его кровавыми красками казался мрачнымъ, и горы — безжизненными громадами, и море — пустыней, и дальнія плоскогорья съ ихъ вѣчными морщинами овраговъ — какой-то навѣки застывшей, унылой тоской.

Сначала онъ даже не понималъ, что это значить, и когда Лидія Павловна тревожными глазами спрашивала его, Перовскій отвѣчалъ:

— Нездоровится мнѣ что-то...

Но однажды, поѣхавъ по дѣламъ въ приморскій городъ, онъ встрѣтилъ тамъ больного студента. Они вмѣстѣ пообѣдали въ бульварномъ ресторанѣ, среди нарядной толпы щеголеватыхъ офицеровъ и шикарныхъ дамъ въ трехаршинныхъ шляпахъ. Студентъ, какъ всегда, покашливалъ, злился и ворчалъ на лакеевъ, которые медленно подавали. Перовскому грустно было смотрѣть на него, и тайная мысль говорила:

„Вотъ, умираетъ человѣкъ, а сердится, что ему долго не подають жареной камбалы по-гречески.. Стоитъ ли вообще волноваться, мучиться и думать, если смерть у всякаго за плечами“.

Смутное чувство напоминало ему, что и самъ онъ страдалъ во имя чего-то, что также ничтожно передъ лицомъ смерти. Но мысль эта тогда не оформилась и скользнула, не задѣвъ души.

Но все-таки студентъ показался ему роднымъ и, несмотря на его необщительность и озлоблен-

ность. Перовскій разстался съ нимъ, какъ съ лучшимъ пріятелемъ. И когда студентъ уѣхалъ, понялъ, что его тянетъ туда, въ маленькій свѣтлый городокъ, къ голубой бухтѣ, къ веселымъ, живымъ, полнымъ интереса къ жизни людямъ. Перовскій даже испугался. Ему представилось, что это опять начинается то невыносимое томленіе, которое пережилъ онъ въ первый годъ своего добровольнаго одиночества. Тогда было такъ мучительно, что самая мысль о возможности тѣхъ настроеній навела на него ужасъ.

Но когда, не вытерпѣвъ, онъ пѣшкомъ шель на курортъ, и маленькій хуторокъ, молчаливый пчельникъ и унылая женщина съ сѣдыми волосами остались гдѣ-то за зеленымъ гребнемъ горы, Перовскимъ овладѣло чувство радостнаго, мальчишескаго нетерпѣнія. Все скорѣе и скорѣе шель онъ, самъ удивлялся своему оживленію и думалъ:

„Должно быть, я очень наскучался, что меня такъ тянетъ къ такимъ, въ сущности, простымъ, обыкновеннымъ людямъ“.

Мысли о дѣвушкѣ въ синей юбкѣ и бѣлой рубашкѣ не было. Онъ вспоминалъ о ней смутно, не отдѣляя ее отъ ея спутниковъ, лунной ночи, темной бухты и серебряной ряби на морѣ.

И только, когда увидѣлъ ее, когда имъ пришлось остаться вдвоемъ и ихъ обоихъ, какъ близкихъ, вмѣстѣ обняло горячее солнце, онъ почувствовалъ, какъ умираетъ и таетъ въ души что-то старое, надоѣвшее, унылое и какъ начинается что-то яркое, свѣжее, новое. И это новое, это свѣтлое счастье, вся радость и красота солнца на небѣ, въ ней, этой тоненькой дѣвочкѣ, подъ бѣлой кофточкой которой нѣжно золотится молодое женское тѣло.

Веселый докторъ легко уговорилъ его остаться дня на три, и отъ этихъ трехъ дней осталось

у него впечатлѣніе свѣта, смѣха, моря, солнца и грѣющей близости первой женской молодости.

Лидочка, какъ она назвала себя въ первый вечеръ и какъ, смѣясь, продолжалъ ее звать Перовскій, привыкла къ нему, не стѣснялась его, и въ долгихъ разговорахъ на обрывѣ въ лунную ночь, въ манящей близости развернулась передъ нимъ, какъ цвѣтокъ передъ солнцемъ, вся тихая прелесть только начинающей жить и чувствовать женщины.

Это былъ цѣлый мірокъ, въ которомъ было столько чистыхъ и глубокихъ переживаній, такъ чутко отражалась всякая красота, и такъ было много страданія отъ того, мимо чего пожившіе люди проходятъ съ миной привычнаго сожалѣнія, что нельзя было не любить ея.

И уже въ ея темныхъ глазахъ, когда она стыдливо подымала ихъ на его помолодѣвшее, оживленное лицо, иногда мелькала та робкая и таинственная печаль, которая говоритъ о томъ, какъ тонко и красиво переламывается беззаботная, наивная дѣвушка въ полную жизни и желанія женщину.

Особенно ярко остался въ памяти послѣдній день.

Они вмѣстѣ стояли на камнѣ, и бѣлая пѣна бурно лизала его подъ ногами. Лидочка кончиками пальцевъ придерживала отъ вѣтра свою свѣтлую соломенную шляпу, и Перовскому въ широкомъ рукавѣ видна была вся ея тонкая и слабая рука съ розоватымъ круглымъ локоткомъ. Въ первый разъ обаяніе чистой дѣвственной женской наготы взволновало его. Ему захотѣлось замолчать, не говорить ни о будущемъ, ни о настоящемъ, ни о прошедшемъ, а просто взять и тихо поцѣловать эту слабую руку. Все сердце его задрожало въ бурной и тревожной дрожи. Одну ми-

нугу онъ думаль, что не справится съ собой. И, должно быть, она почувствовала это. Повернулась къ нему покраснѣвшимъ лицомъ съ затуманившимися глазами, посмотрѣла и вдругъ вся затрепетала, какъ чайка подъ вѣтромъ.

И мелькнула въ ея глазахъ мольба, точно она просила пощады.

А синее море взволновалось и все было въ буйномъ, требовательномъ движеніи.

Въ ту же ночь, самъ не зная зачѣмъ, онъ пошелъ одинъ къ той дачѣ, гдѣ она жила. Всего только полчаса, какъ онъ самъ проводилъ ее, а между тѣмъ Перовскій чувствовалъ, что не можетъ уснуть, не можетъ не пойти. Что-то сильнѣе его звало и толкало.

Опять бѣлая луна стояла надъ черной горой. На томъ берегу постепенно затихаль сонный городокъ, и одинъ за другимъ гасли желтые огоньки. Перовскій шелъ, какъ во снѣ. Что-то огромное наполняло его сильное, мужественное тѣло. И ему казалось, что ничего не было, что долгіе годы сонной жизни—только сонъ, а онъ—молодой, свободный, какъ когда-то.

Почему-то ему казалось, что онъ непременно увидить Лидочку. И нисколько не удивился, когда увидѣлъ ее.

Властный, таинственный голосъ любви,—вѣчная тайна жизни.

Дѣвушка въ бѣлой рубашкѣ, вся окованная холоднымъ серебромъ, сидѣла на открытомъ черномъ окнѣ и, казалось, ждала. Таинственное бѣлое лицо луны прямо смотрѣло на нее, и тянулись надъ бухтой голубыя волны, точно кто-то властный и свѣтлый колдовалъ въ эту ночь.

— Лидочка, — тихо позвалъ Перовскій, чувствуя, какъ дрожить его сердце, и земля тихо уплываетъ изъ-подъ ногъ.

— Лидочка, — повторилъ онъ громче.

Она вдругъ выпрямилась, взглянула внизъ, и странно, какъ-будто собираясь летѣть, протянулись ея тонкія руки въ бѣлыхъ широкихъ рукавахъ. Что-то тайное и жуткое было въ ней въ эту минуту, но она вдругъ отшатнулась отъ окна и исчезла въ темнотѣ.

Потомъ долго было тихо, и только слышалось, какъ бухта звенить, и казалось, что лунные лучи не безмолвны, что они съ тихимъ шопотомъ ткутъ какую-то голубую сказочную сѣть. Потомъ скрипнула калитка, и бѣлое платье мелькнуло при лунѣ.

Лидочка подошла къ нему и стала, опустивъ руки. Она ничего не спросила, ничего не сказала. Темные глаза смотрѣли мимо него на свѣтлую луну, какъ-будто ее тянуль этотъ настойчивый, колдующій свѣтъ. И вся поза ея, съ опущенными руками, приподнятой головой и влажными, блестящими глазами была безсильна, какъ-будто она отказывалась отъ борьбы и вся отдавалась этой ночи, его волѣ, своему счастью и своей судьбѣ.

IV.

Поздно ночью Перовскій шелъ назадъ по набережной. На опустѣломъ поплавкѣ сонные, сердитые лакеи убирали скатерти и грудами сносили тарелки. Только за однимъ столомъ сидѣлъ большой, дымящій, какъ паровозъ, писатель, уныло курилъ и молчалъ. Должно быть, лунная ночь томила его. Онъ былъ задумчивъ, пилъ пиво и сосредоточенно дымилъ трубкой одинъ на всемъ поплавкѣ.

И чувствуя потребность все обнять своимъ счастьемъ, которое наполняло его грудь до боли, Перовскій окликнулъ писателя.

— А, это вы? — спросил тотъ, очнувшись. — Проводили?

— Да... проводилъ... Боже мой, какая ночь! — отвѣтилъ Перовскій, не замѣчая даже, что говорить. Онъ сталъ противъ писателя и смотрѣлъ на него открытыми блестящими глазами.

Писатель былъ не въ духѣ. Онъ отпилъ пива, набилъ трубку и, поднявъ глаза, подумалъ. Должно быть, онъ смутно догадывался, отчего такъ блестятъ глаза и такъ страненъ весь Перовскій, точно другой человѣкъ, — молодой, сильный и свободный.

И, помолчавъ, писатель машинально спросилъ:

— А какъ теперь здоровье Лидіи Павловны?

V.

Луна зашла, и ближе подвинулись темные призраки горъ. Тьма хищно выползала изъ ущелій и легла на грудь земли.

Маленькій хуторокъ потерялся и растаялъ въ ней. Только одинъ огонекъ свѣтился въ темныхъ деревьяхъ и говорилъ о какой-то доживающей, никому ненужной одинокой жизни.

Свѣтлое пятнышко замерещилось во тьмѣ. Это была собака. Бѣлая Леда бѣжала навстрѣчу Перовскому черезъ виноградникъ, и еще издали было слышно ея радостное повизгиваніе. Она стала прыгать на грудь, стараясь лизнуть въ лицо.

— Милая, — сказалъ Перовскій и чуть не заплакалъ отъ умиленія и жалости. — Не спала, ждала меня.

Собака терлась объ его ноги, била хвостомъ, припадала къ землѣ и вскакивала. И эта безсловесная любовь, такая нетребовательная къ внима-

нію, такъ мало умѣвшая выразить свое непонятное, но громадное чувство, больно тронула сердце. Первый разъ Перовскій понялъ въ эту ночь, какъ ужасно такъ любить и такъ мало значить для того, кого любишь.

Тишина полного одиночества охватила его, когда Перовскій вошелъ въ домъ. Темнота и уныніе ходили по пустымъ комнатамъ. Только въ столовой горѣла почти выгорѣвшая лампа, и съ книгой сидѣла Лидія Павловна.

Она увидѣла его съ собакой, подняла робкіе и радостные, что-то чувствующие глаза и сказала тихо, какъ-будто боясь напомнить ему то, на что не имѣла права.

— А мы съ Ледой ждали тебя...

И мгновенно представилось Перовскому, какъ вечеръ за вечеромъ сидѣли здѣсь, при одинокой лампѣ, старѣющая женщина и бѣлая собака, чутко прислушиваясь къ каждому звуку, который рождала темная горная ночь. И въ то время, когда, свободный и веселый онъ радовался своему новому счастью, жилъ полной жизнью и говорилъ себѣ о своемъ правѣ покинуть ихъ, надоѣвшихъ и мѣшавшихъ, онѣ сидѣли и каждая по-своему думали только о немъ. Представляли себѣ его лицо, радовались, что ему весело, мечтали, что когда-нибудь пройдутъ эти одинокіе дни, и онъ опять придетъ. Какъ будто у нихъ не было собственной жизни, и жили они только для того, чтобы любить его.

Уже передъ разсвѣтомъ, блѣдный, растрепанный, съ синими кругами подъ глазами, похожій на человѣка, пережившаго ночь передъ казнью, Перовскій вышелъ во дворъ и, глядя на посѣрѣвшія плоскогорья, унылая, однообразная, какъ бы никогда не знавшія солнца, отчаянно схватился за голову.

„Какъ я могъ забыть, — думалъ онъ со смертельной тоской и ужасомъ. — Я буду счастливъ, уѣду далеко-далеко, а она останется здѣсь одна, совсѣмъ одна... И будетъ думать обо мнѣ, вспоминать всякую мелочь... беречь мои ноты, мои ружья, кормить такую же старую бѣлую Леду... Длинными зимними вечерами будетъ одна у лампы, старая, слабая... А я даже не буду вспоминать ея...“

И съ отчаяніемъ онъ почувствовалъ, что нѣтъ... что ему не вывернуться изъ-подъ власти силы, давящей его. И какъ бы онъ ни былъ счастливъ, какіе бы успѣхи ни ожидали его, призракъ маленькой, сѣдой, одиноко сидящей у лампы женщины, никогда не уйдетъ отъ него.

VI.

Осень была уже во всемъ. И въ прозрачномъ воздухѣ, и въ слишкомъ яркихъ, кристально-чистыхъ краскахъ заката, и въ томъ неуловимомъ ароматѣ увядающихъ деревьевъ, который напоминаетъ о тихихъ кладбищахъ, о томъ, что все проходитъ.

Солнце сѣло, и внизу, въ долинѣ, легли туманы. Только на вершинахъ горъ еще ярко золотились освѣщенные осенніе лѣса, и казалось, будто горы облиты расплавленнымъ золотомъ.

Экипажъ плавно катился по ровному бѣлому шоссе.

Большой писатель вынулъ изо рта свою вѣчную трубку, страшно надоѣвшую всѣмъ спутникамъ, и сказалъ мечтательно:

— Ужасно странно думать, что тамъ, наверху, теперь солнечный, тихій вечеръ... Деревья стоятъ всѣ въ золотѣ и не шелохнутся. Тянется зо-

лотая паутина... Полная тишина. И никого тамъ нѣтъ, никто не смотритъ, никто не восторгается... Тысячу лѣтъ стоять тамъ деревья и гаснуть ясные вечера, а никого нѣтъ... Развѣ лисица потянетъ куда-то за своимъ дѣломъ, или орелъ заворочится на вершинѣ...

Писателю должно было хотѣлось выразить, какъ грустно думать, что люди вовсе не нужны этой прекрасной, вѣчной природѣ, живущей и безъ нихъ своей полной, красивой жизнью. Но мысль эта какъ-то не вытанцовывалась у него. И никто его не понялъ. Веселый докторъ, еще больше пополнѣвшій за эти два года, сказалъ:

— Да... дѣйствительно, красиво... Ты не жалѣешь. Ната, что поѣхала?

И жена доктора, тоже пополнѣвшая, похорошѣвшая и успокоенная, ласково улыбнулась ему.

— Конечно, нѣтъ... Я боюсь только, что назадъ будетъ холодно ѣхать ночью... Надо было раньше выѣзжать. Я говорила..

Вечеръ все выше и выше поднимался со дна долины. Уже только одна вершинка горѣла краснымъ и желтымъ пламенемъ заходящаго солнца. Но и она скоро потухла, и синія сумерки неслышно всползли на горы. Въ дальнихъ туманахъ утонули засыпающія плоскогорья. Угромо, какъ тысячелѣтнія морщины, сдвинулись овраги, и туманъ клубами выползъ изъ нихъ. Точно холодные духи вечера вышли водить хоробы на ровныхъ вершинахъ.

Проѣхали татарскую деревню, гдѣ неистово лаяли собаки, и бѣжали за экипажемъ чумазые ребяташки, похожіе на глухихъ чертенятъ. Потомъ опять выѣхали на лѣсную дорогу, и тогда, когда уже всѣмъ стало казаться, что лучше было бы не ѣздить, показался маленькій хуторокъ, прилѣпившійся на скатѣ обрыва, какъ гнѣздо. Залаяла со-

бака, и издали было видно, какъ бѣжала она навстрѣчу черезъ голый, поломанный виноградникъ, мелькая бѣлымъ комочкомъ.

— Леда! Леда! — закричалъ докторъ. — Не узнала? Иси!

Собака подбѣжала ближе, недовѣрчиво помахала хвостомъ и твякнула раза два, но уже просительно, точно извиняясь, что не можетъ припомнить знакомыхъ.

Пока вылѣзали изъ экипажа и разминали затекшія ноги, было весело. Всѣ были довольны, что, наконецъ, пріѣхали. Докторъ подшучивалъ надъ молодымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ.

— Не по своей дорогѣ пошли, Николай Павловичъ: вамъ бы выѣзднымъ быть, а вы въ пѣвцы...

Писатель грохоталъ громовымъ басомъ. Но молодой человѣкъ, длинный и худой, не отрываясь, все еще глядѣлъ на плоскогорья, точно старался понять тайну ихъ унылой и однообразной красоты.

Отъ домика шла къ нимъ маленькая, согнутая женщина, съ бѣлыми волосами и въ грязненькомъ капотцѣ. Она, видимо, тоже не узнавала гостей и наудачу улыбалась смущенно привѣтливой улыбкой.

— Здравствуйте, Лидія Павловна, — закричалъ веселый докторъ. — А мы къ вамъ въ гости.

— Ахъ, это вы, докторъ. А я было и не узнала... давно не видались... Вотъ будетъ радъ Дмитрій Аркадьевичъ...

— А онъ дома?

— Онъ тутъ недалеко, сейчасъ придетъ. Тамъ у насъ овцы пчельникъ поломали, такъ онъ все тамъ возится... Онъ сейчасъ... Пожалуйте, пожалуйста... — говорила Лидія Павловна, и съ ея лица все не сходила робкая, заискивающая улыбка.

Въ маленькихъ комнатахъ дачи было неуютно и темно. И почему-то всё почувствовали себя неловко, словно силой ворвались, незванные, непрошенные. Жена доктора съѣла на окно и задумалась, писатель принялся набивать свою трубку. Молодой человекъ, длинный, какъ жердь, ходилъ по комнатамъ и въ сумракъ старался разсмотрѣть картинки и фотографіи на стѣнахъ. Только веселый докторъ не унывалъ. Онъ вызвался пойти за Перовскимъ. Молодой человекъ немедленно увязался за нимъ.

Они прошли унылый виноградникъ, осмотрѣли пчельникъ, дошли до проволочной изгороди, за которой уже скатывался внизъ зеленый косогоръ, но никого не было видно. Лѣса, темные и мрачные, одни стояли надъ долиной.

— Унылое мѣсто, — сказалъ долговязый молодой человекъ, — какъ они могутъ тутъ жить.

— Такъ и живутъ, — неопредѣленно отвѣтилъ докторъ и закричалъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Дмитрій Аркадьевичъ! Гопъ, гопъ!

Никто не отозвался. Горы молча и угрюмо смотрѣли сверху. Тишина ползла изъ оврага. Стало жутко, какъ-будто они на огромномъ кладбищѣ звали человека, который давно умеръ.

— Дмитрій Аркадьевичъ! — опять закричалъ докторъ.

— Ау! — неожиданно отозвался чей-то голосъ, и надъ краемъ оврага, точно изъ-подъ земли, показался Перовскій, въ большихъ сапогахъ и въ старомъ рыжемъ пиджакѣ, наброшенномъ на плечи.

Онъ подошелъ быстро, видимо, взволнованный неожиданнымъ появленіемъ людей. И пока подходилъ, докторъ и долговязый молодой человекъ, которому дорогой рассказали исторію Перовскаго, разсматривали его, какъ свободные люди разсматриваютъ вѣчнаго каторжника. Съ любопытствомъ и состраданіемъ.

За эти два года онъ очень постарѣлъ и опустился. Въ большой бородѣ и попрежнему буйнокудлатыхъ волосахъ показалась сѣдина. Лицо еще рѣзче прошли морщины. Только глаза смотрѣли, какъ раньше, остро и немного дико.

Трудно было понять, обрадовался ли Перовскій гостямъ, но встрѣтилъ онъ ихъ радушно и равнодушно. Только, когда веселый докторъ, знакомя съ нимъ долговязаго молодого человѣка, сказалъ:

— Это вашъ коллега, пѣвецъ!..

Въ глазахъ Перовскаго мелькнула искорка. Онъ ласково заговорилъ съ новымъ знакомымъ, сталъ спрашивать, гдѣ онъ учился, и такъ какъ оказалось, что они занимались у одного и того же стараго профессора, то разговоръ ихъ сталъ оживленнымъ, полнымъ воспоминаній и именъ.

На дачѣ зажгли лампы, на столѣ заблестѣлъ кипящій самоваръ, стало уютнѣе. Даже показалось, что здѣсь должно быть очень весело и приятно жить.

Во время чая разговоръ все вертѣлся вокругъ музыки, живописи, литературы. И писателя поразило, что Перовскій ничуть не отсталъ. Зналъ все новое, всѣмъ интересовался, во взглядахъ былъ такъ же искрененъ и широкъ.

„Удивительный человѣкъ, — съ грустью подумалъ писатель. — Другой на его мѣстѣ деревомъ сталъ бы... а онъ — на... Видно, правда, что духъ человѣческій развивается совершенно свободно, несмотря ни на какія обстоятельства...“

И въ головѣ писателя родился планъ разсказа на эту тему.

Послѣ чая веселый докторъ сталъ упрашивать Перовскаго пѣть. Почему-то всѣмъ казалось, что Перовскій долженъ отказаться, что просьба эта будетъ ему неприятна, какъ напоминаніе. Но Пе-

ровскій согласился очень охотно, даже съ видомъ польщеннымъ. Это была новая черточка въ немъ, которую съ неприятнымъ чувствомъ сейчасъ же подмѣтилъ писатель.

Лидія Павловна сѣла за старенькое, полуразстроенное піанино. Гости усѣлись по стѣнамъ, и Перовскій запѣлъ.

Пѣлъ онъ какъ-будто попрежнему хорошо, только немного было странно смотрѣть на дикаго, въ большихъ сапогахъ и съ всклокоченной полусѣдой бородой человѣка, который, старательно раскрывая ротъ и дирижируя себѣ рукой, поетъ браурныя блестящія аріи, напоминавшія огромный освѣщенный театръ, декольтированныхъ дамъ, мундиры, звуки оркестра и ярусы ложъ.

И еще немножко было смѣшно, когда, послѣ каждаго номера, Лидія Павловна, потирая ручки и блестя покраснѣвшимъ отъ наслажденія лицомъ, подбѣгала то къ одному, то къ другому и спрашивала:

— Не правда ли, хорошо?... Правда?

— Да...—принужденно соглашались гости, но имъ нравилось все меньше и меньше.

Слишкомъ кричалъ Перовскій, слишкомъ старался, черезчуръ предупредительно пѣлъ все новое и новое.

Долговязый молодой человѣкъ смотрѣлъ въ стаканъ, жена доктора преувеличенно хвалила, явно, чтобы доставить удовольствіе, писатель сталъ угрюмъ, веселый докторъ скучалъ.

Но Перовскій ничего не замѣчалъ. Кончивъ одну вещь, онъ сейчасъ же искалъ новую въ кучѣ нотъ, наваленныхъ на піанино. Лидія Павловна садилась, озабоченно расправляла платье, а потомъ подбѣгала спрашивать:

— Не правда ли, хорошо?

И писателю почему-то представилось, какъ по вечерамъ, когда все замолкаетъ кругомъ, горитъ лампа, поетъ онъ и она восторгается, хвалитъ, говоритъ, что равнаго голоса нѣтъ въ мѣрѣ, а онъ вѣритъ, оживленно размахиваетъ руками и неискренно спорить:

— Ну, ты льстишь мнѣ... Хотя эта вещь, дѣйствительно, выходитъ у меня недурно, я самъ чувствую... Къ своему пѣнію я могу относиться совершенно безпристрастно.

И писателю становилось все больше и больше не по себѣ.

Жена доктора смотрѣла на Перовскаго, на его большую бороду, сѣдину въ волосахъ, старательно раскрывающійся ротъ, и уже не хвалила. Ей хотѣлось плакать. Богъ знаетъ о чемъ.

„Странно,—думалъ веселый докторъ,—прежде его можно было слушать всю ночь, а теперь... какъ-будто и довольно бы“.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и сталъ просить спѣть и долговязаго молодого человѣка.

Перовскій какъ-будто удивился этому, но сейчасъ же сдѣлалъ любезное, интересующееся лицо и присоединился къ просьбамъ доктора.

— Конечно, спойте,—говорилъ онъ, точно милостиво разрѣшалъ.

— Нѣтъ, право... я давно не пѣлъ... пусть лучше Дмитрій Аркадьевичъ споетъ... Вотъ вы знаете Ребикова: „Слишкомъ много цвѣтовъ“?..

Въ голосѣ его звучало что-то странное, точно онъ боялся чего-то.

Но веселый докторъ не отставалъ:

— Ужъ эти мнѣ артисты, вѣчно заставляютъ просить...—говорилъ онъ.

Тогда долговязый молодой человѣкъ всталъ.

— Ну, пожалуй... Только одно что-нибудь...

Онъ неловко подошелъ къ піанино, долго выбиралъ и, наконецъ, положилъ на подставку тоненькую тетрадку. Лидія Павловна сѣла и опять долго расправляла платье. Молодой пѣвецъ сталъ позади ея стула, выпрямился, сталъ какъ-будто выше на голову и загѣлъ.

Звучно и торжественно наполнилъ комнату его могучій, прекрасный голосъ, и даже легкомысленный докторъ понялъ, почему онъ такъ упорно отказывался пѣть: ему было жаль Перовскаго, этого конченнаго человѣка, который только и жилъ тѣмъ, что считалъ себя великимъ артистомъ, могущимъ и только не хотящимъ потрясти міръ.

Грубымъ и бѣднымъ казался голосъ Перовскаго въ сравненіи съ этимъ глубокимъ голосомъ, въ которомъ властно звучала та подымающая душу и сжимающая сердце красота, которая дается только великою любовью къ своему таланту, безконечнымъ трудомъ, не останавливающимся ни передъ чѣмъ, всю душу вкладывающимъ въ одно неутолимое стремленіе.

И когда онъ кончилъ, долго молчали и съ удивленіемъ, съ тайнымъ уваженіемъ смотрѣли на этого блѣднаго, долговязаго молодого человѣка, который смиренно отошелъ къ своему стакану и сѣлъ, не подымая глазъ.

Просили пѣть еще, говорили съ нимъ нѣжно, осторожно, точно боялись спугнуть что-то прекрасное, нарушить свое впечатлѣніе простыми, пошлыми словами. Но молодой человѣкъ упорно отказался и сталъ пить чай.

О Перовскомъ какъ-то всѣ забыли, и когда онъ заговорилъ, всѣхъ поразилъ его растерянный, странный видъ и тонъ. Онъ хвалилъ пѣніе, но похвалы его непріятно рѣзали слухъ.

— Очень, очень хорошо... — говорилъ онъ: — великолѣпно... Только напрасно вы даете такой

открытый звукъ въ заключительной фразѣ... Здѣсь надо было бы больше блеска, знаете... Но голосъ у васъ прекрасный.. Видно, что вы еще мало учились, конечно, но все таки... очень хорошо.

Жалкое, маленькое чувство засквозило въ этихъ раздерганныхъ, неожиданныхъ переходахъ отъ похвалъ къ замѣчаніямъ. Всѣ молчали и слушали, но никто не смотрѣлъ на него. Писатель угрюмо набивалъ трубку, жена доктора виновато улыбалась, и ей опять хотѣлось плакать. Только докторъ неожиданно разсердился и ввязался въ споръ:

— Ну, что вы говорите, Дмитрій Аркадьевичъ... По-моему, это прекрасно и больше ничего...

Глаза Перовскаго безпокойно забѣгали.

— Я ничего не говорю.. Голосъ, конечно, прекрасный.. Я только думаю, что слѣдовало дать больше блеска... Вы сами согласны со мной.

— Да... можетъ быть... — опуская глаза, сказалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Вы сами такъ думаете?.. Да? Я правъ вѣдь?..

Голосъ Перовскаго прыгалъ, глаза безпокойно бѣгали. Было и жалко, и досадно, и противно слушать его. И большой писатель, не вмѣшиваясь въ разговоръ, хмуρο подумалъ:

„Боже, Боже, какъ онъ измѣнился... А вѣдь прежде какъ онъ радовался, когда видѣлъ талантъ... какъ носился съ какимъ-нибудь открытіемъ... Гдѣ все это? Это не онъ, это дрянъ какая-то... мелкая, завистливая дрянъ... Тыфу, какая гадость!“ думалъ онъ, прислушиваясь къ неестественному голосу Перовскаго.

А Перовскій все силился что-то доказать, въ чемъ-то оправдаться: волновался и, видимо, страдалъ. Онъ самъ чувствовалъ, что имъ владѣть

простая и дрянная зависть, и боялся, чтобы его не поняли. Оттого онъ усиленно старался доказать, что говорить совершенно безпристрастно, что пѣвецъ самъ согласенъ съ нимъ, и они прекрасно понимаютъ другъ друга. Ему никто не вѣрилъ, и онъ чувствовалъ это, съ ужасомъ видѣлъ, что съ каждымъ словомъ все больше и больше выдаетъ себя, и метался изъ стороны въ сторону, какъ загнанный волкъ.

А жена доктора смотрѣла на него, и ей хотѣлось плакать.

Только маленькая Лидія Павловна ничего не замѣчала. Она потирала ручки, суетилась и старалась отвлечь вниманіе отъ пѣвца на то, что ей казалось несравненно интереснѣе, на Перовскаго. Она вмѣшалась въ разговоръ и совершенно некстати сказала:

— У Дмитрія Аркадьевича эта вещь выходитъ тоже превосходно... Когда онъ пѣлъ ее въ концертѣ, было четыре биса...

Долговязый пѣвецъ, выбравъ минуту, всталъ и пошелъ опять бродить по комнатамъ, разсматривая картинки на стѣнахъ. У одного этюда масляными красками онъ долго стоялъ въ глубокомъ вниманіи. Маленькій кусочекъ холста весь горѣлъ мягкимъ, радостнымъ весеннимъ солнцемъ. Таялъ снѣгъ дрожащей голубоватой дымкой. Тоненькія березки блестяли наивно и чисто, какъ невѣста. Ярко голубѣлъ клочокъ весенняго неба.

— Чей этотъ этюдъ? — спросилъ онъ, когда Лидія Павловна подошла къ нему.

— Это одной барышни... поклонницы Дмитрія Аркадьевича... Она ему подарила... Хорошо?

— Да, — серьезно и глубоко сказалъ пѣвецъ.

— У нея былъ большой талантъ... Умерла она... застрѣлилась, говорятъ, что ли...

Долговязый пѣвецъ ничего не сказалъ. Постоялъ и отошелъ.

Стали собираться домой. Была уже ночь и лошадей нашли только съ фонаремъ. Опять долговязый молодой человекъ взмогся на козлы, рядомъ съ кучеромъ. Перовскій и Лидія Павловна долго шли за экипажемъ. Перовскій продолжалъ спорить съ докторомъ, но уже безнадежнымъ, упавшимъ голосомъ. Докторъ не возражалъ. Лидія Павловна просила заѣзжать еще.

— Дмитрій Аркадьевичъ новыя ноты получилъ,—говорила она въ темнотѣ.

— Непремѣнно, непременно...— отвѣчалъ изъ мрака невидимый докторъ.

И всѣ чувствовали, что больше не приѣдутъ. Перовскій молчалъ.

Тьма лежала на плоскогорьяхъ, и туманъ злобно клубился въ ихъ тысячелѣтнихъ морщинахъ. Не успѣли отѣхать полверсты, какъ хуторокъ совершенно растаялъ во мракѣ, только огонекъ въ освѣщенномъ окнѣ еще сверкалъ, но и онъ скоро мигнулъ и исчезъ за поворотомъ. Должно быть, заѣхали за деревья.

БРАТЯ АРИМАФЕЙСКІЕ.

I.

Когда ярко развернулась желтая полоса заката, и чернымъ сталъ крестъ, на которомъ повисло уже безжизненное тѣло, когда шумными и непонятными толпами, тревожно чернѣя въ быстрыхъ сумеркахъ, поспѣшно сталъ расходиться народъ, когда возлѣ креста, какъ шакалы у трупа, появились чьи-то робкія тѣни,—тогда только Іосифъ покинулъ свое мѣсто и, накрывъ голову плащомъ въ знакъ ужаса и горя, медленно удалился.

Въ грязныхъ и тѣсныхъ предмѣстьяхъ города уже зажигались огни, и здѣсь казалось темнѣе, чѣмъ на голыхъ вершинахъ. Въ крикливой игрѣ свѣта и тѣни, въ узкихъ кривыхъ переулкахъ, полныхъ чада и остывающей пыли, на плоскихъ кровляхъ домовъ, въ садахъ и дворахъ озабоченно сновали люди. Они расплывались въ сумракъ, ярко вырисовывались передъ освѣщенными дверями, сходились въ кучки, расходились, какъ бы въ ссорѣ, стремительно жестикулировали, кричали, смѣялись и ругались. Можно было подумать, что ничего не было, что ни на одинъ мигъ не прерывалась вѣчная крикливая суета купли, продажи, обжорства, поцѣлуевъ и дракъ.

Съ отчаяніемъ въ помертвѣлой душѣ, накрывъ голову и стараясь не смотрѣть по сторонамъ, Іосифъ шелъ по плоскимъ камнямъ, вытертымъ милліонами шаговъ. Слезы и гнѣвъ душили его; онъ не могъ понять, какъ глупый, жестокій и слѣпой народъ въ страхъ и раскаяніи не палъ на землю, вопія въ смятеніи:

— Господи, прости намъ... не вѣдали, что творили!

Позорною смертью казненъ величайшій изъ пророковъ и лучшій изъ людей, а они варятъ ужинъ, цѣлуются со своими женами, бранятся за недоданную монету, за лишнюю мѣру навоза для удобренія своихъ виноградниковъ...

Погасъ мелькнувшій свѣтъ, во мракъ осталась заблудившаяся мысль человѣческая, еще темнѣе и зловѣщнѣе стало на пути, по которому, волей грознаго Бога, изъ вѣка въ вѣкъ должны брести толпы людей со своими женами, дѣтьми, скотами и жалкимъ скарбомъ, со своими язвами и распрями. Міръ опустѣлъ, безрадостнымъ и бессмысленнымъ снова лежитъ онъ, какъ трупъ, брошенный въ пыль у края дороги. А они кричатъ и суетятся въ своихъ дымныхъ переулкахъ, мелькаютъ въ чаду очаговъ, смѣются, ругаются, плачутъ и цѣлуются.

Отвращеніемъ сжималось сердце Іосифа, и, еще ниже опустивъ голову, надвинувъ на глаза уголь плаща, чтобы не видѣть этого вздорнаго, глупаго и ничтожнаго люда, онъ спускался изъ улицы въ улицу, пересѣкая площади и рынки, и мимо мелькали дома, темныя громады храма, ряды кипарисовъ, бѣлыхъ отъ пыли, и стройныя колоннады римскихъ дворцовъ.

Шелъ, точно бѣжалъ, а за нимъ, вытягиваясь и кривляясь на камняхъ мостовой, торопливо поспѣшала его длинная, тощая тѣнь. Тоненькій серпъ

мѣсяца, трогательнаго и непонятнаго въ своей вѣчной загадочной печали, блестя на синемъ мраморѣ холоднаго ночнаго неба.

На одной изъ площадей, въ туманномъ свѣтѣ мѣсяца, мимо Іосифа съ топотомъ, криками и проклятіями пробѣжала черная толпа и быстро разсѣялась въ темныхъ переулкахъ. Не успѣвъ еще пріостановившійся въ тѣни Іосифъ понять, въ чемъ дѣло, какъ за угломъ послышались тяжкіе мѣрные шаги, и, блестя при мѣсяцѣ тусклыми бликами мечей и щитовъ, какъ громъ сотрясая землю, быстро прошелъ отрядъ римскихъ легионеровъ, преслѣдуя, тѣсня и разгоняя толпу.

Все это мелькнуло и исчезло, какъ лунное видѣніе, въ мертвенно-тускломъ свѣтѣ мѣсяца, но Іосифъ понялъ, что это разгоняютъ толпы немногочисленныхъ сторонниковъ Іисуса, о которыхъ днемъ, со страхомъ, теперь смѣшнымъ, говорили, что они сдѣлаютъ попытку отбить осужденнаго.

Этой попытки не было. Не удалась и попытка собраться передъ дворцомъ Пилата, чтобы выразить ему свое негодованіе. Неподготовленные, безсильные и трусливые, они бѣжали подъ напоромъ желѣзныхъ солдатъ, прятались въ переулкахъ и огородахъ, шопотомъ утѣшая другъ друга, что ихъ синяки и ссадины не пропадутъ даромъ.

Іосифъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы не понимать бесполезности этихъ жалкихъ потугъ. Онъ зналъ, что сила не на ихъ сторонѣ, что стальная лавина смететъ ихъ съ лица земли и что въ лучшемъ случаѣ они просто погибнутъ. И потому еще утромъ Іосифъ говорилъ многимъ, приходившимъ къ нему:

— Это безумно и малодушно. Вы погибнете, и бесполезна будетъ смерть ваша, какъ смерть скотовъ неразумныхъ!.. Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ. Уйдите въ дома свои и разнесите

слово Иисусово втайнѣ, доколѣ не постигнетъ истину каждый человекъ въ сердцѣ своемъ. Тогда опустятся мечи, и свѣтъ возсіяетъ надъ міромъ. Истинно говорю вамъ!

И когда упрекали его въ трусости и отступничествѣ, Иосифъ не возражалъ имъ, сознавая правоту и истинную мудрость своихъ словъ.

Но странно, въ то же время ему хотѣлось, чтобы толпы этихъ безумцевъ были больше, грознѣе, чтобы разразилось возстаніе и пролилась кровь. Какъ-будто гдѣ-то въ глубинѣ души онъ надѣялся, что міръ, равнодушно смотрѣвшій на казнь Иисуса, содрогнется отъ крутой расправы съ его жалкими послѣдователями, и Пилатъ, стоявшій лицомъ къ лицу съ Истиной, пойметъ ужасъ содѣяннаго, когда подъ колоннами его дворца соберутся кучки угрожающихъ голыми руками людей.

Иосифъ прекрасно понималъ, что ничего не будетъ, что холодное сердце римлянина не дрогнетъ, толпы будутъ смяты и разсѣяны; но все же весь день находился въ тревогѣ, выглядывалъ на улицу, выходилъ на кровлю, прислушиваясь — не доносится ли грозный ревъ толпы. И даже самъ отпустилъ на площади многихъ слугъ своихъ.

И теперь онъ долго стоялъ въ тѣни, смотрѣлъ изъ-подъ края плаща на опустѣвшую бѣлую отъ пыли и мѣсяца площадь, и сердце его дрожало отъ безсильнаго гнѣва. Только приближеніе новаго отряда легионеровъ, мощно сотрясававшего землю, заставило его поспѣшить въ ближайшую улицу, чтобы въ тѣни кипарисовъ незамѣченнымъ скрыться въ своихъ благовонныхъ садахъ. Страхъ гналъ его съ улицъ, гдѣ онъ былъ только ничтожной песчинкой толпы, въ домъ свой, гдѣ онъ былъ хозяиномъ надъ многими людьми и десятинами тучной произрастающей плодами земли.

Въ это время, если бы могъ, въ какое мѣсиво крови, раздробленныхъ костей и раздавленнаго мяса Іосифъ превратилъ бы всѣхъ этихъ сытыхъ патриціевъ, лукавыхъ длиннородыхъ старѣйшинъ и тупыхъ, вздутыхъ стальными мускулами, закованныхъ въ желѣзо солдатъ. Необлеченное въ мысль жуткое сознание своей беспомощности рождало въ его душѣ такую ненависть противъ торжествующей силы, что на мгновение онъ даже какъ-будто забылъ о смерти Іисуса.

И только, когда, омывъ ноги отъ бѣлой пыли площадей и перемѣнивъ смятую въ толпѣ одежду, онъ вышелъ на кровлю въ сладкомъ сознании безопасности своего дома и съ высоты ея увидѣлъ безграничное море бѣлѣющихъ крышъ и темныхъ садовъ, затканныхъ холодной дымкой мѣсяца, Іосифъ вновь, съ еще большей, потрясающей силой, понималъ всю громадность потери.

Міровая тишина царила кругомъ. Въ неизмѣримой вышинѣ безмолвно и недвижимо горѣли звѣзды, а надъ ними, за пылью Млечнаго Пути, еще выше, еще дальше, еще непонятнѣе чернѣлъ вѣчный мракъ безконечности.

Въ мирѣ лежала земля, со своими садами и кровлями, дальними плоскогоріями и туманными гранями. Не видно и не слышно было той суеты, которая, должно быть, еще жила въ узкихъ переулкахъ города. Все казалось застывшимъ въ торжественномъ покоѣ, въ сознании святости вѣчнаго бытія своего.

Но Іосифу казалось, что онъ, маленькій человекъ съ потрясенной душой, застывшій въ безмолвномъ отчаяніи на краю высокой кровли надъ темнымъ садомъ, одинъ во всей вселенной видитъ, слышитъ и чувствуетъ. И это было ужасно, и было въ этомъ горделивое одиночество.

Одинъ онъ такъ чувствуетъ и такъ мыслить.

Лицо Распятаго вставало передъ нимъ въ колеблющемся мракѣ, надъ краемъ бездны, колыхалось и плавало въ ночи. Даже какъ-будто гдѣ-то близко звучалъ его тихій голосъ, то кротко любовный, то полный карающаго гнѣва, то грустный невыразимо—голосъ истиннаго, вдохновеннаго пророка. Иосифъ съ благоговѣніемъ старался вспомнить всѣ слова Иисуса, всѣ мелочи его жизни, собирая ихъ въ памяти, какъ драгоценныя обломки, чтобы сохранить въ сердцѣ своемъ, которое казалось ему достойнымъ хранить святыню. И вспоминая, Иосифъ какъ бы обращался къ туманному образу, плавающему передъ нимъ во мракѣ безмолвной ночи, говоря безъ словъ:

— Равви, о, какъ я понимаю и люблю Тебя!.. Ты не ошибся, довѣривъ мнѣ мысли и слова свои. Я сохраню ихъ въ сердцѣ и, умирая, передамъ дѣтямъ моимъ, чтобы не погибла память о Тебѣ. Ты видишь, какую кровавою скорбью полно сердце мое! Можетъ ли кто такъ любить Тебя? Равви! Равви!.. Зачѣмъ отдался Ты въ руки враговъ, зачѣмъ пошелъ навстрѣчу слѣпымъ, чтобы, обратившись, растерзали Тебя!.. Равви!

Восторгъ охватилъ Иосифа съ силой потрясающей, почти невыносимой. Онъ неподвижно стоялъ на краю кровли, смотрѣлъ на далекія звѣзды, не видя ихъ, и въ душѣ его ширилось и росло что-то громадное, подымая на колеблющуюся высоту, гдѣ былъ почти весь ужасъ предчувствія подвига. И мгновеніями ему хотѣлось броситься на площадь, вмѣшаться въ толпы народа и кричать гулкимъ голосомъ восторга и гнѣва:

— Я съ Нимъ!.. Распните, убейте меня!

Ему уже представлялись кипящія толпой площади, грозный гулъ массы, зажженной словомъ. Что-то свѣтлое, какъ знамя, подымалось надъ моремъ головъ; онъ чувствовалъ себя подъятымъ

руками толпы; на волнахъ ея, изстуженный и грозный, какъ судія, несся онъ къ дворцамъ, откуда въ страхъ, съ воплями и мольбами о пощаду, во всѣ стороны бѣжали сытые, гордые и жестокіе сердцемъ.

Сладко замирало въ груди Іосифа, и казалось ему, что сквозь гулъ толпы, вопли враговъ, сквозь кровь и громъ возстанія, сквозь грохотъ разрушаемыхъ капищъ и величіе новаго храма, въ облакахъ куреній возносящагося во славу Іисуса, благословляя, любовно и гордо смотрятъ на него, намѣстника своего, кроткіе непостижимые глаза Распятаго.

Но когда казалось, что сердце разорвется отъ счастья и гордости, внезапно холодъ объялъ его: желѣзные ряды легионовъ встали передъ нимъ; жалкія и смятенныя, побѣжали толпы трусовъ; неодолимыя руки протянулись къ нему, схватили за бороду, повлекли въ пыли и грязи, бросили въ тюрьму, гдѣ мракъ и ужасъ пытки, били плетью извивающееся обнаженное тѣло, тѣшились, заушали и вотъ... жалкій, изувѣченный, скорченный въ предсмертныхъ мукахъ, высоко поднимается его трупъ надъ землей, на позорномъ крестѣ, подъ смѣхъ и свистъ той же глупой, жестокой и слѣпой толпы...

Замерла душа Іосифа, задрожали его руки и ноги, глаза робко оглядѣли предательскій мракъ ночи.

— Нѣтъ, я—не пророкъ! — съ горькой тоской сказалъ себѣ Іосифъ.— Да и къ чему послужила бы гибель моя?.. Нельзя сразу разрушить старый храмъ и въ три дня воздвигнуть новый!.. Можно только погибнуть подъ обломками, и это не разумно передъ Богомъ. Надо осторожно готовить почву для принятія сѣмени новаго, по капль пе-

реливать вино новое въ мѣхи старые, и когда-нибудь слава Иисуса покроетъ міръ!.. Юноша безумный бросается навстрѣчу гибели своей, но мужъ разума идетъ путями мудрости.

II.

Кто-то поспѣшно подымался по каменнымъ ступенямъ. Іосифъ услышалъ стукъ сандалій и тревожное дыханіе запыхавшагося человѣка. Вздвигнувъ, онъ обратилъ глаза ко входу и въ сумракѣ узналъ брата своего Іакова.

Іаковъ былъ запыленъ и блѣденъ. На бѣломъ лицѣ его, обросшемъ роскошной бородой, которой онъ гордился, горѣли возбужденные глаза. Онъ задыхался и весь дрожалъ отъ волненія, отчего ходили и колебались завитки его бороды.

— Іосифъ!—крикнулъ онъ, едва ступивши на кровлю. — Что дѣлаешь ты тутъ, когда не позволяютъ тѣло Иисуса снять со креста и хотятъ выставить Его въ теченіе трехъ дней на потѣху толпы!.. Я былъ у первосвященника, и онъ отказалъ мнѣ и другимъ въ погребеніи Иисуса!.. Они выбросятъ Его на дорогу, и собаки растащатъ въ пыли кости Его!.. А ты стоишь тутъ и предаешься унынію!.. Ты, котораго такъ любилъ Онъ!

Іаковъ стремительно размахивалъ руками, кричалъ и топалъ ногами, какъ бы въ гнѣвъ. Но въ голосѣ его звучала та нѣжная любовь, то уваженіе, которыя съ дѣтства воедино связывали братьевъ. Онъ зналъ, что для Іосифа это только слабость, не свойственная его великому сердцу.

На мгновеніе Іосифъ опустилъ голову, подавленный упреками, растерянный и виноватый. Какъ могъ онъ предаться слабости и унынію, когда тѣло Иисуса еще не предано погребенію?.. Это пре-

жде и выше всего!.. Надо бѣжать, просить, требовать!.. Онъ просто ослабѣлъ подъ бременемъ горя. Съ любовью и уваженіемъ посмотрѣлъ онъ на брата своего Іакова, сдѣлавшаго то, что долженъ былъ сдѣлать онъ, пока онъ предавался плачу и сѣтованіямъ.

И сразу нѣчто озарило упавшую душу его. Невыполнимыя мечты исчезли, и пустота душевная заполнилась возможнымъ, прекраснымъ и достижимымъ.

Мгновеніе онъ молчалъ, собираясь съ силами. И, точно найдя путь открытый, широкій и свѣтлый, радостно воскликнулъ:

— Идемъ!.. Это первый долгъ нашъ передъ Нимъ!.. Мы не дадимъ врагамъ и убійцамъ глумиться надъ тѣломъ Его!.. Да не упрекнутъ насъ, что мы покинули Его!

И, обратившись съ рѣшительнымъ, просвѣтленнымъ лицомъ къ брату своему, спросилъ грозно, какъ власть имѣющій:

— Гдѣ ученики Его?

Іаковъ растерянно развелъ руками. Возбужденіе его прошло, точно теперь онъ все передалъ на руки Іосифа и тѣмъ исполнилъ долгъ свой. Природная вялость охватила его, какъ - будто всѣ силы оцѣ растратили въ метаніяхъ отъ Анны къ Каіафѣ и другимъ.

— Іоаннъ былъ у креста съ Матерію Его. Остальные разбѣжались, еще когда воины схватили Его въ саду, и никто не видѣлъ ихъ.

— Да?—горько спросилъ Іосифъ.— А старѣйшины восточной части, которые любили Его?.. Видѣлъ ли Оссію изъ Вѣелеема или Никодима нашего?

Іаковъ махнулъ обѣими руками.

— Жалкіе трусы!— съ гнѣвомъ крикнулъ Іосифъ.— И этимъ людямъ довѣрялъ Іисусъ!.. Какъ

могъ Онъ выносить ихъ рабскія лица?.. Оставимъ же трусамъ праздновать ихъ трусость!.. Мы сами пойдемъ къ Пилату и убѣдимъ его не возбуждать волненія среди народа. Онъ уменъ, ему чужды наши религіозныя распри, и, какъ образованный человекъ, онъ не можетъ въ глубинѣ души сочувствовать этимъ трусливымъ шакаламъ.

Иаковъ смутился. Онъ трепеталъ передъ этимъ холоднымъ римляниномъ, страшился его желѣзныхъ солдатъ, его тюремъ, куда, по одному подозрѣнію, онъ бросалъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ.

— Думаешь ли ты, что Пилатъ, смѣшавшій кровь галилеянъ съ жертвами ихъ, способенъ... — нерѣшительно началъ онъ.

Но, подхваченный красотой найденнаго подвига, въ глубинѣ души не допуская, чтобы Пилатъ рѣшился поднять руку на столь уважаемыхъ людей, Иосифъ укоризненно взглянулъ на брата.

— Ты боишься? — медленно спросилъ онъ.

Подъ бременемъ стыда Иаковъ опустилъ голову и сталъ растерянно поглаживать свою пышную бороду.

— Тогда я пойду одинъ! — сказалъ Иосифъ, предчувствуя отвѣтъ.

— Я иду съ тобой! — стремительно кинулся Иаковъ, и въ голосъ его не было ни тѣни робости, ибо онъ привыкъ итти за другими.

Съ братской любовью Иосифъ взглянулъ на брата своего.

III.

Сквозь разрѣзъ занавѣса изъ темной шерстяной матеріи, затканной изображеніями химеръ, виденъ былъ глубокій залъ, убранный цвѣтами, медленно спадавшими изъ золотыхъ сѣтокъ, подвѣшен-

ныхъ къ потолку. Желтѣли колеблющіеся огни высокихъ четырехсвѣтныхъ канделябръ и въ оранжевомъ маревѣ ночныхъ огней пронесли въ легкомъ танцѣ, окутанныя прозрачнымъ облакомъ развѣвающихся тканей, полуобнаженные тѣла танцовщицъ.

Мягкій вѣтеръ теплой ночи колебалъ занавѣсъ и мгновеніями все скрывалось, какъ страстное видѣніе; только слышались тихіе звоны тамбуриновъ и греческихъ лиръ, взвизги сладострастныхъ флейтъ, звонъ чашъ, выкрики опьянѣвшихъ голосовъ и быстрый топотъ легкихъ ногъ, уносящихся въ стремительномъ танцѣ.

Іосифъ и братъ его Іаковъ стояли рядомъ посреди атриума, тяжелыми, суровыми пятнами чернѣя на пестрыхъ квадратахъ мрамора, чуждые этому красивому, опьяненному красотой жизни міру, враждебные ему въ темной скорби своей.

Въ квадратное отверстіе потолка смотрѣло загадочное ночное небо, и такое же глубокое, темное оно лежало въ глубинѣ бассейна, устроеннаго какъ разъ подъ отверстіемъ. Причудливо и гармонично сплетались на стѣнахъ тоны зеленаго гранита, бѣлаго мрамора и темнаго золота. Стройно подпирали потолокъ розово-мраморныя колонны, а за ними сквозилъ душистый мракъ сада, гдѣ межъ темныхъ вѣтвей загадочно бѣлѣли въ свѣтѣ мѣсяца мертвые глаза, изогнутыя бедра, манящія руки и приподнятыя въ вѣчной истомѣ груди мраморныхъ богинь.

Суровыя горбоносыя темныя лица бородатыхъ братьевъ Аримаеѣйскихъ, ихъ жгучіе отъ напряженія воли и скорби глаза, сжатыя руки и темнопестрыя одежды, окаменѣвшія на плечахъ, темнили ту тонкую, легкомысленную, сладострастную красоту. И казалось, химеры занавѣса и бѣлые гла-

за богинь съ изумленіемъ взирають на этихъ странныхъ пришельцевъ.

И, глядя на красоту линій, роскошь пурпура и мрамора, слыша топотъ легкихъ танцующихъ ногъ, прислушиваясь къ звону струнъ и крику флейтъ, какъ бы замирающихъ въ невыносимомъ желаніи, невольно ловя въ разрѣзѣ темнаго занавѣса мельканіе обнаженныхъ женскихъ тѣлъ, братья со скорбью чувствовали, какъ чуждо имъ все это, какъ далеко отъ аскетически суроваго слова Іисусова, во имя котораго они пришли сюда. И теперь имъ казалось несомнѣннымъ, что гордая голова Пилата, похожая на головы мраморныхъ статуй, никогда не пойметъ ихъ, не постигнетъ величія и красоты не отъ міра сего и презрительно отвернется отъ ихъ робкой, безсильной мольбы.

Но вотъ внезапно смолкли звоны струнъ, и пронеслись, замирая, топоты легкихъ танцующихъ ногъ. Вскрикнула флейта и оборвалась. Раздался одинокій, увѣренно громкій голось, и послышались твердые медленные шаги. Черный рабъ, согнувшись, отдернулъ занавѣсъ съ изображеніемъ химеръ, и отъ волны воздуха, точно въ испугѣ, вздрогнули и заметались огни четырехъ свѣтильниковъ, поставленныхъ по угламъ.

Пилать вошелъ.

Онъ сдѣлалъ два шага и остановился, попирая квадраты мрамора твердыми сандаліями бѣлыхъ мускулистыхъ ногъ. Тога свободно лежала на жирныхъ плечахъ его, и каменное бритое лицо холодно смотрѣло на Іосифа и брата его.

— Привѣтъ вамъ, уважаемые! — выговорилъ онъ медленно и небрежно.—Я слушаю!

Бѣшенная и вмѣстѣ робкая ненависть къ этому властному, чуждому и гордому человѣку потрясала душу Іосифа. Въ эту минуту, какъ никогда, онъ почувствовалъ позоръ и ужасъ без-

сидія. Что могъ бы сказать самъ Иисусъ этому человѣку, оледенѣвшему въ мраморъ своего я!?

Иосифъ вспомнилъ, что каждое неосторожное слово можетъ погубить принятую имъ на себя печальную миссію. И, призывая на помощь всю осторожность, подавляя дрожь голоса, онъ выступилъ впередъ и остановился, малый и темный, какъ тѣнь передъ лицомъ свѣтлаго дня, передъ великолѣпной фигурой эпикурейца.

— Привѣтъ тебѣ, правитель...—началь онъ,— въ скорби и печали пришли мы къ тебѣ...

— Я слушаю, — такъ же высококомѣрно повторилъ Пилать.

Иосифъ помолчалъ, съ мудрой осторожностью выбирая слова, среди бури неистовыхъ криковъ сердца. Кто-то пламенный подсказывалъ ихъ, но Иосифъ старался не слышать пылкаго голоса и въ разумѣ своемъ найти лукавыя и трезвыя слова.

— Правитель, тебѣ чужды наши религіозныя распри, ты долженъ быть мудрымъ и безпристрастнымъ... Сегодня, какъ извѣстно тебѣ, былъ распятъ Иисусъ Галилеянинъ. По нашимъ законамъ, трупъ Его долженъ быть снятъ со креста до восхода солнца, но требовавшіе казни враги Его настаиваютъ, чтобы на позоръ и глумленіе черни тѣло Его было оставлено на крестѣ въ теченіе трехъ дней. Это возмущаетъ сердца тѣхъ, которые видятъ безцѣльность и злобу этого глумленія...

Римлянинъ холодно и равнодушно слушалъ Иосифа, и по его надменному съ каменнымъ подбородкомъ и презрительно выдвинутой губой лицу нельзя было понять, что онъ думаетъ, и догадывается ли, зачѣмъ пришли къ нему эти дрожащіе отъ внутренней борьбы темные люди презираемаго имъ народа.

— Наши священники, которыхъ обличалъ Онъ, настаиваютъ на лишеніи тѣла Его погребенію.

нія по обрядамъ отцовъ нашихъ,—волнуясь и жестикулируя, продолжалъ Іосифъ.—И вотъ мы пришли къ тебѣ, чтобы ты, мудрый, сталъ на сторону справедливости и не далъ глумиться надъ трупомъ врагамъ Его.

Пилать слегка приподнялъ брови, какъ бы говоря: „Что мнѣ до того?“

— Но почему именно вы, — сказалъ онъ, — пришли просить меня?.. Вы тоже были съ Нимъ?

Въ голосѣ его почудилось что-то хитрое и зловѣщее.

Іосифъ вздрогнулъ. Сады, бѣлый домъ, уваженіе гражданъ, къ которому онъ привыкъ и на площадяхъ, и въ храмѣ, и въ домѣ своемъ, встали въ памяти его, и чернымъ призракомъ пронеслось вдали видѣніе чернаго креста... И онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Откуда же вы знаете Его? — снова спросилъ Пилать, и опять хитрая и жестокая искорка мелькнула въ глазахъ его.

Отражая ударъ, Іосифъ отвѣтилъ, удивляя мудростью брата своего:

— Слава его была велика среди народа.

— Мнѣ извѣстны ваши имена, — помолчавъ, продолжалъ Пилать.—Я знаю, что вы—уважаемые граждане своего города. Что общаго можетъ быть между вами и проповѣдникомъ грязной черни, пророчествовавшимъ въ пыли площадей и рынковъ?.. Я знаю, что вамъ принадлежатъ прекрасные сады, которымъ позавидовалъ бы Римъ, богатые виноградники, обработанные многими рабами, стада, рынки и мѣнялица... Я знаю, что вы много работали на пользу и процвѣтаніе своего народа.. Я знаю, что вами подъ большіе проценты ссужена крупная сумма на вооруженіе восточныхъ легионовъ, которые, конечно, послужатъ на благо Рима и безопасность вашей родины. Я знаю, что вы мно-

го потрудились надъ украшеніемъ храма своего.. Вѣрно ли это?

— Да, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Іосифъ.

— Да, — отозвался съ гордостью братъ его Іаковъ.

— Я знаю, — холодно повторилъ Пилать, какъ бы подчеркивая, что онъ и не нуждался въ ихъ подтвержденіи. — Однако, мнѣ извѣстно и ученіе казненнаго Галилеянина. Какъ оригинальная философская идея, хотя и не обоснованная, оно заинтересовало меня. Онъ училъ раздавать богатства нищимъ, любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, не исключая въ равенствѣ самыхъ грязныхъ рабовъ, не противиться злу, не обнажать меча даже для защиты родины, удаляться роскоши и наслажденій, почитать боговъ внѣ храмовъ и жертвенниковъ. Я знаю, что самъ Онъ, босой и нищій, настоящій пророкъ черни, проходилъ изъ селенія въ селеніе, питаясь милостыней. Такъ ли это?

— Да это такъ! — отвѣтилъ Іосифъ дрогнувшимъ голосомъ.

Въ холодныхъ глазахъ римлянина выразилось презрительное недоумѣніе.

— Я основательно познакомился съ ученіемъ Галилеянина. Оно поразило меня, какъ и личность самого основателя. Какъ можно проповѣдывать живымъ добровольное отреченіе отъ радости жизни?.. Это нелѣпо. Жизнь прекрасна и челоуѣкъ, по волѣ боговъ, хозяинъ жизни. Онъ долженъ пить изъ чаши наслажденій, чтобы радость его была радостью боговъ. Я не понимаю побужденій этого оборваннаго философа, не знавшаго смѣха и красоты, не постигавшаго божественности искусства и прелести женщины. А его ученіе о равенствѣ было опасно для общества. Поэтому я сознательно подписалъ приговоръ, чтобы въ самомъ началѣ пресѣчь проповѣдь опасную для боговъ

и людей. Я врагъ жреческихъ кастъ и видѣлъ, что въ проискахъ вашихъ жрецовъ была недостойная гражданина и философа интрига. Ученіе Его глубоко враждебно мнѣ, но личность Іисуса произвела на меня впечатлѣніе человѣка, исполненнаго высшаго благородства и величія духа. Я удивляюсь Ему, хотя и не понимаю, и даже хотѣлъ отпустить Его, но Онъ самъ не принялъ жизни. Это былъ великій стоикъ. Но вѣдь, что Онъ вамъ и что вы Ему?

Іосифъ молчалъ. Въ хитрыхъ и гибкихъ рѣчахъ римлянина онъ смутно чувствовалъ что-то глубоко оскорбительное.

— Можетъ-быть, вы скажете, что я ошибся? — съ новой хитростью спросилъ Пилатъ. — Вы послѣдователи Его и готовы принять въ жизни ученіе Его? Вы также хотите паденія власти и возрожденія народа своего въ мрачной и аскетической вѣрѣ Іисуса?.. Вы также откажетесь отъ своихъ богатствъ, отъ наслажденій и радостей жизни и, какъ Онъ, пойдете проповѣдывать по дорогамъ религію рабовъ и нищихъ?.. Можетъ быть, такъ?

Но вновь, побѣждая хитрость хитростью и вновь удивляя брата своего Іакова разумомъ и осторожностью, Іосифъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ибо жизнь не вмѣщаетъ ученія Его. Мы почитаемъ Іисуса, какъ и ты, за величіе духа и силу Его.

Пилатъ долго пристально смотрѣлъ въ лицо Іосифу, точно стараясь угадать тайныя мысли его.

— Итакъ, я ошибся? Онъ чуждъ вамъ такъ же, какъ и мнѣ?

Іосифъ отвѣчалъ:

— Мы преклоняемся передъ Нимъ, какъ лучшимъ среди людей.

— Вы признаете истину и красоту Его ученія, вы признаете Его истиннымъ человѣкомъ, но

въ жизни своей не приѣмлете Его?.. Гдѣ же истина вашихъ словъ?

Иосифъ молчалъ. Пилать долго ждалъ отвѣта, и лицо его подымалось въ презрительной усмѣшкѣ. Онъ издѣвался надъ братьями. Наконецъ, небрежно спросилъ:

— Чего же вы хотите отъ меня?

— Мы хотимъ, чтобы память Пророка была почтена достойнымъ образомъ, и тѣло Его погребено по обрядамъ отцовъ нашихъ, — съ чувствомъ умиленія отвѣтилъ Иосифъ.

— Это все?—холодно спросилъ Пилать.

Потомъ поднялъ бѣлую круглую руку и небрежнымъ жестомъ опустилъ ее, сказавъ:

— Возьмите этотъ трупъ и дѣлайте съ нимъ что хотите.

Затѣмъ быстро повернулся и, не глядя на Иосифа и брата его, вышелъ вонъ.

Занавѣсъ запахнулся передъ нимъ, и опять братья увидѣли пламенное марево оргійныхъ огней, блики золотыхъ чашъ, привѣтствовавшихъ Пилата, и промелькнувшій вихрь сладострастныхъ женскихъ тѣлъ. Темная ткань опустилась, и все исчезло. Только были слышны звонъ тамбураховъ и лиръ, страстное взвизгиваніе флейтъ, крики пьяныхъ радостью жизни голосовъ и легкой топотъ обнаженныхъ ногъ, уносящихся въ легкой пляскѣ.

Иосифъ и братъ его Іаковъ, шопотомъ дѣлясь негодованіемъ противъ наглости зазнавшагося въ своей власти римлянина, съ дрожью побѣдной радости въ сердцахъ, поспѣшили къ гробамъ своимъ, чтобы приготовить среди нихъ мѣсто для Пророка своего...

С М Ъ Х Ъ.

За окномъ разстилались поля. Рыжія, зеленныя и черныя полосы тянулись одна рядомъ съ другой, уходили въ даль и сливались тамъ въ тонкое кружевное марево. Было такъ много свѣта, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тѣсно въ своемъ собственномъ узкомъ, маленькомъ и тяжеломъ тѣлѣ.

Докторъ стоялъ у окна, смотрѣлъ на поля и думалъ:

„Вѣдь вотъ...“

Смотрѣлъ на птицъ, которыя быстро и легко уносились въ даль, и думалъ:

„Летятъ!..“

Но на птицъ ему было легче смотрѣть, чѣмъ на поля. Онъ сумрачно наблюдалъ, какъ онѣ уменьшались и таяли въ голубомъ просторѣ, и утѣшалъ себя:

„Не улетите... не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ... все равно сдохнете!..“

А радостно зеленѣющія поля наводили на него уже полную тоску, томительную и безнадежную. Онъ зналъ, что это ужъ вѣчно.

„Все это необыкновенно старо! — сердито перебивалъ онъ свои мысли. — Это еще когда сказано: „И пусть у гробового входа... красною вѣчною“

сіять... равнодушная природа..." Это уже даже пошло!.. Даже глупо думать объ этомъ! Я всегда считалъ себя гораздо умнѣе и... впрочемъ, все это пустяки... Да... это совершенно все равно, что бы я ни думалъ... все равно: не въ томъ дѣло, что я по этому поводу подумаю".

Страдальчески морщась и подергивая головой, докторъ отошелъ отъ окна и сталъ тупо смотрѣть на бѣлую стѣну.

Въ головѣ его, совершенно помимо его воли и сознанія, рождались, всплывали, какъ пузырьки воздуха въ мутной водѣ, лопались и расплывались быстро одна за другой тѣ самыя мысли, которыя въ послѣднее время стали обычными для него. Именно въ послѣднее время, послѣ того, какъ въ день своего рожденія онъ вдругъ понялъ, что ему уже шестьдесятъ пять лѣтъ, и что теперь уже навѣрное онъ скоро умретъ. То нездоровье, которое онъ чувствовалъ передъ тѣмъ цѣлыхъ двѣ недѣли, еще больше напомнило ему о неизбежной необходимости пережить ту минуту, о которой онъ и раньше безъ замиранія сердца не могъ думать.

"А вѣдь будетъ, будетъ... одна эта сотая секунды, когда настанетъ самый переломъ!.. По эту сторону секунды—жизнь, я, а по ту—уже ничего... такъ-таки совершенно ничего?.. Не можетъ быть!.. Тутъ какая-нибудь ошибка!.. Вѣдь это „черезчуръ“ ужасно..."

А теперь онъ ужъ совершенно ясно понялъ, что никакой ошибки нѣтъ, что вотъ-вотъ и начнется *это*.

И каждый разъ, когда у него заболѣвала голова, грудь или желудокъ, когда ноги или руки были слабѣе обычнаго, ему приходило въ голову, что именно теперь онъ начинаетъ умирать. И эта мысль была очень проста, совершенно вѣроятна и потому нестерпимо ужасна.

Но самое мучительное началось тогда, когда онъ, вообще мало и невнимательно читавшій, прочелъ въ одной книгѣ ту мысль, что какъ ни велико разнообразіе въ природѣ, а все-таки рано или поздно комбинація должна повториться и создать такое же существо и даже то самое положеніе дѣлъ. Въ первую минуту ему даже стало какъ-будто легче, но уже въ слѣдующее мгновеніе онъ пришелъ въ бѣшенство.

„Ну да... комбинація... ничто не ново подъ солнцемъ... такъ... и очень хорошо знаю, что позади меня такая же вѣчность, какъ и впереди; значитъ, я самъ теперь—только повторная комбинація... А вѣдь я ровно ничего не помню о первой комбинаціи... и выходитъ, что дѣло не во мнѣ, а въ комбинаціи!.. Какъ же это?.. Вѣдь я чувствую, какъ неизмѣримо важно то, что я живу, какъ это мучительно и прекрасно... вѣдь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существуетъ для меня только потому, что я вижу, слышу, нюхаю... потому что у *меня* есть глаза, уши, носъ... Значитъ, я — громадень, я помѣщаю въ себѣ все и сверхъ того еще страдаю!.. И вдругъ комбинація!.. О, чертъ!.. Какое мнѣ дѣло до комбинаціи, быть только повторяющейся, съ извѣстнымъ промежуткомъ времени, комбинаціей!..“

И докторъ чувствовалъ страшную, неутолимую ненависть къ тому воображаемому человѣку, который тамъ, когда-то, будетъ такимъ, какъ онъ.

„А вѣдь это такъ и будетъ: повторяются же мысли человѣческія, и какъ еще часто повторяются... повторится, значитъ, и человѣкъ... а-а-а! Даже мои мысли, мои страданія вовсе неважны и ненужны никуда, потому что то же самое съ одинаковымъ успѣхомъ передумаютъ и переживутъ еще миллионы всякихъ комбинацій... О-очень пріятно, чертъ бы васъ дралъ!..“

И состояніе доктора ухудшалось день-ото-дня и, доходя по ночамъ до галлюцинацій, стало уже сплошнымъ кошмаромъ страданія. Снилось ему только его смерть, похороны, внутренность могилы; иногда, для разнообразія снилось, что онъ погребенъ заживо, снились еще почему-то черти, въ которыхъ онъ твердо не вѣрилъ. Днемъ онъ уже постоянно думалъ на одну и ту же тему:

„Организмъ разрушается...“

Онъ замѣчалъ это въ томъ, что ему тяжело взойти на лѣстницу больницы, что ему приходится иногда кричатъ, вставая или нагибаясь. Отъ думъ у него началась бессонница, а бессонница, какъ ему казалось, была предсмертнымъ явленіемъ.

Какъ разъ прошлую ночь онъ вовсе не спалъ, и оттого у него въ головѣ было точно тяжелое и угарное похмелье. Тѣ мысли, которыя прошли въ эти часы безцѣльнаго лежанія въ нагрѣвшейся липкой постели, подъ крикъ и смѣхъ сумасшедшихъ въ буйной палатѣ, были такъ омерзительно страшны, что докторъ даже юлилъ и обманывалъ самого себя, стараясь думать, что ничего не помнить.

Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на бѣлой стѣнѣ. Въ концѣ-концовъ, онъ-таки вспомнилъ то, чего больше всего старался не вспоминать: какъ художественно ясно представился ему процессъ разложенія, та слизь и гниль, которая получится изъ него, представились толстые, лѣнливые, бѣлые черви, распухшіе отъ его гноя... Онъ всегда боялся червей. А они будутъ ползать во рту, въ глазахъ, въ носу и вездѣ...

— Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! — сердито закричалъ докторъ, громко, на всю комнату. Голосъ у него былъ пронзительный.

Фельдшеръ отворилъ дверь, посмотрѣлъ и затворилъ.

„Бываетъ такъ вотъ: лѣчить, лѣчить, да и самъ того!“ подумалъ онъ, и съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему было страшно скучно, пошелъ сказать другому фельдшеру, что старшій, кажется, „того“.

Когда онъ затворялъ дверь, она пискливо скрипнула.

Докторъ посмотрѣлъ черезъ очки.

— Гм... въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ сердито.

Но оттого, что дверь молчала, онъ съ раздраженіемъ подошелъ къ ней, отворилъ и пошелъ по коридору и по лѣстницѣ внизъ, въ ту палату, куда только вчера вечеромъ посадили новаго пациента.

Къ нему и давно надо было сходить, но теперь онъ пошелъ вовсе не по обязанности, а потому, что оставаться одному было уже совсѣмъ скверно.

Сумасшедшій, въ желтомъ халатѣ и колпакѣ, хотя ему можно было оставаться и въ своемъ платьѣ, сидѣлъ на кровати и самымъ разсудительнымъ образомъ сморкался въ носовой платокъ. Докторъ вошелъ очень осторожно, даже какъ-будто недовѣрчиво, но сумасшедшій посмотрѣлъ на него весело и дружелюбно.

— А здравствуйте! — сказалъ онъ. — Вы, кажется, старшій врачъ?

— Здравствуйте, — отвѣтилъ докторъ, — я старшій врачъ.

— Очень пріятно... Садитесь пожалуйста, — любезно пригласилъ сумасшедшій.

Докторъ присѣлъ на стулъ, подумалъ, посмотрѣлъ на голыя выкрашенныя сѣрой краской стѣны, потомъ на халатъ сумасшедшаго и сказалъ:

— Какъ ваше здоровье? Спали?..

— Спаль,— охотно отвѣтилъ сумасшедшій,— почему бы мнѣ и не спать? Спать слѣдуетъ... Я всегда очень хорошо сплю.

Докторъ опять подумалъ.

— Да... Но, знаете, новое мѣсто... Кричатъ тоже у насъ тутъ...

— Кричатъ? Я не слыхалъ... Я, къ счастью, докторъ, очень плохо слышу...

Онъ засмѣялся.

— Бываетъ, что и не слышать—счастье...

Докторъ машинально отвѣтилъ:

— Бываетъ...

Сумасшедшій почесалъ переносицу.

— Вы, докторъ, курите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Жаль, а то бы я попросилъ папиросочку...

— Вамъ курить нельзя... знаете...

— Ахъ, да... я все забываю... не привыкъ еще...—опять улыбнулся сумасшедшій.

Они помолчали.

Окно было съ рѣшеткой и довольно густой, но все-таки свѣтъ такъ и лился въ комнату, и оттого было вовсе не мрачно, какъ всегда въ больницахъ, а очень даже радостно и уютно.

— Прекрасная комната! — благосклонно сказалъ докторъ.

— Да, очень веселенькая комнатка... Я даже не ожидалъ... Я, знаете, никогда раньше въ сумасшедшемъ домѣ не бывалъ и представлялъ его себѣ гораздо... совсѣмъ не такимъ... а тутъ ничего... И если недолго, то я даже... ничего... А?

Сумасшедшій искательно заглянулъ снизу въ глаза доктора, но увидѣлъ только непроницаемо-синія стекла очковъ и торопливо прибавилъ:

— Ну, да... да... Я понимаю... объ этомъ спрашивать... Только знаете, что я вамъ скажу, докторъ?—вдругъ оживляясь, спросилъ онъ.

— А? Что? Это интересно,— машинально проговорилъ докторъ.

— Какъ только я выйду изъ больницы, я первымъ дѣломъ всѣ ребра переломаю тѣмъ своимъ благопріятелямъ, которые меня сюда пристроили... — съ веселой злобой сказалъ сумасшедшій, и его довольно безобразное лицо, все въ веснушкахъ, перекосилось.

— Ну, зачѣмъ же?..— вяло возразилъ докторъ.

— А затѣмъ, что дураки!.. Вѣдь это же чортъ знаетъ что такое!.. Какого чорта они полѣзли не въ свое дѣло!.. Она, конечно, все равно, а все-таки на свободѣ не въ примѣръ веселѣе...

— Мало ли чего... — вдругъ сердито сказалъ докторъ.

— Да вѣдь я ровно ничего дурного не дѣлалъ!— робко возразилъ сумасшедшій.

— Ну...— неопредѣленно началъ докторъ.

— И не сдѣлалъ бы! — поспѣшно перебилъ сумасшедшій.— Скажите, пожалуйста, съ какой бы стати я сталъ дѣлать зло кому бы то ни было? Если бы я былъ дикарь или хоть Титъ Титычъ какой-нибудь, а то я, ей-Богу, всегда былъ достаточно интеллигентнымъ для того, чтобы не ощущать никакого удовольствія ни отъ кражи, ни отъ всего такого!..

— Больной человѣкъ...— началъ докторъ.

Сумасшедшій скривился и потрянулъ головой съ досадою и скукой.

— А, Господи!.. Больной!.. Я, конечно, не стану васъ увѣрять, что я здоровъ: все равно не повѣрите... Но только, какой же я, къ чорту, больной?..

— Но вы и нездоровы,—осторожно, но внушительно отвѣтилъ докторъ.

— Чѣмъ?—порывисто спросилъ сумасшедшій.
— У меня ничего не болитъ, и я сравнительно даже

въ хорошемъ расположеніи духа, что для меня всегда было рѣдкостью... Ахъ, докторъ, докторъ... Ха!.. Какъ разъ тогда меня посадили въ сумасшедшій домъ, когда я открылъ эту штуку... Хаарошую штуку, докторъ!

— А... это любопытно,—поднимая брови, замѣтилъ докторъ, и его острое лицо напомнило морду заинтересованной собаки.

— Еще бы...

Сумасшедшій вдругъ засмѣялся, всталъ, отошелъ къ окну и долго молча смотрѣлъ прямо навстрѣчу солнцу. Докторъ тоже молча смотрѣлъ ему въ спину. Грязно-желтый халатъ отъ солнца обрисовался золотой каймой.

— Я вамъ сейчасъ это скажу, — заговорилъ опять сумасшедшій, поворачиваясь и подходя.

И лицо у него было уже совершенно серьезное и даже какъ-будто грустное, но отъ этого оно только стало пріятнѣе.

— Вамъ очень не идетъ смѣяться, — почему то сказалъ докторъ.

— Развѣ? — заинтересовался сумасшедшій. — Да я и самъ это замѣчалъ... и многіе мнѣ это говорили... Да я и не люблю смѣяться...

Онъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ сухой, деревянный.

— И смѣюсь, докторъ, смѣюсь очень часто... Но я вамъ хотѣлъ не объ этомъ... Видите, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню мыслящимъ человекомъ, я постоянно думалъ о смерти... и очень упорно...

— Ага! — громко сказалъ докторъ и снялъ очки.

Глаза у него оказались большіе и такіе красивые, что сумасшедшій невольно замолчалъ.

— А вамъ такъ вотъ очки не идутъ! — сказалъ онъ.

— Э... нѣтъ... это пустяки... а вотъ вы объ этомъ... думали, значить, очень много о смерти?— заторопился докторъ.— Это о-чень любопытно...

— Да, знаете... Я не могу вамъ, конечно, передать всего того, что я перечувствовалъ... а только очень нехорошо было!.. Я бывало по ночамъ плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, отъ страха... Все представлялъ себѣ, какъ это будетъ... какъ я умру, какъ сгнію, и какъ, въ концѣ-концовъ, меня совсѣмъ не будетъ... Такъ-таки вовсе и не будетъ! Это очень трудно, почти невозможно представить себѣ... а все-таки... такъ и будетъ.

Докторъ скомкалъ въ рукѣ бороду и промолчалъ.

— Ну, это еще ничего... то-есть, не то, что „ничего“, а даже очень скверно, печально, омерзительно, но... самое скверное въ томъ, что я-то умру, а все останется, останутся даже результаты моей жизни... ибо, какъ бы ни былъ человекъ малъ, но есть какіе-то результаты его жизни!.. Да, такъ вотъ... я, предположимъ, очень и очень страдалъ, я воображалъ, что ужасно важно, что я былъ честенъ или подлецъ первой степени... и что все это пойдетъ, такъ сказать, впрокъ: мои страданія, мой умъ, моя честность и подлость и даже моя глупость послужать для будущаго, если не для чего другого, то хоть для назиданія... вообще я, какъ оказывается, хоть и жилъ, и въ великомъ страхѣ смерти ждалъ, но все это вовсе не для себя—хоть и воображаю, что для себя, — а для... чортъ его знаетъ для чего, потому что и потомки мои тоже вѣдь не для себя будутъ жить... И... знаете, докторъ, попалась мнѣ одна книжка, а въ книжкѣ той мысль, и хоть мысль была, можетъ-быть, и вовсе глупая, а меня поразила... такъ поразила, что я ее на память заучилъ.

— Это интересно,—пробормоталъ докторъ.

— Вотъ она: „Природа неотразима, ей спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Она не знаетъ ничего, ни добра, ни зла, она не терпитъ ничего абсолютнаго, вѣчнаго, ничего неизмѣннаго. Человѣкъ — ея дитя... но она мать не только человѣка, и у нея нѣтъ предпочтенія: все, что она создаетъ, она создаетъ насчетъ другого, одно разрушаетъ, чтобы создать другое, и ей все равно“...

— Такъ,—грустно замѣтилъ докторъ, но сейчасъ же спохватился и, надѣвая очки, строго прибавилъ:—Ну, и что же изъ этого?..

Сумасшедшій засмѣялся, смѣялся долго и довольно сердито, а когда пересталъ, то возразилъ:

— Да ничего, такъ-таки и ничего... Вы видите, какая это глупая мысль, глупая до того, что въ ней вовсе нѣтъ мысли... Такъ—фактикъ есть, а мысли нѣтъ... а фактъ безъ мысли — одна глупость... Мысль вывелъ я самъ... Я рѣшилъ, что дѣло далеко не такъ по идеѣ, если можно такъ выразиться—природа вовсе не терпитъ ничего абсолютно вѣчнаго... напротивъ: у нея все—вѣчно, вѣчно до приторности, до однообразія и надоѣдливости; но только вѣчны у нея не факты, а идеи... самая суть существованія... не дерево, а пейзажъ, не человѣкъ, а человѣчество, не влюбленный, а любовь, не гений и злодѣй, а гениальность и злодѣйство... Понимаете вы меня?

— По...понимаю,—съ усиленіемъ отвѣтилъ докторъ.

— Мы вотъ съ вами сидимъ и мучимся мыслью о смерти... природѣ до насъ — ни самаго малѣйшаго дѣла: мы благополучно, ни на какія разсужденія не взирая, помремъ, и насъ, — какъ не бывало... очень просто... но мученія наши вѣчны, вѣчна ихъ идея. Соломонъ № 1-й, который жилъ Богъ знаетъ когда, ужасно мучился мыслью о

смерти, Соломонъ № 2-й, который будетъ жить Богъ знаетъ когда, тоже будетъ ужасно страдать по той же причинѣ... Я въ первый разъ поцѣлуюсь съ невыразимымъ наслажденіемъ, а когда у меня уже появится вѣчная костяная улыбочка, сладость перваго поцѣлуя переживетъ еще миллионъ миллионъ и больше влюбленныхъ... совершенно съ тѣмъ же чувствомъ.. Но я, кажется, повторяюсь?..

— Да-а...

— Да... ну... такъ вотъ: во всей этой пакостной мыслишкѣ одно только заключеніе,— поскольку оно касается не идеи, а факта, насъ съ вами, значитъ,—это то, что природѣ „все равно“. Понимаете, мы ей не нужны, „идею насъ“ она возьметъ, а что касается насъ лично, то ей въ высшей степени наплевать... И это, извольте видѣть, послѣ всей той муки, которую я пережилъ... Ахъ, ты стерва!.. Ей — все равно!.. Такъ мнѣ-то не все равно!.. Плевать мнѣ на то, что ей все равно!.. Совсѣмъ не все равно!

Сумасшедшій завизжалъ такъ громко, такъ пронзительно, что докторъ укоризненно, хотя и совершенно машинально, замѣтилъ:

— Ну, вотъ... сейчасъ и видно...

— Что я сумасшедшій?.. Это еще вопросъ... да-съ, вопросъ... вопросикъ! Я, конечно, пришелъ въ телячье возбужденіе... я закричалъ... и все такое... но вѣдь удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: наоборотъ—удивительно, что люди, постоянно думая о смерти, боясь ея до умопомраченія, единственно на страхъ смерти основавъ всю свою культуру, такъ прилично относятся къ этому вопросу... поговорятъ чинно, погрустятъ меланхолично, иной разъ всплакнутъ въ носовой платочекъ и промолчатъ, займутся каждый своимъ дѣломъ, отнюдь не нарушая общественной тишины... а я... я думаю, что это они — сумасшедшіе или просто

дураки, если могут передъ такой штукой еще приличія соблюдать!..

Докторъ очень хорошо вспомнилъ, какъ ему хотѣлось иногда, съ несвойственнымъ его лѣтамъ и солидности ожесточеніемъ, начать биться головой о стѣну или кусать подушку или рвать на себѣ волосы.

— Этимъ ничему не поможешь, — угрюмо замѣтилъ онъ.

Сумасшедшій помолчалъ.

— Ну да... но вѣдь, когда больно, хочется кричать, и когда кричишь, то будто легче...

— Да?

— Да...

— Гм... ну, пусть...

— Да и все-таки самому передъ собой не такъ стыдно: все-таки я, молъ, хоть на то употребилъ свою свободную душу, эту самую, чтобы кричать карауль!.. Не шель, какъ болванъ, на убой... и не обманывалъ себя тѣми благоглупостями, которыми принято себя утѣшать въ сей бѣдѣ... Удивительное дѣло! Человѣкъ по натурѣ лакей... вѣдь природа... она ужъ, дѣйствительно, вѣчна, ей есть смыслъ думать не о фактѣ, а объ его идеѣ, но человѣкъ — самъ конечнѣе всякаго факта, — туда же пыжится, старается представиться, что и онъ чрезвычайно дорожить тоже не фактомъ, а идеей... Можно вѣдь у насъ во всю жизнь ни одного ласковаго слова никому не сказать, а людей, человѣчество любить, и это будетъ очень великолѣпно, очень добродѣтельно въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова... Такъ и видно: притворяются людишки, хихикаютъ передъ своимъ всемогущимъ бариномъ, который ихъ, какъ баранчиковъ, хлопъ-хлопъ! — и все у нихъ гдѣ-то въ глубинѣ души сидитъ такая надеждишка, махонькая, съ воробьиный носочекъ, даже меньше, совсѣмъ меньше, потому что

знаетъ же, увѣренъ всякій изъ насъ, что „оставь надежду навсегда“... сидитъ эта лакейская надеждашка: ну, авось, авось... ну, можетъ... ну, какъ-нибудь... и того!.. Слово „помилуешь“ ужъ и вовсе не произносится, потому ужъ слишкомъ очевидно...

— Ну, и что же, наконецъ?— съ тоской спросилъ докторъ и потеръ руки, точно ему стало очень холодно.

— И, наконецъ, то, что возненавидѣлъ я эту самую природу горше горькаго!.. Дни и ночи думалъ: да найдется же и на тебя какая управа, будь ты проклята!.. И видите, докторъ, я довольно еще равнодушно отнесся къ природѣ, внѣ земли, которая... Ибо вѣдь ни чорта въ ней я не понимаю... То-есть, не то что не понимаю, но чувствовать не могу... Что такое для меня звѣзда, напримеръ? Тьфу, и больше ничего!.. Она сама по себѣ, я—самъ по себѣ... слишкомъ дальнее, должно быть, разстояніе... А вотъ земная природа, та самая, которой нужно зачѣмъ-то лущить насъ, какъ орѣшки, смакуя нашу идею, то-есть идею насъ... Все бывало, думаю: какъ же такъ... какое имѣетъ право кто бы то ни былъ мучить меня, потомъ другого, а потомъ милліоннаго и такъ далѣе до безконечности? Почему-то больше всего меня сладость перваго поцѣлуя угнетала: я, молъ, поцѣловаль разъ, одинъ только маленькій разикъ, и уже — тю-тю... а первый поцѣлуй со всей своей прелестью такъ и останется, будетъ вѣченъ, вѣчно юнъ и прекрасенъ... да и все остальное... Вѣдь обидно же... высшая это обида, такая обида, что хуже и нѣтъ!..

Докторъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Но комбинація можетъ повториться, — со всѣмъ уже глупо пробормоталъ онъ.

— Начхать мнѣ на эту комбинацію!— заоралъ сумасшедшій въ положительной злобѣ.

И крикъ его былъ такой громкій, что послѣ него они долго молчали.

— Какъ вы думаете, докторъ, — опять началъ сумасшедшій тихо и вдумчиво, — если бы вамъ вдругъ доказали, что земля наша умираетъ... такъ-таки и умираетъ со всѣми своими потрохами, и не дальше, какъ этакъ черезъ триста лѣтъ... „ундъ ганцъ аккуратъ“... фью!... Намъ-то, современникамъ, до этого, конечно же, не дожить... а не ощутили бы вы все-таки нѣкоторой грусти?..

Докторъ еще не успѣлъ сообразить, какъ сумасшедшій заторопился.

— Очень многіе, тѣ, въ коихъ холопство мысли ужъ въ кровь вѣлось, которые — какъ былые старые дворовые, ужъ не могли даже отдѣлить своихъ интересовъ отъ интересовъ засѣкавшаго ихъ барина — не могутъ чувствовать самихъ себя, очень многіе скажутъ, что ощутили бы... и, пожалуй, и вправду... Ну, а я... я бы такъ, докторъ, обрадовался! — съ какимъ-то упоеніемъ сдавленно проговорилъ сумасшедшій. — Такъ обрадовался!.. Ахъ, ты!.. подохнешь... значитъ, не будешь тѣшиться вѣчно моей мукой, проклятой этой самой „идеей меня“! Конечно, строго говоря, это никому ничего не докажетъ... а все-таки... чувство мести хоть удовлетворится... иронія исчезнетъ... понимаете... вѣчность эта, коей во мнѣ нѣтъ!

— Какъ же, — вдругъ нѣсколько запоздало отвѣтилъ докторъ, — я понимаю...

И онъ какъ-то залпомъ продекламировалъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Сумасшедшій быстро остановился и слушалъ молча съ тупыми глазами, а потомъ залился смѣхомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ!..—какъ перепелъ, закричалъ онъ. — Не будетъ этого, не будетъ этой вѣчной красоты!.. И знаете, докторъ, я.. я по профессіи инженеръ, но очень долго занимался астрономіей — это въ модѣ, чтобы заниматься не тѣмъ, къ чему готовился всю жизнь... и вотъ, когда я уже совсѣмъ измучился... совершенно случайно я наткнулся на одну ошибку. Я, знаете, занялся солнечными пятнами, я изучалъ ихъ гораздо подробнѣе, чѣмъ на нихъ останавливались до меня другіе, и вотъ я...

Въ это время солнце зашло за стѣну проти-воположнаго зданія, и въ комнатѣ сразу померкло. И всѣ предметы какъ-будто отяжелѣли и прилипли къ полу. Сумасшедшій сталъ на видъ корена-стѣе и грубѣе.

— Ну, вотъ... въ извѣстной теоріи прогрес-сивной увеличиваемости солнечныхъ пятенъ, по которой солнце должно потухнуть безъ малаго въ четыреста милліоновъ лѣтъ, я открылъ ошибку... Четыреста милліоновъ лѣтъ!.. Вы можете, докторъ, представить себѣ четыреста милліоновъ лѣтъ?

— Н... не могу,—проговорилъ докторъ, вставая.

— И я не могу,—засмѣялся сумасшедшій, — и никто этого не можетъ, потому что четыреста милліоновъ лѣтъ — это уже вѣчность... тогда слѣдуетъ просто предпочесть вѣчность, какъ понятіе болѣе общее, а оттого и болѣе ясное. Съ четырьмя стами милліонами лѣтъ все остается, какъ въ вѣч-ности: и равнодушная природа, и вѣчная красота... Четыреста милліоновъ лѣтъ—это насмѣшка... И я, знаете, открылъ, что никакихъ четырехсотъ милліоновъ лѣтъ не будетъ!

— Какъ не будетъ? — почти вскрикнулъ докторъ.

— Да такъ... они рассчитывали, и очень наивно даже, что разъ въ такое-то время солнце потухло на столько-то, то... и тутъ шла простая арифметика. А между тѣмъ извѣстно, что охлаждающійся металлъ или иное тѣло держится долго въ раскаленномъ видѣ только именно до появленія первыхъ просвѣтовъ охлажденности... ибо тутъ взаимонагрѣваемость... а ужъ разъ появилось пятно, этакое темненькое пятно на сверкающей самодовольной рожѣ, то ужъ тутъ... равновѣсіе нарушено, пятно не только не поддерживаетъ общую теплоту, а даже совсѣмъ напротивъ: холодить... холодить-съ, милое пятно!.. Холодить и растеть, и чѣмъ больше растеть, тѣмъ больше и холодить... съ увеличивающейся въ чудовищной прогрессіи скоростью. Я думаю, что когда останется этакъ, примѣрно, четверть солнца, со всѣхъ сторонъ сжатаго темными пятнами, однимъ громаднымъ пятномъ, то оно потухнетъ уже въ какой-нибудь годъ... два... И я принялся за вычисленія, я дѣлалъ сплавы, однородные химически солнцу... и, знаете, милый докторъ, что я получилъ?

— А?—странно отозвался докторъ.

— Да то, что земля погибнетъ отъ холода... при холодѣ какая ужъ красота!.. Не скоро, очень не скоро, приблизительно такъ черезъ пять, шесть тысячъ лѣтъ...

— Что-о!—вскинулся докторъ.

— Черезъ пять-шесть, не больше.

Докторъ молчалъ.

— И когда я это узналъ, тутъ-то я и началъ всѣмъ рассказывать и хохотать...

— Хохотать?—спросилъ докторъ.

— Ну, да... веселиться вообще.

— Веселиться?

— Радоваться даже. А! Думаю...

— А-хи-хи-хи!.. А-хи-хи-хи!—вдруг приснул докторь.—Хи-хи-хи!..

Сумасшедшій недовѣрчиво замолчалъ, но докторъ уже не обращалъ на него никакого вниманія, онъ захлебывался, присѣдалъ, плевалъ и сморкался, очки у него спали, фалдочки чернаго сюртука тряслись, какъ въ лихорадкѣ, а лицо все сморщилось точь-въ-точь, какъ резиновый „умирающій чортъ“.

— Черезъ... пять тысячъ... лѣтъ?.. Хи-хи-хи! Это прекрасно... это о-очень хо...рошо... А-хи-хи-хи!.. Такъ, такъ... это мило!.. А-хи-хи-хи!..

Сумасшедшій, глядя на него, тоже началъ смѣяться, сначала тихо, а потомъ все громче и громче...

И такъ они стояли другъ противъ друга, трясясь отъ злобно радостнаго смѣха, пока на нихъ обоихъ не надѣли смирительныхъ рубашекъ.

МУЖИКЪ И БАРИНЪ.

I.

Утромъ на барскій дворъ пришелъ худой, оборванный мужикъ. Былъ ли это человекъ, обезьяна или просто комъ засохшей грязи, трудно было рассмотреть. Во дворъ было чисто, свѣтло и пахло цвѣтами изъ палисадника и жаренымъ мясомъ изъ открытыхъ оконъ кухни. На балконѣ, подъ парусиновой маркизой, стоялъ столъ и весело блестя никеллированнымъ самоваромъ и бѣлоснѣжной скатертью. Баринъ, большой человекъ, въ дворянской фуражкѣ и свѣжей чесучевой парѣ, сидѣлъ въ качалкѣ и читалъ газету, огромными листами которой игриво шелестѣлъ вѣтерокъ, мягкій и радостный, какъ все въ это лѣтнее солнечное утро. Мужикъ шелъ прямо къ балкону, но шелъ шагъ за шагомъ, послѣ каждаго шага останавливаясь и выжидая. Шапку онъ снялъ еще у калитки и держалъ ее обѣими руками передъ втянутымъ животомъ. Переворачивая листъ, баринъ увидалъ мужика и строго, по привычкѣ, посмотрѣлъ на него поверхъ газеты.

— Тебѣ чего? — спросилъ онъ. — Откуда? Что такое?

Мужикъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ увидалъ его баринъ. Долго, съ страннымъ, не то печальнымъ, не то тупымъ, выраженіемъ своихъ маленькихъ, закисшихъ глазокъ, похожихъ на щелочки, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза барину, а потомъ низко, встряхнувъ свалявшимися волосами, поклонился. Поднялъ голову, посмотрѣлъ и опять

поклонился. Молча, не сгибая худыхъ кривыхъ ко-
лѣнъ подъ заплатаанными пестрядинными портками.

— А... Богъ подастъ!... съ невнимательной до-
садой слегка махнулъ рукой баринъ и перевер-
нулъ листь.

Какъ будто не вѣря въ то, что ему подастъ
Богъ, или въ то, что именно такъ сказалъ баринъ,
мужикъ не уходилъ и попрежнему смотрѣлъ на
барина непонятно-печальнымъ взглядомъ. Потомъ
опять поклонился, не ниже и не меньше, чѣмъ
прежде, точно дѣлалъ давно знакомое и привыч-
ное дѣло.

— Да пошелъ вонъ!—легко раздражаясь, крик-
нулъ баринъ, не любившій нищихъ.—Сказано: Богъ
подастъ!.. Ну, и пшелъ!

Солнце свѣтило ярко, небо голубѣло. Мужикъ
стоялъ на своемъ мѣстѣ, и его короткая уродли-
вая тѣнь не двигалась на чистомъ желтомъ пескѣ
двора. Баринъ рѣшилъ не обращать на него вни-
манія и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его. Про-
шло нѣсколько минутъ. Мужикъ тихо вздохнулъ,
сталъ вполоборота, еще разъ посмотрѣлъ на бари-
на, подождалъ и тихо поплелся за ворота.

II.

Было жарко. По обыкновенію передъ обѣдомъ
баринъ пошелъ купаться. Большой, плотный и
обильно запотѣвшій, шелъ онъ садомъ къ рѣкѣ.
Берегъ спускался внизъ, и съ высоты его видно
было широкое голубое зеркало рѣки, отъ которой
и въ жару тянуло свѣжестью и запахомъ воды;
а за нею, покрытые голубоватымъ маревомъ, дале-
ко уходили луга. Золотая точка церковной главы
въ дальнемъ селѣ горѣла нѣжно и ярко на са-
момъ краю горизонта.

Подъ плетнемъ сада, на краю канавы, сидѣлъ давешній мужикъ и смотрѣлъ, вывернувъ ногу, на свои худые лапти. Завидѣвъ барина, онъ поднялъ маленькіе непонятные глазки и снялъ шапку.

Баринъ прошелъ переваливаясь, и мохнатое полотенце у него на плечѣ раскачивалось въ тактъ шаговъ.

На берегу онъ долго сидѣлъ голый, и пригрѣтое солнцемъ его мягкое, оплывшее на бокахъ и груди, тѣло блестѣло и нѣжилось. А сзади, на косогорѣ, стоялъ мужикъ, отчетливо вырисовываясь въ синемъ небѣ, и смотрѣлъ. Его присутствіе безпокоило барина, и когда, выкупавшись, съ мокрыми волосами, свѣжій, онъ шелъ назадъ и мужикъ поплелся за нимъ, терпѣніе барина лопнуло.

— Да отстанешь ли отъ меня, чортъ?—быстро поворачиваясь, крикнулъ онъ, весь наливаясь кровью.—Чего тебѣ надо!

— Ваше благородіе,—хрипло и однотонно заговорилъ мужикъ,—четвертый день не ѣмши... Косари мы... работы нѣтути... подвело...

— А я виноватъ, что ли?—вспылилъ баринъ.—Обязанъ я васъ всѣхъ кормить, что ли?

— Ваше благородіе...

Мужикъ зашевелился и съ тѣмъ же задумчиво покорнымъ видомъ, такъ же медленно и просто, какъ говорилъ, сталъ на колѣни прямо въ пыль.

Баринъ сердито посмотрѣлъ на его запыленную сѣрую макушку, махнулъ рукой и пошелъ. Солнце пекло прямо въ мужицкую голову. Было тихо и жарко.

III.

Вечерній чай пили въ палисадникѣ подъ липой. Солнце стояло уже низко и золотило пыль,

поднятую прошедшимъ стадомъ. За воротами кучеръ игралъ на гармоникѣ. Небо стало нѣжнѣе, и изъ сада потянуло зеленой прохладой. Баринъ сидѣлъ въ креслѣ и допивалъ вторую чашку чаю, необыкновенно вкуснаго послѣ горячаго послѣ-сбѣденнаго сна. Было такъ тихо въ воздухѣ, что хотѣлось смотрѣть только въ небо, гдѣ мягко и спокойно таялъ взоръ.

— Явите Божеску милость... четвертый день... — вдругъ раздался хриплый голосъ за заборомъ.

Баринъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Изъ-за рѣшетки палисадника на него смотрѣла та же сѣрая мужицкая голова, съ испеченнымъ на солнцѣ лицомъ и маленькими, непонятно невыразительными глазками.

— Опять ты тутъ! — не своимъ голосомъ, такъ что у него въ горлѣ даже взвизгнуло, завопилъ баринъ.

— Поль, Поль, оставь, Бога ради! — сморщившись отъ крика, замахала на него руками барыня, и бѣлое кружево ея капота обнажило полные, розовые локти.

— Какъ „оставь“! Эта скотина цѣлый день меня преслѣдуетъ! — вздернулъ плечами баринъ. — Семень! Семень! — закричалъ онъ.

Кучеръ за воротами пересталъ играть на гармоникѣ и вошелъ во дворъ.

— Убери этого мерзавца отсюда сію минуту... Надоѣлъ, какъ чортъ знаетъ что!

Толстый кучеръ лѣниво подошелъ къ мужику.

— Ну, неча, неча тутъ... проваливай... Много васъ шляется!...

Мужикъ посмотрѣлъ на него и опять упорно обратилъ свои глазки къ барину. Кучеръ взялъ его за плечи и повернулъ.

— Ты што.. — вдругъ обидчиво заговорилъ мужикъ. — Я тебя трогаю?... Я къ барину, его милости... Пусти, чего хватаешься!

— Ну, ну!..—грозно проговорилъ кучеръ и снова повернулъ его и толкнулъ въ спину. — Иди, когда добромъ говорятъ!

— Хлѣба жалъ... — плаксиво заговорилъ мужикъ.—Я прошу... что жъ... хреста на васъ нѣту... зажирѣли... а еще господа... корки голодному ж...

— Ты еще разговаривать!—крикнулъ баринъ багровѣя.

— А ты что жъ все кричишь... я развѣ тебя чѣмъ обижаю...

— Семень,—взвизгнулъ баринъ,—гони его въ шею!..

Семень еще разъ повернулъ мужика за худое плечо и, слегка напряживъ свой красный затылокъ, перетянутый розовой ситцевой рубахой, далъ ему по шеѣ разъ и два. Мужикъ уронилъ шапку, споткнулся и, не удержавшись, клюнулся въ пыль. За воротами захохотали. Семень, поощряемый этимъ смѣхомъ, поднялъ мужика за шиворотъ и пнулъ его сапогомъ пониже спины.

• — Ратуйте..—тоненькимъ и испуганнымъ голосомъ закричалъ мужикъ, но Семень потащилъ его за шиворотъ и легко вышвырнулъ за ворота на пыльную дорогу.

Долго еще было слышно, какъ кричалъ мужикъ и ругался Семень, натравливая на него собаку.

Скоро стемнѣло, звѣзды тихо высвѣтились на бархатномъ небѣ, а далеко на дорогѣ чуть слышно все звенѣлъ и звенѣлъ плачущій голосъ:

— Христопродавцы... баре... голоднаго чело-вѣка... у-у... захватили усе... у-у... подожди...

Въ домѣ зажглись огни.

IV:

Ночь выдалась лунная и теплая. Окна въ садѣ были открыты и чернѣли на бѣлой отъ луны стѣ-

нѣ. Блестѣли листья отъ росы, за садомъ кричалъ коростель, а луна, полная и тихая, незамѣтно плыла по небу, подымая бѣлые туманы въ лугахъ.

Баринъ спалъ. Его огромное тѣло чуть мерещилось на кровати, и легкій храпъ тихонько по-свистывалъ въ темнотѣ. Лунный свѣтъ ложился на полъ, какъ серебряное пятно.

Вдругъ за окномъ что-то мелькнуло и пропало. Стало какъ будто еще тише. Опять мелькнула тѣнь, и силуэтъ темной всклокоченной головы неподвижно выставился въ свѣтломъ четырехугольникѣ окна. И такая же точно тѣнь легла на полу. Баринъ опять засвисталъ носомъ и что-то пробормоталъ во снѣ.

Далеко на птичьемъ дворѣ закричалъ пѣтухъ, и звенящій пророческій крикъ высоко понесся въ темное небо надъ усадьбой.

Черная тѣнь мужика заслонила свѣтъ луны. Что-то мягко спрыгнуло на полъ и замерло. Баринъ вдругъ пересталъ свистѣть носомъ и, казалось, началъ слушать. Но потомъ опять засвистѣлъ тихо и безмятежно.

Что-то тяжелое съ силой поднялось и упало внизъ. Что-то хрустнуло, какъ разрубаемое мясо, что-то противно хлюпнуло и брызнуло въ стѣну.

Баринъ тяжело и судорожно заворочался и вдругъ захрипѣлъ протяжно и страшно...

Опять закричалъ печально и предостерегающе пѣтухъ. Ночь тихо близилась къ концу, и луна стала спускаться за темный садъ. Кто-то быстро затопоталъ по саду, захрустѣлъ плетень, лягушки громко булькнули въ воду, и все стихло.

Баринъ молчалъ. Луна смотрѣла уже однимъ краемъ, и на ней отчетливо чеканились черные листья.

Въ третій разъ закричалъ пѣтухъ.

О БРАКЪ.

Послѣсловіе къ пьесамъ: „Ревность“, „Законъ дикаря“ и „Враги“

Многіе убѣждены, что міръ стоитъ наканунѣ великаго соціальнаго переворота, который совершенно измѣнитъ взаимоотношенія людей, Если это не одна изъ тѣхъ иллюзій, какими человечество уже не разъ тѣшилось въ своей вѣчной мечтѣ о лучшемъ будущемъ, то переворотъ этотъ, конечно, отразится и на одномъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ человѣческой жизни — на вопросѣ объ отношеніяхъ двухъ половъ.

Изучая происхожденіе семьи, можно доказать, что моногамическій бракъ, доминирующій въ современномъ обществѣ, имѣетъ свое оправданіе въ исторической необходимости, и что при настоящемъ индивидуалистическомъ строѣ онъ являлся единственной формой, которая обезпечиваетъ сохраненіе вида. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не видѣть, что бракъ этотъ есть нѣчто уродливое, полное лжи и лицемерія, источникъ тяжкихъ нравственныхъ страданій и самыхъ трагическихъ столкновеній между мужчиной и женщиной.

Совершенно безразлично, освящается ли бракъ религіей или заключается въ конторѣ нотаріуса. Церковный или гражданскій, но бракъ нашего времени, по существу, является слѣдующимъ договоромъ между супругами:

„Отнынѣ мы, два совершенно различныя существа, сливаемся воедино. Съ этого момента мы должны забыть, что на свѣтѣ существуютъ другіе мужчины и женщины, хотя бы и болѣе близкіе намъ по духу и плоти. Мы обязуемся сосредоточить другъ на другѣ всѣ наши физическіе и духовные интересы и ни при какихъ условіяхъ не покидать другъ друга. Мы должны найти такую общую линію житейскаго поведенія, на которой всѣ чувства и поступки каждаго изъ насъ находились бы въ полной гармоніи съ чувствами и поступками другого. Настоящій договоръ вступаетъ въ силу съ момента заключенія брака и имѣетъ дѣйствіе на всю жизнь!“

Нарушеніе этого договора карается и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ и, что хуже всего, тяжелыми муками физической и духовной неудовлетворенности.

Правда, разводъ, еще недавно столь затруднительный, навлекавшій на разведенныхъ супруговъ самыя тяжкія послѣдствія, вплоть до запрещенія новаго брака, теперь значительно облегченъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, на примѣръ, въ современной Россіи, онъ обратился въ пустую формальность, до которой никому, кромѣ самихъ супруговъ, нѣтъ никакого дѣла. Но это нисколько не облегчаетъ положенія, потому что формальному разводу предшествуетъ разрывъ между супругами, по-прежнему сложный и мучительный.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ бракъ долженъ былъ бы заключаться съ величайшей осторожностью, но на самомъ дѣлѣ — огромное большинство браковъ совершается между людьми, которые еще недавно даже не подозрѣвали о существованіи другъ друга.

Только въ плохихъ романахъ мужчина и женщина съ перваго взгляда угадываютъ другъ въ

другъ родственныя души и никогда не ошибаются. На самомъ же дѣлѣ, мы знаемъ, что внутренній міръ человѣка такъ сложенъ и теменъ, что не только люди никогда до конца не понимаютъ другъ друга, но даже и самому себѣ никто не въ состояніи отдать яснаго отчета въ своихъ переживаніяхъ. Самосознаніе очень ограничено и почти не улавливаетъ тѣхъ подсознательныхъ процессовъ, на основаніи которыхъ совершается большинство нашихъ поступковъ. Старая истина, что труднѣе всего — познать самого себя, принимаетъ поистинѣ трагическій смыслъ, когда требуется разобратъся въ своихъ чувствахъ, узнать другого человѣка и на этихъ основаніяхъ строить всю свою единственную и неповторяемую жизнь.

Если бы будущіе супруги даже и имѣли возможности изучать другъ друга съ дѣтства, то и тогда результаты были бы очень гадательны. Процессъ внутренняго развитія не прекращается никогда, и въ личности человѣка, съ годами, а иногда и въ одно мгновеніе, происходятъ значительныя перемѣны.

А вѣдь встрѣча двухъ будущихъ супруговъ почти всегда случайна, и встрѣчаются они въ такомъ возрастѣ, когда каждый изъ нихъ — уже цѣлый мірокъ, со своими характерами, вкусами, привычками, требованіями отъ жизни.

Почувствовавъ влеченіе другъ къ другу и вступая въ бракъ, они имѣютъ настолько слабое представленіе о человѣкѣ, съ которымъ связываются на всю жизнь, что даже то самое тѣло, которому предстоитъ играть въ бракъ такую страшную роль, остается для нихъ загадкой.

Періодъ такъ называемаго предбрачнаго „ухаживанія“ сравнительно недологъ и не даетъ ни времени, ни основаній судить другъ о другѣ, хотя

бы женихъ и невѣста и перешли бы въ своихъ отношеніяхъ извѣстную грань.

Вѣдь люди, какъ и птицы, въ этотъ періодъ распускаютъ самыя яркія перья. Они инстинктивно скрываютъ все, что можетъ не понравиться возлюбленному и доходятъ до своеобразной мимикри, проявляя чувства, вкусы, убѣжденія и манеры, совершенно несвойственныя имъ по натурѣ, но удовлетворяющія вкусамъ другой стороны.

Влюбленному юношѣ кажется, что его возлюбленная — ангелъ во плоти, и когда мы приписываемъ это его неопытности и наивности, мы не совсемъ правы... Чѣмъ станетъ человекъ, если у него отнять все дурное, грубое, скучное и грязное?.. Конечно, ангеломъ!.. А вѣдь влюбленный имѣетъ возможность видѣть только самыя нѣжныя, чистыя и красивыя стороны любимаго существа, такъ какъ все остальное тщательно сокрыто отъ него. Притомъ влюбленные видятся только моментами, всецѣло отдаваясь въ это время другъ другу и своему чувству, и если въ моментъ искренняго увлеченія даже некрасивыя лица становятся обаятельными, то тѣмъ болѣе прекрасной кажется влюбленная пара, когда она вся освѣщена и согрѣта своимъ чувствомъ.

Поэтому — каждый влюбленный мужчина рыцарь безъ страха и упрека и каждая влюбленная женщина — ангелъ во плоти. Если впоследствии ангелъ превращается въ кухарку, а рыцарь въ самаго обыкновеннаго мѣщанина, то въ этомъ виновата жизнь, которая не терпитъ вѣчныхъ праздниковъ и быстро возвращаетъ супруговъ къ грязнымъ буднямъ борьбы за существованіе, въ коей они волей неволей выявляютъ всѣ стороны своего я.

Въ сущности говоря, бракъ не только не соединяетъ, а напротивъ — разобщаетъ влюбленныхъ. До брака у нихъ общая цѣль — понравиться другъ

другу; они охвачены однимъ и тѣмъ же чувствомъ и оба стремятся къ одному и тому же — къ взаимному обладанію. Поэтому ихъ общеніе легко, приятно и не требуетъ насилія надъ собою. Съ момента же вступленія въ бракъ общая цѣль достигнута, и передъ супругами открываются два разные пути: путь мужа и путь жены. Правда, за постройку семейнаго очага они принимаются совмѣстно, но требованія, которыя они предъявляютъ къ этому очагу, настолько же различны, насколько различны эти два существа. А они уже потому различны, что одно изъ нихъ — мужчина, а другое — женщина.

Только глупость утверждаетъ, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина. Она — тоже человѣкъ, но это два различные міра, функциональное назначеніе которыхъ совершенно разное. Природа къ каждому изъ нихъ предъявляетъ особые требованія, и если довольно бессмысленно спорить о превосходствѣ одного пола надъ другимъ, то еще болѣе бессмысленно доказывать ихъ тождественность. Ихъ міроощущеніе настолько же своеобразно, насколько своеобразно положеніе, которое они занимаютъ въ мірѣ. Половая потребность перебрасываетъ между ними узкій мостикъ, по которому они идутъ навстрѣчу другъ другу и сталкиваются, не имѣя возможности разойтись. Чтобы идти рядомъ, они должны тѣсно прижаться другъ къ другу, на каждомъ шагу толкаясь и наступая на ноги.

Полное сляніе супруговъ въ „плоть едину“ возможно только тогда, когда они и физически и духовно находятся въ полной гармоніи, взаимно удовлетворяя и дополняя другъ друга.

Наука знаетъ такъ называемое физиологическое несоотвѣтствіе, при которомъ половая связь оставляетъ чувство глубочайшей неудовлетворен-

ности, ведущей къ серьезнымъ нервнымъ расстройствамъ.

Въ сущности говоря, вопросъ о томъ, окажутся ли вступающіе въ бракъ мужчина и женщина фізіологически близкими другъ другу, является достаточнымъ поводомъ, чтобы задуматься объ ихъ судьбѣ. Общество, со свойственнымъ ему лицемѣріемъ, обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что въ основѣ многихъ семейныхъ драмъ, на первый взглядъ совершенно необъяснимыхъ, лежитъ простое фізіологическое несоотвѣтствіе. Оно вызываетъ взаимное болѣзненное раздраженіе, оно служитъ первымъ и самымъ грубымъ толчкомъ къ измѣнѣ, оно возбуждаетъ жгучія ревнивыя подозрѣнія.

И этотъ роковой вопросъ разрѣшается только тогда, когда договоръ заключенъ и расторгнуть его нельзя безъ тяжелыхъ потрясеній, оставляющихъ слѣдъ на всю жизнь.

Но одного фізіологическаго соотвѣтствія слишкомъ недостаточно для гармоническаго единенія двухъ такихъ, сложно и высоко развитыхъ, существъ, какъ мужчина и женщина культурнаго міра.

Если при фізіологическомъ несоотвѣтствіи половая неудовлетворенность превращаетъ сожителство въ пытку, то не менѣе мучительной становится совмѣстная жизнь, когда характеры супруговъ различны, когда разница въ ихъ интеллектуальномъ развитіи настолько велика, что мѣшаетъ имъ понимать другъ друга, когда по возрасту они не могутъ быть товарищами ни въ трудѣ, ни въ наслажденіи.

Вообще, если вдуматься въ сложность и глубину условій, необходимыхъ для счастливаго брака, если принять во вниманіе всю его случайность и необоснованность, то старое сравненіе съ лотереей

окажется совершенно точнымъ, несмотря на свою банальность.

Билетами въ этой лотереѣ служатъ всѣ мужчины и женщины, которые въ данный моментъ населяютъ землю. И кажется, что природа подшутила надъ человѣкомъ, насыпавъ въ урну только пустые бланки.

Въ одной изъ драмъ Метерлинка есть такая сцена: Въ царствѣ нерожденныхъ душъ дряхлое Время торжественно провозглашаетъ, кому изъ нихъ ударилъ часъ итти въ міръ. Волею судебъ разлучаются двѣ души влюбленныхъ, и вотъ уходящая молить остающуюся, чтобы та, когда придетъ и ея чередъ, подала знакъ, по которому они могли бы узнать другъ друга!

Глубокій и трагическій символъ.

Конечно, чисто математическая истина, что между миллионѣвъ мужчинъ и женщинъ должны быть двое, и физически и духовно болѣе близкіе другъ другу, чѣмъ всѣ остальные. Но ужасъ въ томъ, что они не могутъ узнать другъ друга. Быть можетъ, эта „единственная“ живетъ на другой сторонѣ земного шара, быть можетъ, мы не разъ встрѣчались съ ней на улицѣ, въ вагонѣ трамвая, въ театрѣ, и расходились равнодушно, не подозревая, что прошли мимо своего счастья. Расходились для того, чтобы въ душѣ нашей вѣчно жили тоска и смутное ожиданіе.

Въ обыкновенной лотереѣ можно удовольствоваться любымъ выигрышемъ, ибо тамъ каждый выигрышъ является положительнымъ приобрѣтеніемъ. Но въ брачной лотереѣ выигрышемъ можетъ считаться только одинъ — полная гармонія. Разъ, хотя бы въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, между супругами нельзя поставить знакъ равенства, этого уже достаточно, чтобы между ними образовалась пустота, трещина, которая, подъ влія-

ніемъ жизненныхъ треній, рано или поздно расширится до размѣровъ пропасти.

Какъ это ни странно звучить, но въ интересахъ супруговъ, чтобы послѣ брака между ними обнаружилось полное несоотвѣтствіе во всемъ. Тогда бракъ разорвется быстро и сравнительно безболѣзненно, ибо привычка не успѣетъ еще пустить свои корни, которые вырываются только съ мясомъ и кровью. Гораздо ужаснѣе, если супруги, соотвѣтствуя другъ другу физически, чужды духовно, или наоборотъ. Если физическая страсть, при духовной отчужденности, убиваетъ душу, унижая и озвѣряя человѣка, то духовная близость, при половой неудовлетворенности, отравляетъ бракъ ядомъ лжи и лицемерія, тоской и раздраженіемъ. Чѣмъ равнѣе въ супружескихъ отношеніяхъ число плюсовъ и минусовъ, тѣмъ легче создается между ними то неустойчивое равновѣсіе, которое длить связь годами, превращая бракъ въ пытку, которую и прекратить трудно и выносить невозможно.

Супруги, духовно чуждые другъ другу, ночью сливаются въ могучемъ порывѣ страсти, а днемъ влачатъ жалкое существованіе, не понимая, презирая и ненавидя другъ друга. Люди же, любящіе и уважающіе другъ друга, тщетно ищутъ въ себѣ опаляющей страсти и расходятся блѣдные, вялые съ болѣзненнымъ раздраженіемъ въ душѣ. Чѣмъ болѣе они чутки и нѣжны, тѣмъ тщательнѣе скрываютъ они свои страданія и тѣмъ яснѣе чувствуютъ и угадываютъ ихъ другъ въ другѣ.

Одни изъ нихъ безжалостно рвутъ между собою, калѣча свою и чужую жизнь, другіе покорно влачатъ тяжелое ярмо, и любя и ненавидя другъ друга въ одно и тоже время.

Люди вступаютъ въ бракъ, въ сущности, не зная съ кѣмъ... Въ своемъ смутномъ влеченіи къ

физической близости, они видятъ этотъ забытый Метерлинковскій знакъ и искренно вѣрятъ, что нашли свою „единственную“. Но увлеченіе проходитъ, жизнь снимаетъ маски и смываетъ румяна, и они съ ужасомъ видятъ какое-то чужое, быть можетъ, злое и отвратительное лицо.

Да, говорить себѣ человѣкъ, я ошибся, но вѣдь должны же быть гдѣ-нибудь на свѣтѣ тѣ душа и тѣло, въ которыхъ мое счастье, моя радость! И онъ тоскуетъ, ждетъ и ищетъ, пылливо всматриваясь въ каждое новое лицо. А этихъ лицъ кругомъ мелькаютъ тысячи, и на каждомъ свѣтятся тѣ же таинственные человѣческіе глаза, что-то обѣщая... Достаточно одной какой-нибудь черточки, недостатокъ которой такъ мучителенъ въ супругѣ, чтобы въ этихъ загадочныхъ глазахъ намъ снова почудился тотъ же забытый знакъ, и тогда все идетъ на смарку: прошлое забыто, прежняя связь возбуждаетъ только скуку, отвращеніе и ненависть, бракъ тяготитъ, какъ пушечное ядро, прикованное къ шеѣ.

Тысячи причинъ, случайностей и неизбежностей лежатъ въ основѣ того, что изъ ста современныхъ браковъ — девяносто совершенно неудачны и десять — еле терпимы. Что касается счастливаго брака, то его и быть не можетъ.

Между мужчиной и женщиной всегда будетъ лежать пропасть взаимнаго непониманія и горы противорѣчивыхъ интересовъ. Чтобы эти противорѣчія исчезли, надо, чтобы два пола и по образу жизни, и по физическимъ и духовнымъ даннымъ, и по отношенію къ другимъ людямъ стали абсолютно равными.

Въ противномъ случаѣ бракъ возможенъ только какъ рядъ компромиссовъ и взаимныхъ усту-

покъ, поминутно нарушающихъ самое драгоцѣнное право человѣческой личности—свободу.

Одно сознание, что отъ каждаго вашего движенія зависитъ жизнь другого человѣка, уже безмѣрно отягощаетъ душу. Человѣкъ теряетъ право, какъ братъ отъ жизни все, что она можетъ дать, такъ и отдавать то, что могъ бы отдать. Онъ уже не принадлежитъ всецѣло самому себѣ. И его общественная и его личная жизнь ограничена интересами супруга. Съ ними онъ обязанъ считаться всегда и во всемъ, и если, по мнѣнью Берне, „человѣкъ, купившій фарфоровый сервизъ, утратилъ свободу“, то человѣкъ, вступившій въ бракъ, превращается въ раба.

Наиболѣе остро и мучительно ощущается это рабство въ сферѣ половой жизни человѣка. Противоестественность моногамическаго брака давно стала бы общепризнанной истиной, если бы не ложь и лицемеріе, правящія нашей мыслью, и давно провозгласившія, что возвышающій обманъ дороже тьмы низкихъ истинъ!

Несмотря на все звѣрство и безобразіе нашей жизни, несмотря на то, что огромное большинство людей все еще стоитъ на чрезвычайно низкой ступени развитія и мало отличается отъ своего четверорукаго предка, мы съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, идеализируемъ человѣка, ставя его на пьедесталь, на которомъ ему тяжело и неудобно, съ котораго онъ сваливается поминутно.

Но разъ сказано, что „человѣкъ — звучитъ гордо!“, то дѣло кончено, надо лѣзть на ходули, облачаться въ бѣлоснѣжную тогу и тщательно скрывать все животное, грубое и низменное.

Правда, совершенно непонятно, почему люди стали презирать и скрывать то, что всѣ звѣри, всѣ птицы, всѣ насѣкомыя, всѣ растенія, вся при-

рода, наконецъ, празднуетъ, какъ величайшую радость и основной смыслъ жизни. Но нигдѣ человѣческое лицемѣріе не достигло такой вопіющей нелѣпости, какъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ половъ. Правду говорить объ этомъ можетъ только наука, ибо и лицемѣріе пасуетъ передъ необходимостью, но и тутъ общество притворяется, что научныя утвержденія имѣютъ какое-то спеціальное значеніе, не имѣющее никакого отношенія къ строю нашей жизни.

Говорятъ о радостяхъ материнства, безъ всякаго основанія окружая его ореоломъ святости; торжественно празднуютъ бракъ, обставляя его пышными церемоніями и скрѣпляя печатью закона; искусство, въ милліонахъ картинъ и статуй, поетъ гимнъ красотѣ человѣческаго тѣла; мужчина и женщина, вступившіе въ бракъ и родившіе дѣтей, не только не подвергаются осужденію, но, напротивъ, признаются исполнившими свой долгъ; женщина, до старости сохранившая цѣломудріе, клеймится презрительной кличкой старой дѣвы; все и вся, казалось бы, говоритъ о томъ, что въ физическомъ соединеніи мужчины съ женщиной не только нѣтъ ничего позорнаго, но это прекрасно, свято и необыкновенно важно.

Но съ другой стороны, только въ глубокой тѣни супружескаго алькова люди могутъ безъ стыда и позора жить половой жизнью; нагота прикрита фиговымъ листочкомъ; цѣломудріе считается высшей добродѣтелью; половой актъ и подробности дѣторожденія тщательно скрываются; лицемѣрное многоточіе замѣняетъ въ книгѣ слова какъ разъ въ тотъ моментъ, когда романъ подходитъ къ своей цѣли; въ величайшую заслугу поэту ставятъ умѣнье такъ изобразить любовь, чтобы наивный человѣкъ никакъ не могъ догадаться, что Ромео — мужчина, а Джульетта — женщина, и дол-

женъ былъ бы повѣрить, будто дѣтей приносятъ аисты...

Такъ и вѣрятъ наивные мальчики и дѣвочки, которыхъ общественное лицемѣріе воспитываетъ въ полномъ невѣдѣніи той жизни, къ которой они готовятся...

Того, кто осмѣливается провозглашать, будто любовь основана на чисто чувственномъ влеченіи, общество объявляетъ циникомъ и развратителемъ молодежи.

Мнѣ, между прочимъ, хочется отмѣтить, что общество еще не доросло до представленія о художественной литературѣ, какъ о дѣлѣ столь же серьезномъ и необходимомъ, какъ и наука. Въ его глазахъ художникъ все еще или шутъ, развлекающій скучающихъ господъ, или декораторъ, украшающій жизнь яркими вымыслами, или воспитатель общественнаго мнѣнія, по программѣ господствующаго въ данномъ обществѣ идейнаго теченія. Религіозныя, моралистическія, политическія и классовыя требованія диктуютъ свою волю художественному творчеству. Фальшивый идеализмъ правящаго въ мірѣ мѣщанства (а оно править повсюду, и въ капиталистическихъ, и въ социалистическихъ государствахъ равно!) требуетъ, чтобы жизнь мы изображали, только умывъ ее розовой идеалистической водицей. Огромное большинство, даже не глупыхъ, людей до сихъ поръ не можетъ понять, что художественная литература имѣетъ свою собственную цѣль: служить связующимъ звеномъ между людьми, не въ смыслѣ объединенія ихъ вокругъ какой бы то ни было, хотя бы и самой прекрасной, идеи, а въ смыслѣ ихъ чисто человѣческаго, духовнаго единенія. Только художественная литература даетъ человѣку возможность выйти изъ круга своей ограниченной и одинокой жизни, слиться со всѣмъ міромъ, пережить

всѣ жизни, почувствовать всѣ чувства, понять всѣ радости и всѣ страданія. Для этого она должна говорить о жизни все, безъ ложнаго стыда.

Левъ Толстой сказалъ однажды: „единственный герой мой, котораго люблю всей душой, который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда!“

Вотъ слова, которыя каждый писатель долженъ огненными буквами выжечь въ своей совѣсти.

Конечно, для человѣка было бы гораздо лучше, если бы духъ его властвовалъ надъ плотью, если бы тѣло играло въ жизни маленькую роль, не вліяющую на ходъ міровой трагедіи. Но этого нѣтъ, ибо голодъ и полъ правятъ міромъ, какъ два „винта, на которыхъ все вертится“. Хотя человѣкъ и обладаетъ болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ всѣ другія животныя, но онъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, что и самая послѣдняя тварь, ползающая по землѣ.

Если и бываютъ случаи, когда любовь между мужчиной и женщиной зарождается на почвѣ чисто духовнаго преклоненія, то случаи эти рѣдки, какъ зеленые брилліанты, чтобы не сказать больше. Любовь всегда и неизмѣнно начинается съ грубо чувственнаго влеченія, и это тѣмъ болѣе неопровержимо, что желаніе зарождается раньше появленія объекта.

И юноши и дѣвушки, достигая половой зрѣлости, начинаютъ томиться безсознательной жаждой физической близости съ существомъ другого пола. Ихъ тѣло сладко млѣетъ, въ головѣ бродятъ какія-то смутныя мысли, передъ глазами встаютъ таинственные, но прекрасные образы. Мало-по-малу эти видѣнія облакаются въ плоть и кровь, принимая формы мужского или женскаго тѣла. Юноша со страннымъ, напряженнымъ вниманіемъ провожаетъ взглядомъ каждую молодую и красивую женщину,

а видъ женской наготы, даже въ картинѣ или статуѣ, вызываетъ въ немъ жгучее волненіе. Самое слово „женщина“ звучитъ для него какъ-то особенно, оно волнуется, пугаетъ и зоветъ его. Съ этого же момента дѣвушка стыдливо опускаетъ глаза передъ настойчивымъ взглядомъ мужчины, въ книгѣ прежде всего ищетъ слова „любовь“, мечтаетъ и томится и съ тѣмъ же страннымъ любопытствомъ смотритъ въ зеркало на свои обнаженные плечи... Плодъ созрѣлъ, и онъ долженъ упасть!

Для того, чтобы это безпредметное влеченіе сосредоточилось на опредѣленномъ лицѣ, нужно только время и благоприятныя обстоятельства. Выборъ рѣшается не соотвѣтствіемъ объекта съ какимъ-либо идеаломъ, а просто случаемъ и степенью напряженія желаній. Вотъ почему такъ часты и такъ измѣнчивы юношескія увлеченія, вотъ почему молодое существо, уступившее голосу тѣла, такъ часто со слезами спрашиваетъ себя „какъ это могло случиться?“ и вотъ почему такъ часты, въ періодъ начала половой жизни, самоубійства среди молодежи.

Когда дѣло идетъ не о юношахъ, а о зрѣлыхъ мужчинахъ и женщинахъ, сущность остается: въ силу ли неудовлетворенности супругомъ, въ силу ли долгаго воздержанія, въ силу ли особо привлекательныхъ данныхъ объекта, но прежде всего возникаетъ чувственное влеченіе, которое мало по малу принимаетъ характеръ влюбленности и, наконецъ, переходитъ въ могучее, и душу и тѣло потрясающее, чувство, которое называютъ любовью.

И я думаю, что та „истинная любовь“, о которой рассказываютъ свои красивыя сказки поэты, эти пѣвцы міровой лжи, и болтаютъ моралисты, эти гасители живой жизни, начинается только спустя много времени послѣ брака, когда между людъ-

ми исчезли всё преграды, когда они узнали и научились уважать и цѣнить другъ друга.

Если бы мужчина и женщина отдавали себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и желали быть искренними, они, сливаясь въ первомъ объятіи, должны были бы сказать другъ другу: я еще не люблю тебя, но надѣюсь полюбить, а пока — возьми меня, потому что я этого хочу!

Апологеты духовнаго начала въ любви должны избѣгать непріятнаго для нихъ вопроса: если любовь зарождается въ духовномъ общеніи, то почему же сей духовный восторгъ такъ настойчиво и неизмѣнно стремится къ постели, къ изступленному объятію двухъ обнаженныхъ тѣлъ?

Когда между мужчиной и женщиной нѣтъ чувственнаго влеченія, любовь вообще невозможна, и въ лучшемъ случаѣ ее замѣняетъ иное чувство, которое называется — дружбой. Однако, въ обществѣ, особенно молодыхъ людей, часто можно слышать горячіе дебаты на тему о томъ, возможна ли вообще дружба между мужчиной и женщиной?

Самое существованіе такого вопроса весьма значительно. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ отношеніяхъ мужчины и женщины полъ настолько доминируетъ, что внѣ его связь между ними мыслится съ трудомъ.

И это вполне естественно. Мужчина скорѣе найдетъ отвѣтъ на свои духовные запросы у мужчины, а женщина у женщины, ибо существа одного пола, конечно, имѣютъ больше общаго и легче понимаютъ другъ друга. Встрѣчая женщину, мужчина прежде всего смотритъ на нее глазами самца, а женщина на мужчину — глазами самки. Кто бы они ни были, на какой бы ступени развитія не стояли, но ихъ первый, безмолвный и бессознательный вопросъ: можешь ли ты быть моею или моимъ?.. Если нѣтъ, они расходятся равнодушно

и уже не интересуются другъ другомъ, если — да, переходятъ къ болѣе или менѣе открытому флирту. Если между ними даже и наладятся какъ будто совершенно дружескія отношенія, то дружба ихъ всегда будетъ носить пикантный привкусъ легкой влюбленности.

Голосъ тѣла звучитъ настойчиво и властно, и общественное лицемѣріе способствуетъ только тому, что отношенія между мужчиной и женщиной насквозь пропитаны ложью, которую они вносятъ и въ свой бракъ.

Какъ бы супруги ни любили другъ друга, но они всегда останутся тѣмъ, что они есть, — мужчиной и женщиной, со всѣми ихъ инстинктами.

Прекрасно голубое небо, хороши розы, великолѣпнень Аполлонъ и обольстительна Венера... Но такъ же хороши грозовыя тучи, ландыши и хризантемы, Діана и Антиной!..

Человѣка, который всю свою жизнь любовался бы только одной розой, отворачиваясь отъ всѣхъ красотъ Божьяго міра, мы признали бы жалкимъ маньякомъ.

Какъ бы ни было гениально какое-нибудь поэтическое произведеніе, но вѣчно читать одну и ту же книгу невозможно, какъ невозможно всю жизнь питаться одной и той же пищей, какъ бы она вкусна ни была.

А между тѣмъ отъ мужчины и женщины, имѣвшихъ несчастье вступить въ бракъ, требуется, чтобы они забыли о существованіи всѣхъ другихъ мужчинъ и женщинъ. Правда, общество разрѣшаетъ имъ имѣть дѣловыя и товарищескія отношенія съ кѣмъ угодно и даже допускаетъ, что они могутъ видѣть и сравнивать, но дальше стоитъ желѣзная стѣна.

Странно, что, такъ высоко ставя духъ и такъ унижая тѣло, общество допускаетъ, чтобы супру-

ги дѣлились своими духовными сокровищами со всѣми, но зорко слѣдить, чтобы хранили въ неприкосновенности именно то, что считается малодѣльнымъ и даже унижительнымъ для человѣка.

Но вѣдь природа не считается съ человѣческими благоглупостями. Красота женщины волнуетъ женатаго такъ же, какъ и всякаго другого мужчину, а женщина никогда не остается равнодушной къ тому впечатлѣнію, которое она производитъ на другихъ мужчинъ. Половое чувство, какъ и всякое иное, нуждается въ разнообразіи и обновленіи. Какъ бы супруги ни любили другъ друга, но ихъ ласки, въ концѣ концовъ, становятся лишь привычнымъ физиологическимъ отпращиваніемъ и принимаютъ характеръ холоднаго разврата.

Это слово многимъ покажется черезчуръ сильнымъ, но это такъ. Когда супружескія ласки, въ силу безчисленной повторяемости, теряютъ остроту и становятся прѣсными, супруги неизбѣжно переходятъ ко всевозможнымъ извращеніямъ, которымъ и нѣтъ другого имени, какъ холодный развратъ.

А въ концѣ концовъ обоимъ начинается томить жажда новыхъ ощущеній, обостряемая тѣми неисчерпаемыми возможностями, которыми переполнена окружающая жизнь. Тогда болѣе слабые поддаются соблазну, и бракъ или разрушается или отравляется ядомъ измѣны, а болѣе стойкіе борются съ собою, насилуя свои душу и тѣло до конца.

Но насиліе надъ природой никогда не проходитъ даромъ. Досада и скука входятъ въ супружескія отношенія, бракъ тяготитъ, какъ полѣно, привязанное къ ногѣ животнаго, и между супругами начинается скрытая или явная, но всегда мучительная и тяжелая вражда.

Вотъ тѣ мысли, которыя легли въ основу трилогіи, которою являются три моихъ пьесы — „Ревность“, „Законъ дикаря“ и „Враги“.

Общественное лицемѣріе отнеслось къ нимъ такъ, какъ и должно было отнестись. Съ одной стороны онѣ вызвали бѣшенный интересъ публики и шумъ въ прессѣ, какого, кажется, еще не вызвала ни одна пьеса, появившаяся на русской сценѣ. Съ другой стороны — критика, съ пѣной у рта, старалась доказать, что пьесы эти лишены всякаго общественнаго значенія.

Въ „Ревности“ эта критика усмотрѣла только клевету на женщину, а въ „Законъ“ — клевету на мужчину. Что касается „Враговъ“, то она ихъ просто не поняла.

Меня упрекали въ сгущеніи красокъ, но этого упрека я заслуживаю менѣе всего.

Не надо думать, что каждый великодушный человѣкъ — Донъ-Кихоть и каждый ревнивый мужъ — Отелло... Но въ каждомъ великодушномъ человѣкѣ есть черты Донъ-Кихота и въ каждомъ ревнивомъ мужѣ — черты Отелло.

Конечно, не всѣ женщины — Елены Николаевны и не всѣ мужчины — Вересовы, но въ каждой современной женщинѣ есть черты Елены и въ каждомъ современномъ мужѣ — черты Вересова.

Такъ же, какъ и въ каждой семейной четѣ есть та скрытая и бессознательная вражда, которая сконцентрирована мною во „Врагахъ“.

Не всѣ семейныя драмы разрѣшаются такъ трагически, какъ разрѣшились онѣ въ моихъ пьесахъ, но въ каждой семейной драмѣ заложена возможность трагическаго исхода.

Какъ героиня „Ревности“, всѣ современныя женщины съ дѣтства готовятся быть чувственной приманкой для мужчины. Розовый бантъ въ рас-

пущенныхъ волосахъ, кокетливое коротенькое платье, обтянутыя стройныя ножки — все это дѣлаетъ изъ дѣвочки хорошенькую, пикантную куколку, за которую бѣгаютъ мальчишки и на которую слюняво облизываются старики. Въ ней рано пробуждается кокетство, и она не забываетъ о немъ до старости. Когда она становится дѣвушкой, ее сейчасъ же окружаетъ толпа мужчинъ, въ желаніяхъ которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Эти желанія она чувствуетъ, они жгутъ ее тѣло выставленное на показъ, съ помощью вызывающихъ туалетовъ, они становятся для нея привычной атмосферой, внѣ которой ей скучно. То, что ее преслѣдуютъ мужчины, жаждущіе обладать ею, никого не шокируетъ. Напротивъ, «успѣхъ» ставится ей въ заслугу, и если бы она его не имѣла, то подвергалась бы насмѣшкамъ.

Для огромнаго большинства этихъ дѣвушекъ нѣтъ иного выхода, какъ замужество, но мужъ не является къ ней какъ существо особаго рода: онъ выходитъ изъ той же толпы жаждущихъ ея тѣла мужчинъ, и ея чувство къ будущему супругу отличается только силой, но не характеромъ.

Воспитанная въ желаніи нравиться мужчинамъ, женщина не можетъ переродиться. Это желаніе вошло въ плоть и кровь, и она можетъ любить мужа, но не можетъ не желать поклоненія другихъ мужчинъ.

Общество, стоящее на стражѣ супружеской добродѣтели, отнюдь не преслѣдуетъ, однако, тѣхъ мужчинъ, которые ухаживаютъ за чужими женами. Храня святость брака, оно считаетъ совершенно излишнимъ охранять его отъ покушеній. Въ глазахъ общественаго мнѣнія обманутый мужъ опозоренъ, а обманувшая женщина — преступница, но тотъ мужчина, который наталкиваетъ женщину

на преступленіе, если не герой, то во всякомъ случаѣ не преступникъ.

Поэтому каждая молодая и красивая женщина окружена мужчинами, которые изо всѣхъ силъ стараются столкнуть ее съ пути добродѣтели, и всю отвѣтственность общество возлагаетъ на слабую волю женщины, воспитанной въ атмосферѣ флирта, и на мужа, надъ ревностью котораго оно смѣется. До тѣхъ поръ, пока семейная драма не вышла на улицу, супругамъ предоставляется полная свобода хранить или не хранить супружескую вѣрность, но какъ измѣна стала достояніемъ молвы, общество немедленно вступаетъ въ свои права, карая преступниковъ безчестіемъ и позоромъ.

При этомъ, какъ это ни странно, позоръ падаетъ, главнымъ образомъ, не на виновнаго, а на пострадавшаго.

Хотя общество равно требуетъ вѣрности супружескому долгу, какъ отъ мужа, такъ и отъ жены, но въ дѣйствительности его отношеніе къ измѣнѣ тѣло или другого супруга совершенно различно. Въ то время, какъ обманутая жена—жертва, достойная сожалѣнія, обманутый мужъ — смѣшной рогоносецъ, достойный только презрѣнія и насмѣшки. Зато измѣна женщины — тяжкое преступленіе, а измѣна мужчины — пустякъ, къ которому общество относится болѣе чѣмъ снисходительно.

Эта лицемѣрная путаница уродливо и болѣзненно отражается на взаимоотношеніи супруговъ. Женщина не видитъ ничего дурного въ томъ, что она окружена поклонниками, не скрывающими своего желанія обладать ею, и служить объектомъ вождѣнія не кажется ей ни позорнымъ, ни отвратительнымъ. Ревность мужа только раздражаетъ и оскорбляетъ ее, какъ покушеніе на ея женскую свободу. Чтобы сохранить эту свободу, она должна

лицемѣрить и лгать передъ мужемъ даже тогда, когда фактически она вѣрна ему. Съ другой стороны, мужъ не можетъ не видѣть и не понимать, чего хотятъ отъ его жены толпы этихъ мужчинъ. Помимо естественной ревности самца, въ немъ — страхъ позора и страданія оскорбленнаго самолюбія. Боясь казаться смѣшнымъ, онъ долженъ лицемѣрно разыгрывать роль слѣпота, привѣтливо пожимая руки тѣмъ людямъ, которые только и думаютъ, какъ бы украсить его рогами... На этомъ скользкомъ пути достаточно одного невѣрнаго шага, чтобы равновѣсіе было нарушено и произошла катастрофа.

Но самъ воспитанный въ неуваженіи къ святости чужого брака, мужъ твердо вѣритъ, что «измѣна мужа — плевокъ изъ окна на улицу, а измѣна жены — плевокъ съ улицы въ окно». Ревнивый стражъ добродѣтели своей жены, онъ такой же врагъ женской добродѣтели вообще, какъ и всѣ мужчины. Его душа насквозь пропитана готтентотской моралью: если я украду чужую жену, это добро, а если у меня украдутъ жену, это зло!

Искренность между супругами совершенно невозможна, и они вынуждены скрывать другъ отъ друга цѣлую огромную область своей жизни. Они идутъ рядомъ, но зорко стерегутъ каждое движеніе, словно два смертельные врага, которыхъ судьба заставила жить вмѣстѣ.

Быть можетъ, они любятъ, цѣнятъ и уважаютъ другъ друга, но имъ также тяжело, какъ тяжело двумъ каторжникамъ, прикованнымъ къ общей тачкѣ, не имѣющимъ возможности сдѣлать ни одного движенія такъ, чтобы не нарушить покоя и свободы другъ друга.

Быть можетъ, когда-нибудь человѣкъ поднимется на такую высоту, что, наконецъ сумѣетъ

подчинить свою жизнь требованіямъ разума. Тогда человѣчество отдѣлитъ любовь отъ страсти и трагедія двухъ половъ отойдетъ въ область преданія, какъ пережитокъ варварской эпохи.

Люди будутъ искать духовнаго общенія другъ съ другомъ, независимо отъ пола, и физической близости, независимо отъ жизни духа. Если духовная близость возникнетъ между мужчиной и женщиной, то они естественно будутъ дарить другъ другу и физическую ласку, но эта ласка не будетъ обязательной и доминирующей въ ихъ отношеніяхъ,

Тогда исчезнутъ ревность, измѣны, ложь и лицемеріе. Мужчина и женщина не будутъ врагами, свободно расходясь и сходясь, прерывая и возобновляя физическую связь безъ насилія надъ собою.

Конечно, въ настоящее время мы еще слишкомъ грубы, слишкомъ примитивны, и если бы чья-нибудь властная рука декретировала такъ называемую свободу любви, то изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ грязи и крови. Звѣрь сорвался бы съ цѣпи, и воцарился бы всеобщій «свальный грѣхъ», полный мерзости, разнузданности и безобразнаго разврата.

Но все-таки я не думаю, чтобы отдѣленіе любви отъ страсти было утопией. Въ этомъ есть внутренняя правда и внутренняя необходимость. Какъ безобразно и ужасно, что духовная жизнь человѣка тѣсно связана съ грубо животными его потребностями, такъ же безобразно и ужасно то, что у человѣка отнята возможность свободно и полно наслаждаться всѣми радостями бытія.

И внимательно вглядываясь въ эволюцію отношеній двухъ половъ, можно уже и теперь замѣтить едва уловимое, но неуклонное теченіе въ эту сторону.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Подъ солнцемъ	5
Деревянный чурбанъ	32
Старая исторія	62
Братья Аримаеѣйскіе	98
Смѣхъ	115
Мужикъ и баринъ	132
О бракѣ	138

449.691

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00457131 7